
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

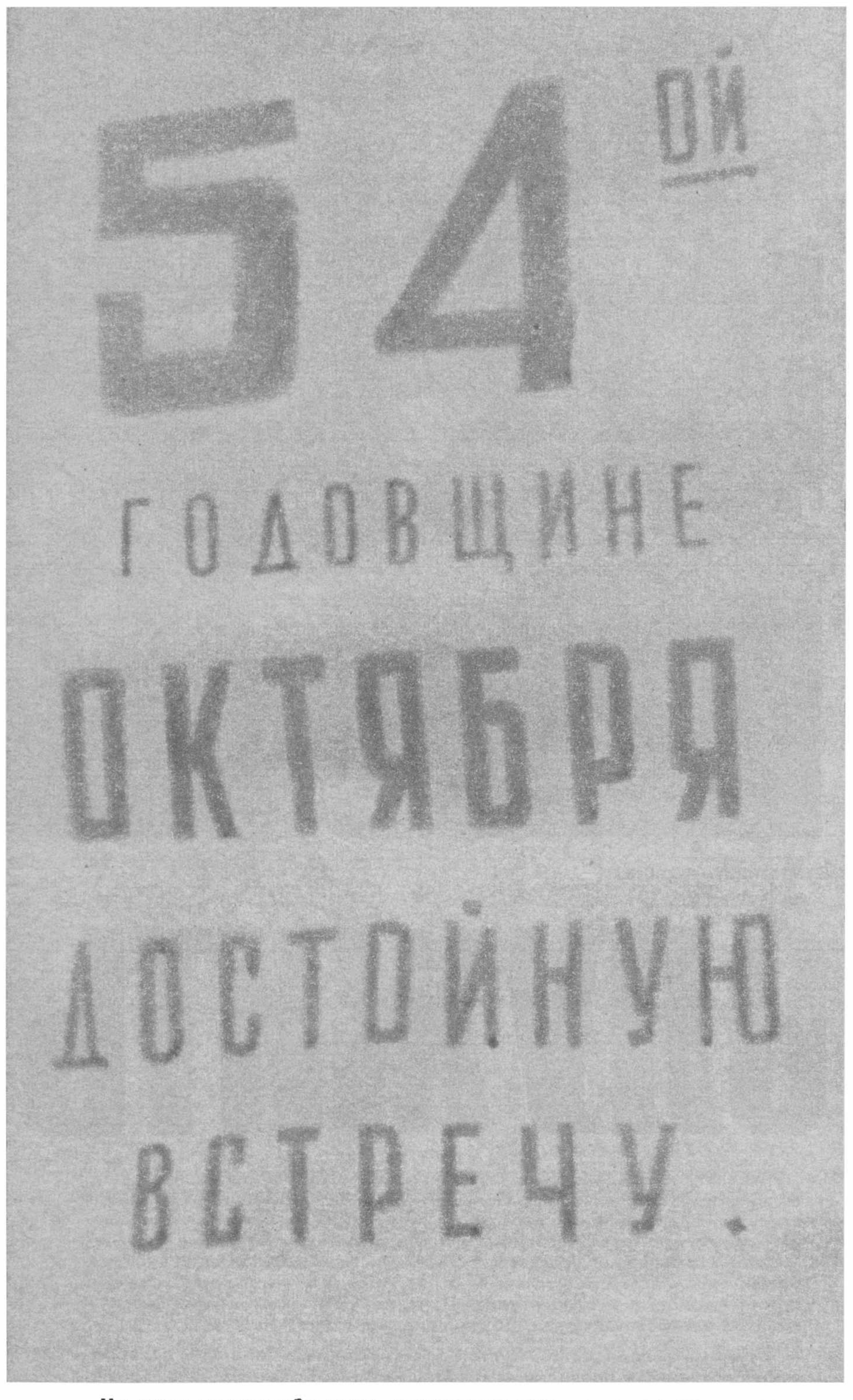
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2312)

23 ОКТЯБРЯ 1971

ТРУД, ТВОРЧЕСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ

На вахте предоктябрьского социалистического соревнования тружеников Московского завода шлифовальных станков — бригада Николая Салтыкова. Вот они — слесари-сборщики Владимир Морозов и Вячеслав Миловидов, а в центре сам бригадир. Их девиз: сменное задание — на 200 процентов!

Фото А. Награльяна.

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ШИРЕ РАЗМАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА КПСС, ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ!

Из Призывов ЦК КПСС к 54-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ДЕЛО ВСЕЙ ПАРТИИ, ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА

В печати опубликовано сообщение Центрального Комитета КПСС о том, что Политбюро ЦК КПСС 14 октября рассмотрело и одобрило представленный Советом Министров СССР проект пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, развернутого по годам пятилетки, по министерствам, ведомствам и союзным республикам, а также проект Государственного бюджета СССР на 1972 год. Проект пятилетнего плана составлен в соответствии с положениями, выдвинутыми в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, в Резолюции и Директивах съезда.

Вчитываясь в строки этого сообщения, каждый из нас, советских людей, находит здесь имеющие огромное принципиальное значение указания Политбюро ЦК КПСС о важнейших задачах партийных организаций, государственных и хозяйственных органов, всех коллективов трудящихся по успешной реализации решений XXIV съезда партии в области экономического и культурного строительства в девятой пятилетке. При этом партия еще и еще раз обращает особое внимание на выполнение главной задачи девятой пятилетки — обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда.

Задачи, поставленные перед нами XXIV съездом партии, поистине грандиозны. И, как отмечает Политбюро ЦК КПСС, «успешное осуществление пятилетнего плана в решающей мере определяется повышением эффективности общественного производства во всех его звеньях, неуклонным ростом производительности труда на основе широкого применения достижений науки и техники».

Горячо поддерживая политику Коммунистической партии, советские люди отдают все силы борьбе за осуществление величественной программы дальнейшего развития нашей экономики. Выполнение заданий пятилетки — дело всей партии, всего советского народа. «Политбюро ЦК КПСС с глубоким удовлетворением отметило, что в стране развернулось всенародное социалистическое соревнование, которое воплощает в себе политический и трудовой подъем масс, вызванный историческими решениями XXIV съезда партии».

В эти дни со всех концов страны поступают добрые вести о трудовых победах участников социалистического соревнования в честь 54-й годовщины Великого Октября.

...Слесарь-инструментальщик завода «Кузбассрадио» Герой Социалистического Труда А. Бабенков, работая по личному плану-обязательству, уже выполнил задание первого года пятилетки.

...Из недр Каракумов извлечено и отправлено по газопроводу Средняя Азия — Центр около 140 миллионов сверхплановых кубометров газа. Производительность труда людей, добывающих «голубой огонь», возросла с начала года на 8 процентов.

...679 многостаночников Таганрогского комбайнового завода лидируют в предоктябрьском социалистическом соревновании.

...Кокчетавские хлеборобы засыпали в закрома Родины на 493 тысячи тонн зерна больше, чем требовалось по плану.

Страна наша уверенно идет вперед, к новым рубежам коммунистического строительства!

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью.

Фото Дм. Бальтерманца.

Л. И. БРЕЖНЕВ: «ПУСТЬ ЖЕ В ВАШИХ ДЕРЗАНИЯХ, В ДЕЛАХ И МЕЧТАХ БУДЕТ ВСЕГДА ЖИВ ДУХ ВАШЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДОСТИ, ПУСТЬ НЕ ОСТЫВАЕТ ПЛАМЯ ВАШИХ СЕРДЕЦ, ПУСТЬ ЧИСТЫ И БЛАГОРОДНЫ БУДУТ ВАШИ ПОМЫСЛЫ».

Из речи на Всесоюзном слете студентов.

В президиуме слета.

СЛУЖИТЬ

Веселая, жизнерадостная студенческая молодежь заполонила в то солнечное октябрьское утро Большой Кремлевский дворец. 19 октября здесь, в зале заседаний Верховного Совета СССР, открылся Всесоюзный слет студентов. Собрались юноши и девушки, снискавшие большое уважение отличными успехами в учении и активной общественной работой, гвардейцы строительных отрядов и ударных комсомольских строек, молодые исследователи. Присутствуют также студенты-отличники из зарубежных стран, обучающиеся в советских вузах.

Бурными аплодисментами, стоя, участники слета сердечно приветствуют появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева.

Вместе с ними в президиуме министры, ученые, прославленные военачальники, представители Ленинского комсомола, советского студенчества, космонавтов.

Слет открывает первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Знамя ЦК ВЛКСМ вносят в зал заседаний.

ОТЧИЗНЕ ВЕРНО!

От имени собравшихся он сердечно приветствует Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза товарища Л. И. Брежнева, членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарей ЦК КПСС.

Е. М. Тяжельников сообщает, что в зале присутствует более 2 500 делегатов — представителей всех вузов нашей страны. От имени ЦК ВЛКСМ и коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР он объявляет Всесоюзный слет студентов открытым.

В зал вносится знамя Центрального Комитета ВЛКСМ. Под бурные аплодисменты избирается почетный президиум слета в составе Политбюро ЦК КПСС.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Участники слета встречают его бурной, долго не смолкающей овацией, возгласами: «КПСС — слава!», «Ленинскому Центральному Комитету — слава!»

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев поздравил собравшихся с открытием Всесоюзного слета студентов и передал им, всему многомиллионному отряду советского студенчества горячий привет и пожелания успехов.

Яркая речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами. Заключительные слова речи Генерального секретаря ЦК КПСС участники слета встретили стоя, бурной овацией. Зал скандировал: «Коммунистической партии Советского Союза — слава!», «Ленинскому Центральному Комитету — слава!», «Ура!».

От имени участников слета выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Он выразил Леониду Ильичу Брежневу, Центральному Комитету партии, Советскому правительству самую искреннюю благодарность и сыновнюю признательность за повседневное, чуткое, трогательное внимание к Ленинскому комсомолу, к молодежи, к советскому студенчеству, за высокие награды Родины.

Затем с докладом «Задачи высшей школы на современном этапе коммунистического строительства» выступил министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин.

Участники слета приветствуют Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Париж с Эйфелевой башни.

Фото специального корреспондента «Правды» Ю. Яснева.

Лев КОРОЛЕВ

СССР—ФРАНЦИЯ: ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Очень многие провинции Франции довелось посетить мне в последнее время, встречаться с самыми разными людьми, вести беседы на всевозможные темы. И всякий раз, с кем бы ни шел разговор — с простыми рабочими или крестьянами, мэром города или депутатом парламента, министром или представителем деловых кругов,— речь заходила о большом значении советско-французского сотрудничества для двух стран и народов, для всеобщего мира. О некоторых из этих встреч мне и хотелось бы рассказать.

...Фос-сюр-Мэр. 3 500 жителей. Крошечная точка на карте Франции в 50 километрах к западу от Марселя. Здесь, в этом местечке, очень похожем на многие другие рыбачьи поселки Средиземноморья, с его романской церковью, узкими улочками и приземистыми домами, Франция предпринимает гигантское строительство, пожалуй, самое большое в своей истории. Здесь, недалеко от старого Фоса, с его развалинами древней крепости Крестоносцев, создается индустриальный комплекс, который включит в себя оборудованный по последнему слову техники порт, способный принимать нефтяные танкеры водоизмещением в 200 тысяч тонн, металлургические предприятия, которые будут давать 25 миллионов тонн стали, химические заводы и ряд других промышленных объектов. Девять тысяч человек второй год готовят место для этих гигантов, строят дома, расчищают пустынные земли на площади, равной территории Парижа.

Я побывал в огромной бетонной башне, сооруженной в самом центре нового промышленного района, и здесь руководители строительства рассказывали мне о том, чем станет Фос через несколько лет. Отсюда, из этой башни, отчетливо видно, как по морю со всех сторон в Фос идут корабли со стройматериалами и оборудованием из многих стран мира. Сюда прибывают рабочие, чтобы создавать то, что даст работу 40 тысячам жителей Прованса, где проблема безработицы сейчас, пожалуй, серьезнее, чем в любой другой французской провинции.

В соответствии с Соглашением, которое было подписано между Францией и Советским Союзом, в этом гигантском строительстве примут участие и наши специалисты по черной металлургии. Это участие будет касаться разработки проектов, технологии производства, а также поставок советского оборудования.

В Фосе хорошо знают, что черная металлургия СССР занимает ведущее место в Европе и мире, и поэтому сотрудничество с нашей страной воспринимается здесь с большим удовлетворением.

Об этом мне рассказывал депутат соседнего с Фосом городка Пор-де-Бук — Рене Риебон:

— Мы искренне приветствуем тот факт, что в создании одного из главных элементов Фоса — металлургических заводов — примет участие Советский Союз с его колоссальным опытом и достижениями в области черной металлургии. Мы уверены, что это еще больше расширит экономические связи, существующие у Франции с Советской страной.

С большим удовлетворением рассказывали мне в другом южнофранцузском городке, Ля-Сен, еще об одном аспекте советско-французского экономического сотрудничества — в области судостроения.

Мэр этого города Филипп Джованини, старый коммунист, за плечами которого годы подполья и движения Сопротивления, с благодарностью говорил о том, что Советский Союз разместил на верфях Ля-Сен свои заказы.

— Строительство судов для Советского Союза,— сказал мэр Ля-Сен,— имеет огромное значение для нас. Это, во-первых, дает работу трудящимся нашего городка и, естественно, сокращает безработицу, которая здесь существует. Но это строительство не только позволяет расширить объем и укрепить экономические связи между нашими странами, оно имеет также большое человеческое значение. Я говорю о тех дружеских контактах, которые установились между советскими инженерами и техниками с нашими судостроителями и всем

населением Ля-Сен. Это, несомненно, идет на пользу укреплению дружбы между нашими странами, а следовательно, на пользу делу мира на земле.

...Автомобильный завод «Рено» в парижском пригороде Булонь — Бийянкур. Я приехал сюда, чтобы встретиться с руководителями этого предприятия, имеющего широкие связи с советскими заводами. Перед входом в «Рено» небольшой сквер, разбитый вокруг старой мастерской, где в конце прошлого века был создан первый французский автомобиль. Сохраняя эту реликвию, завод «Рено» отдает дань уважения пионерам французского автомобилестроения. Здесь же еще один памятник, но уже более близкого прошлого — старый танк времен первой мировой войны. Такие танки сходили с конвейера «Рено», когда наши народы сражались против общего врага. Рядом с танком — обелиск в память о тех, кто не вернулся с полей сражения.

Разговор переходит на сегодняшний день, когда наши страны прилагают немалые усилия к укреплению мира в Европе, давая другим государствам хороший пример плодотворного сотрудничества во многих областях. Автомобилестроение в этом смысле не является исключением. Завод «Рено», на котором занято около 100 тысяч рабочих, идет в авангарде других французских предприятий. Уже многое сделано, и намечаются новые перспективы.

— Наш опыт работы с советскими организациями позволяет с оптимизмом смотреть в будущее советско-французских отношений в области автомобилестроения,— сказал мне директор службы международных связей завода «Рено» Пьер Эльсен.— Сотрудничество «Рено» с советскими заводами является одной из иллюстраций плодотворного развития советско-французских экономических связей, для которых поездка Леонида Ильича Брежнева во Францию открывает новые перспективы.

...Дом № 101 по парижской улице Гренель. Здесь помещается Министерство промышленного и научного развития Франции. Его возглавляет Франсуа Ортоли. Я попросил его прокомментировать нынешнее состояние советско-французского экономического и технического сотрудничества.

— Достигнутый итог,— заявил Франсуа Ортоли,— является, на мой взгляд, весьма позитивным, и это тем более важно, что он представляет собой результат твердой политической линии, проводимой нашими странами. Экономическое, техническое и научное сотрудничество между СССР и Францией находится на добром пути, в связи с этим я полагаю, что визит во Францию Леонида Ильича Брежнева, который представляется мне исключительно важным, открывает новые горизонты перед нашим сотрудничеством. Это сотрудничество не случайное или преходящее явление, оно основано на твердой воле наших государств трудиться рядом друг с другом, на традиционной дружбе наших народов.

О традиционной советско-французской дружбе говорил мне и председатель Национального собрания Франции Ашиль Перетти.

— Когда люди встречаются, узнают и оценивают друг друга,— сказал Ашиль Перетти,— когда они завязывают узы дружбы, это ведет к улучшению отношений между странами, которые они представляют. Вы знаете, что связи между парламентариями Советского Союза и Франции являются разнообразными и последовательными. Не может быть сомнений в том, что они станут еще более крепкими в результате визита в нашу страну Леонида Ильича Брежнева. Этот визит будет иметь огромное значение для укрепления дружбы, существующей между нашими государствами, поскольку он преследует именно эту цель. Осуществляется этот визит в исключительно благоприятных условиях симпатии и подлинной дружбы, которые традиционно объединяют Францию и Советский Союз. И поэтому я искренне приветствую этот визит, который, несомненно, принесет в этом благородном деле свои новые положительные плоды.

Париж,
по телефону.

МОСКВА И КАИР СТАЛИ БЛИЖЕ

Вадим **КАССИС**

За последние десять месяцев мне дважды пришлось побывать в Египте. Впечатлений от встреч и поездок по стране много. Даже за столь короткий срок египетский народ успел сделать немалый шаг вперед. И когда я делился этими мыслями с египтянами, они обычно подчеркивали: наша экономика растет и крепнет прежде всего благодаря расширению экономических связей с Советским Союзом, благодаря плодотворной советско-египетской дружбе. Нередко они вспоминали ту или иную статью недавно подписанного в Каире советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на предвыборном собрании трудящихся Бауманского избирательного округа Москвы, сказал: «В содержании этого Договора нашли яркое выражение тесная дружба, обоюдная поддержка и взаимопонимание, которыми отличаются отношения Советской страны с прогрессивными арабскими государствами. Мы рассматриваем этот документ как еще одно свидетельство растущего сплочения антиимпериалистического фронта народов». А газета «Аль-Гумхурия» так охарактеризовала Договор: «Опыт отношений между АРЕ и СССР за истекший период — это образец отношений между развивающейся страной и самым крупным социалистическим государством для всего третьего мира. Связи Египта с СССР были и есть один из важнейших элементов нашей способности идти вперед по пути прогресса, развиваться экономически и выстоять перед лицом наших врагов».

К сожалению, приходится констатировать, что одной из самых «горячих точек» нашей планеты до сих пор остается Ближний Восток. До сих пор еще не ликвидированы последствия израильской агрессии 1967 года против Египта и других арабских стран. Тель-Авив продолжает осуществлять свой обструкционистский курс в отношении ближневосточного урегулирования. В Израиле попрежнему делают ставку на агрессию и поклоняются сеющим смерть «фантомам». Там саботируют конструктивные предложения Арабской Республики Египет и отказываются выполнять известную резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года.

Буквально на днях премьер Голда Меир вновь с присущим ей цинизмом заявила, что Израиль «никогда» не согласится на границы в том виде, как они проходили до «шестидневной» войны 1967 года. Израильские правящие круги заняли столь же отрицательную позицию и по вопросу о восстановлении судоходства по Суэцкому каналу. Голда Меир отклонила предложение об отводе израильских войск с восточного берега канала, что должно было бы стать первым шагом на пути выполнения резолюции Совета Безопасности.

По вполне понятным причинам советско-египетское сотрудничество имеет первостепенное значение для отпора экстремистской политике ястребов из Тель-Авива. Советский Союз оказывает Египту разностороннюю помощь, которая направлена на упрочение политической и экономической независимости.

В поездках по Египту я интересовался, каковы главные пути нынешнего промышленного развития республики. Ответы сводятся вот к чему: наряду с модернизацией текстильной промышленности и прочих традиционных отраслей страна направляет основные усилия на создание и совершенствование национальной индустрии. В качестве базы для этих планов неизменно называют замечательный гидрокомплекс в Асуане, Хелуанский металлургический комбинат и другие объекты, которые за последние годы были построены с советской помощью.

Вопросы расширения экономического сотрудничества обсуждались между руководителями Советского Союза и президентом АРЕ Анваром Садатом во время недавнего официального визита в Москву главы египетского государства. В итоговом коммюнике говорится, что президент АРЕ А. Садат подчеркнул, что египетское руководство придает важное значение дальнейшему развитию советско-египетской дружбы и сотрудничеству с Советским Союзом во всех областях, рассматривая их как важнейший фактор укрепления позиций АРЕ в борьбе против империализма и сионизма, за дальнейшее развитие страны по пути социального прогресса.

Успехи египтян, осуществляющих на своей древней и молодой земле глубокие социальные преобразования, советско-египетская дружба вызывают лютую злобу в стане империализма. Силы реакции не оставляют попыток вбить клин как в отношения между арабскими государствами, так и в их сотрудничество с Советским Союзом, странами социализма. Как метко заметила недавно одна каирская газета, западные пропагандисты, поймав в сети одни иллюзии, пытаются теперь торговать этим «уловом». Однако арабские народы давно разобрались, кто их друзья и кто враги. Планы реакции построены на песке. Они обречены на провал. В ходе визита Анвара Садата в Москву была вновь подтверждена незыблемость принципов солидарности советского народа с борьбой арабских государств за справедливое урегулирование ближневосточного кризиса.

Дружба Советского Союза и Арабской Республики Египет выдержала испытания на прочность. Ей дано развиваться и крепнуть. Москва и Каир с каждым днем становятся все ближе.

Дружба народов Советского Союза и Ирана имеет многовековую историю. А ныне эта дружба и крепнущее взаимовыгодное сотрудничество стали свидетельством того, как претворяются в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Делу добрососедства и сотрудничества народов служит недавно завершившийся визит в Иран Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, который по приглашению шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви принял участие в празднествах по случаю 2 500-летия иранского государства.

Во время пребывания Н. В. Подгорного между высоким советским гостем и шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви состоялись дружественные беседы, проходившие в атмосфере уважения и взаимопонимания.

На снимке: Персеполис (Иран) 15 октября. На центральной трибуне во время парада (слева направо) император Эфиопии Хайле Селассие I, шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, шахиня Фарах Пехлеви, Н. В. Подгорный, президент СФРЮ И. Броз Тито, Иованка Броз.

Телефото ТАСС.

18 октября в Оттаву по приглашению Премьер-Министра Канады П. Э. Трюдо с официальным визитом прибыл Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В аэропорту Аплендс, украшенном государственными флагами Советского Союза и Канады, высокого гостя встречали Премьер-Министр Канады и другие официальные лица.

Сотрудничество СССР и Канады в решении важных международных проблем имеет первостепенное значение в мире, где наметились тенденции к ослаблению напряженности. В центре внимания канадской печати, радио и телевидения — переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо. В ходе этих переговоров, проходивших в дружественной и откровенной обстановке, состоялся обмен мнениями по широкому кругу международных проблем, представляющих взаимный интерес.

На снимке: во время встречи в оттавском аэропорту Аплендс. А. Н. Косыгин и П. Э. Трюдо.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен находился 17 и 18 октября в Советском Союзе с неофициальным визитом.

Во время визита Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко имели беседы с Президентом Финляндской Республики У. Кекконеном.

В принятом коммюнике обе стороны высказали удовлетворение тем, что отношения между Советским Союзом и Финляндией продолжают успешно развиваться, и выразили решимость стремиться и впредь к развитию и расширению существующих между Советским Союзом и Финляндией дружественных, добрососедских отношений, в соответствии с принципами, выраженными в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

При обсуждении международных проблем было уделено должное внимание, в частности, вопросам европейской безопасности и особенно подготовки общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству.

18 октября Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен отбыл из Москвы в Хельсинки.

На снимке: Президент Финляндской Республики У. Кекконен, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко перед началом беседы.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

УПРАВ КОТОР

Главный редактор журнала «Экономика и организация промышленного производства», член-корреспондент Академии наук СССР А. Г. АГАНБЕГЯН дает интервью нашему корреспонденту Ю. ЛУШИНУ.

ВОПРОС. В центре редактируемого вами журнала стоят проблемы научного планирования и управления промышленностью. В то же время часто говорят: «искусство управления». Нет ли здесь противоречия?

ОТВЕТ. Управление — и наука и в известном смысле искусство, причем искусство весьма высокое. Крупный специалист в области управления так же редок, как хороший художник или скульптор. Управление все в большей степени становится сплавом искусства с наукой. Это — веление времени. На наших глазах происходит настоящая революция в управлении, которая является составной частью всеобщей научно-технической революции.

ВОПРОС. В чем же заключается революция в управлении?

ОТВЕТ. Если говорить коротко, в двух вещах: во-первых, во все более полном переводе управления на научные рельсы и, во-вторых, в подведении под управление современной технической базы в виде электронно-вычислительной информационной и организационной техники, автоматических средств связи. Сплав новых научных методов и современной техники управления дает новое качество — систему управления, и именно в переходе к системам управления и состоит революция в этой жизненно важной сфере.

Чтобы показать всю принципиальную разницу в старом и новом подходе к управлению, приведу пример.

Как раньше создавали управление новой организации? Начинали с назначения директора, он в соответствии со штатным расписанием набирал аппарат управления, назначались заместители.

Сравним для контраста этот путь создания органа управления с созданием, например, самолета. Здесь тематическое моделирование: рассчитываются зависимости между параметрами новой машины (подъемной силой крыла, грузоподъемностью, мощностью двигателя, высотой и дальностью полета и прочим), причем делаются разные варианты, из которых выбирается лучший. Затем строят физические модели самолета и экспериментально испытывают их в аэродинамической трубе, уточняя характеристики будущего изделия. После этого идет стадия конструирования, в которой десятки организаций и тысячи специалистов совершенствуют модель, и только после этого изделие можно считать созданным.

Так вот, теперь к созданию управления стали подходить как к созданию самолета, то есть как к системе. Вот, скажем, в управлении заводом тоже сначала строятся десятки моделей, из которых затем выбирается лучший — оптимальный — вариант.

ВОПРОС. В чем же конкретно выражается этот системный подход к управлению?

ОТВЕТ. Прежде всего в исследовании, проектировании и конструировании системы управления, например, крупного завода — по аналогии с процессом создания самолета. В процессе исследования конструируются цели и задачи управления, функции управляющего органа, путем альтернативного рассмотрения организационных структур выбирается оптимальная, причем разрабатывается схема информационных потоков, диаграмм соподчиненности, должностные характеристики и многое другое. Намечаются также контуры автоматизированной системы управления АСУ (задание на проектирование). За стадией исследования следует этап проектирования и конструирования системы, когда определяются методы и процедуры управления, которые по возможности должны быть автоматизированы, составляются конструкции и программы, подбираются технические средства АСУ и т. п. В этой работе принимают участие как ее заказчики (скажем, дирекция завода, желающая улучшить управление), так и специализированные организации по созданию систем управления, численность которых в нашей стране измеряется уже десятками. Около 400 АСУ на предприятиях, в организациях, министерствах уже либо действуют, либо закупаются. Постепенно создается подлинная индустрия систем управления. Ведь в новом пятилетии в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС должно быть внедрено 1 600 АСУ, и на эти цели выделяются тысячи электронно-вычислительных машин и миллиарды рублей.

Так что теперь в «конструирование» систем управления вкладывается и будет вкладываться, пожалуй, не меньше средств, чем в самолетостроение. И это себя, безусловно, многократно оправдает.

Хочется только специально подчеркнуть, что сама по себе современная техника управления, прежде всего ЭВМ, не обеспечивает успех дела. Качество управления, его эффективность еще в большей степени зависят от использования — не по форме, а по существу — научных методов при подготовке специалистов, подборе и расстановке кадров.

ВОПРОС. Не попытаетесь ли вы сформулировать, о каких собственно новых научных методах управления идет речь.

ЛЕНИЕ—ИСКУССТВО, ОЕ СТАНОВИТСЯ НАУКОЙ

ОТВЕТ. К числу таких научных методов я бы отнес в первую очередь необходимость статистического подхода с перспективных позиций к оценке и принятию решения, новые подходы к сочетанию централизации в руководстве с самостоятельностью отдельных звеньев управления, директивного планирования с экономическим регулированием, системный анализ, программный подход, оптимизацию, экономико-математическое моделирование, социологические методы.

ВОПРОС. Видимо, новое в управлении требует и от руководителей некоторых новых качеств?

ОТВЕТ. Да, конечно, облик руководителя меняется и должен меняться. Автоматизация оперативного руководства исключительно важна не только потому, что выявляет скрытые резервы. Она важна еще и потому, что руководитель более высокого ранга высвобождается для стратегического, перспективного мышления. Каким зачастую рисовался руководитель в прошлое время? Это человек в кожаной куртке, с голосом громким и хриплым, человек, который неизвестно когда спит и ест. В кабинете его не встретите, он всегда в гуще народа, сам дает много идей, в каждом начинании принимает участие. Он всегда там, где трудно, всех знает в лицо и т. д. В те далекие, трудные годы, годы становления нового общества, подобный образ руководителя, видимо, был оправдан. Но нынешний руководитель должен быть другим. По типу мышления он все более приближается и в перспективе должен приблизиться к ученому. В наше время не так уж важно, чтобы руководитель знал все производство, всех людей, появлялся на всех участках. На заводах-гигантах и объединениях это попросту невозможно. Сейчас от руководителя требуется прежде всего умение смотреть вперед, в сторону прогресса техники, принимать стратегические решения, от которых в решающей степени зависит успех дела. Это связано с новыми возможностями развития, которые открывает научно-техническая революция, этого требует сложность современного производства.

ВОПРОС. Очевидно, в таких условиях особое значение приобретают экономические знания?

ОТВЕТ. Я думаю, что современный руководитель предприятия должен быть прежде всего специалистом в той области, к которой предприятие относится, причем желательно не узким специалистом. Он должен профессионально разговаривать и ясно понимать ученых, конструкторов, а также иметь широкое экономическое образование. И не только экономическое! Он должен владеть наукой и искусством управления. Я думаю, что главное для руководителя не столько самому все знать, сколько иметь правильный подход, мыслить перспективно. У нас тот или иной директор предприятия выступает в очень многих ролях: он и главный производственник, и главный финансист, и главный снабженец, и т. п. Чем больше ролей, тем хуже выполнение конкретных функций. Директор должен заниматься в первую очередь стратегией руководства и расстановкой кадров. К сожалению, кадры управляющих недостаточно глубоко осваивают науку управления. И не по своей вине. При повышении квалификации у нас развито почти исключительно лекционное обучение директоров. Я сам не раз выступал с лекциями, но считаю, что такое обучение малоэффективно. Конечно, и такая форма нужна, но лучшая форма, когда человек сам, своей головой дойдет до какого-либо решения.

Например, вы рассказали директорам, как нужно бороться с текучестью. Что же, вы могли кого-то заинтересовать, подтолкнуть — не более. Но совсем другое дело, когда люди разбиваются по группам, затем каждой группе говорят: вы директор такого-то завода, там большая текучесть, какое вы примете решение? Рядом — кабинет, где есть все данные по этому заводу, но вам будут выдавать только те, какие вы потребуете. На основании этих данных вы изучите состояние дел. Затем вы готовите доклад о том, как, по вашему мнению, сократить текучесть, этот доклад обсуждается на семинаре, куда приглашаются настоящий директор завода и его заместитель по кадрам, а разные группы выступают каждая со своей альтернативой. Согласитесь, что в этом случае эффективность обучения была бы совсем иной.

Главной формой обучения руководителей, по моему мнению, должен стать подобный ситуационный анализ, деловые игры, выполнение проектов по совершенствованию управления и другие формы творческой работы, а не пассивное слушание лекций.

ВОПРОС. Вы сказали, что в перспективе руководитель предприятия по типу мышления должен приблизиться к ученому. Как далека, по-вашему, такая перспектива?

ОТВЕТ. Она не столь уж далека. Могу назвать множество имен руководителей нового типа. Я преклоняюсь перед тюменскими руководителями — начальниками главков по разведке нефти и газа и добыче нефти. Если говорить о руководителе предприятия, то вот вам яркий пример — В. Д. Ялевский, директор шахты «Зыряновская» в Кузбассе. Это человек, который взял отстающую шахту, глубоко и умно разработал перспективный план, организовал его выполнение и вывел шахту с двадцать четвертого на первое место в бассейне! На шахте достигнута выработка более ста тонн угля на человека. Сейчас В. Д. Ялевский вместе с товарищами наметил перспективу на 1975 год, по которой они хотят достигнуть выработки 150 тонн. Вот что значит перспективный научный подход. Кстати, этот опыт мы попытались проанализировать в нашем журнале «ЭКО».

ВОПРОС. Вы говорили об учебе руководителей предприятий, о том, что они должны быть экономически подкованы. Помогает ли им в этом ваш журнал, за которым уже закрепилось короткое название «ЭКО»?

ОТВЕТ. Журнал «Экономика и организация промышленного производства» рассчитан на людей, которые либо сами управляют производством, либо интересуются этими вопросами. Наш замысел — сделать его экономическим журналом нового типа, с яркими иллюстрациями, проблемными статьями, репортажами, очерками не только о шахтах и заводах, но и людях. Это должно быть не сухое академическое издание, а массовый экономический журнал.

Мы стремимся оказывать своему читателю конкретную помощь по вопросам управления. Обширный отечественный и зарубежный опыт, поданный с четких идеологических позиций, новейшие данные экономической науки, раздумья и дискуссии крупных советских ученых-экономистов—все это должно помогать формированию нового типа руководителя. В чем еще специфика журнала? Мы и формат его сделали таким, чтобы он мог поместиться в кармане директора. Мы стараемся подать материал концентрированно, «кустами», стремясь осветить проблему со многих сторон. Например, по опыту социального управления в Рубцовске, где с помощью научных методов почти в полтора раза удалось снизить текучесть рабочих кадров, даем подборку статей: тут выступления первого секретаря горкома партии, научного руководителя этих работ, беседы с директорами, обсуждение проблемы за «круглым столом» и т. д. Или «куст» по оптимальному отраслевому планированию, который начинается со статьи руководящего работника Госплана, затем разбор «технологии» этого подхода и описание конкретных работ. Такими же были подборки статей о проблемах территориального планирования, об опыте зарубежных стран — например, об опыте нового хозяйственного механизма в Венгрии и Болгарии, дискуссия о причинах и методах быстрого промышленного развития Японии (для этого пришлось наиболее видных ученых-экономистов посадить за один стол). Особое внимание сейчас мы уделяем проблемам повышения эффективности общественного производства в свете решений XXIV съезда КПСС, читатель найдет изложение большого разговора крупных ученых-экономистов на эту тему. Журнал, по сути дела, только обретает свое лицо, и я думаю, что его аудиторией станет не только управленческий аппарат, но и широкие круги научно-технической интеллигенции, студенты, словом, все, кто интересуется научными методами управления.

И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС. Вы много говорили о стратегии, а в чем состоит стратегия возглавляемого вами коллектива экономистов Сибирского отделения Академии наук?

ОТВЕТ. Наша стратегия состоит в создании комплексного экономико-математического центра в Сибири, способного развивать экономическую науку, оказывать практическую помощь в планировании хозяйства, содействовать развитию производительных сил в районах Сибири. В настоящее время наш комплекс объединяет Академический институт экономики и организации промышленного производства, две хозрасчетные организации по внедрению достижений науки в практику — Институт автоматизированных систем планирования и Лаборатория экономико-математических исследований Новосибирского университета,— аспирантуру и журнал «ЭКО». В перспективе мы надеемся создать учебный центр по повышению квалификации управляющих, «Сибирский экономический журнал» и крупный экономический информационно-вычислительный центр, обслуживающий и науку и подготовку кадров.

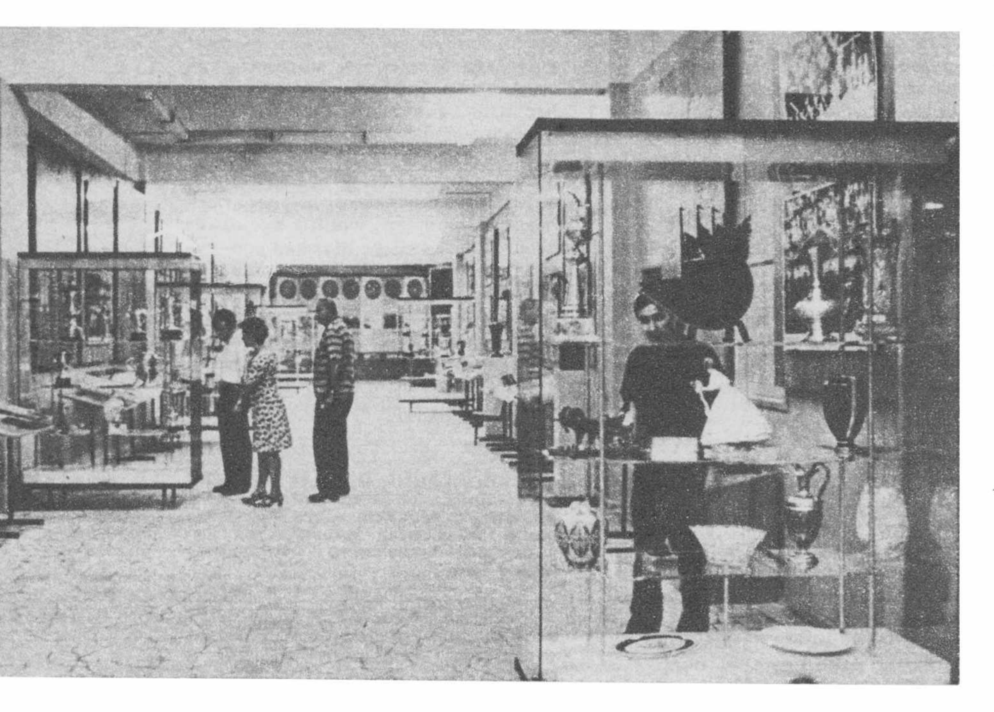
Все это мы стараемся сделать без существенного расширения штатов, а прежде всего за счет автоматизации экономических расчетов.

Все мы чувствуем, что экономическая наука в долгу перед народом, а наш коллектив в особом долгу перед сибиряками, и мы стараемся работать лучше, напряженнее.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У СТЕНДОВ МУЗЕЯ СПОРТА В ЛУЖНИКАХ

ЧЕСТЬ ФЛАГА

Александр **КИКНАДЗЕ**

Этот обычай возник давным-давно, во времена первых Олимпиад: победитель получал право пригубить из драгоценного Кубка. С тех пор стал Кубок символом спортивной победы. Искуснейшие мастера почитали за честь изготовить приз в честь победителя.

Много разных почетных призов есть в нашем спорте. Но самые почетные из них те Кубки, которые получают победители Спартакиады народов СССР. В Музее спорта в Лужниках под толстыми стеклами стоит Кубок, за который начали борьбу команды, вышедшие на старт V Спартакиады народов СССР, а рядом с ним хранятся тысячи трофеев, завоеванных советскими спортсменами на разных материках в борьбе с сильнейшими спортсменами мира.

Мы хотим поделиться с читателями мыслями, которые навевают экспонаты музея спортивной славы.

Этот музей находится под трибунами Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Сюда не долетают отзвуки спортивных страстей. Здесь тишина, которую принято называть музейной.

Семь тысяч экспонатов — это семь тысяч молчаливых и многозначительных свидетелей нашего спортивного восхождения. Под экспонатами подписи — в две, реже в три или четыре строки. Знаю, что в музеях иначе не бывает, и все же ловлю себя на мысли: как это несправедливо — несколько строк!

Вместе со мной от стенда к стенду бродят не спеша мальчишки, приехавшие на экскурсию из Волоколамска. Разглядывают медали первых русских чемпионов, листают страницы больших альбомов, толпятся у призов.

Один из мальчишек подходит к бронзовой скульптуре и шепчет, читая надпись: «Приз, разыгрываемый в чемпионатах мира по вольной и классической борьбе. Оставлен навечно в СССР».

— Смотри, Левка,— говорит он невысокому, но крепко сбитому пареньку,— навечно!

На постаменте два бронзовых борца. Один из них только что завершил атаку броском и перевел противника в партер. Кажется, что оба тяжело дышат. Напряглись мускулы, сейчас последует новая атака. Наверное, есть на свете куда более известные композиции на подобную тему, но более желанной награды для борцов всего мира нет! Эта награда вручается команде — победительнице чемпионата мира. В последний раз из Москвы в США на чемпионат вез этот приз Анатолий Рощин, наш тяжеловес, но и он кряхтел и морщился: бронзовые борцы весят более двух пудов. Но в Нью-Йоркском аэропорту, пересаживаясь с самолета на самолет, Рощин сказал: «Ладно, я согласен мучиться с ним и на обратном пути». И приз вернулся в Москву. И вот я стою рядом с двумя мальчишками и про себя называю имена тех, кто в схватках с сильнейшими борцами мира не дрогнул, добился победы: Рощин, Иваницкий, Алиев, Абашидзе, Медведь...

Одна деталь из истории только одного приза... Хорошо бы записать на магнитофонные ленты рассказы бывалых мастеров о том, как добывались эти кубки, вазы, скульптуры, как формировался в борьбе характер человека и характер команды. И о том, как падали рекорды. Экскурсоводам, какими бы начитанными они ни были, не дано рассказать обо всем этом так, как может рассказать сам виновник торжества. Он-то знает лучше других реальную стоимость какого-нибудь хрустального, оправленного в серебро кубка.

Хожу по музею, вглядываюсь в призы, вспоминаю слова Льва Кассиля, писателя, прекрасно знавшего спорт.

— На многое способен ради доброй славы для своей страны спортсмен. Проявить свое «Я» в любой сфере бытия дано сегодня только тому, кто оснастил себя всеми качествами полноценного человека. Спорт со свойственным ему духом соперничества требует полной отдачи, помогает понять, как далеко простираются возможности человека.

Да, ни один из этих призов не завоеван случайно. Спорт быстро ставит на место того, кого принято называть баловнем судьбы. Давая чемпионам всесветную известность, он требует нечто равноценное взамен. Взять может только тот, кому есть что отдавать.

Мы гордимся своими спортивными лауреатами, нашими молодыми советскими людьми, которые сызмальства сроднились с такими понятиями, как товарищество, чувство локтя, патриотизм, без которых немыслима ни одна спортивная победа. Спорт помогает нам открывать красоту человека, испытывает и закаляет мужество, самообладание, волю. Эти извечные спутники спорта стали спутниками нашей жизни, не потому ли так близко принимаем мы к сердцу все, что приносит спорт,— и радости и горести, без которых в конце концов никогда не бывает побед.

Когда вручали эти призы победителям, цвели улыбки. А что за улыбками? Знаем ли мы, каким путем достигается в наши дни победа? Вспоминаю, как в самой последней попытке, когда, казалось, все силы и все надежды были на исходе, смогли вырвать олимпийские победы в Мехико метатель копья Янис Лусис и мастер тройного прыжка Виктор Санеев. Вспоминаю, с каким трудом выбрались из лодки на берег гребцы Анатолий Сасс и Александр Тимошинин, только что победившие в олимпийской гонке: ноги с трудом донесли гребцов до скамеек, оба плюхнулись на них и мгновенно уснули. Много дней спустя Анатолий рассказывал:

— Я не спал тогда, просто был без сознания. Как прошли минуты до награждения, совсем не помню.

Вот что такое в наши дни спортивная победа!

Среди хрустальных и янтарных, отливающих золотом и серебром, бесхитростных и замысловатых по форме призов немало переходящих. Тех, за которые с каждым годом все острее борьба. Процесс ожесточения спортивной конкуренции закономерен и многозначителен: все искуснее, смелее и упорнее должен быть человек, выходящий на старт спортивного соревнования. Не надо быть провидцем, чтобы написать: с каждым годом нам будут все труднее доставаться новые экспонаты для музея в Лужниках.

Пишу об этом и вспоминаю молодых людей, с которыми встретился недавно в День открытых дверей в Государственном центральном институте физкультуры. Разве так далеко то время, когда на эти плечи, на плечи будущих тренеров и мастеров, ляжет нелегкое и почетное право приумножить спортивную славу отцов?

Хорошо готовить себя к этой борьбе можно лишь в том случае, если каждому будет ясно, во имя чего он идет на труднейшие физические и моральные испытания. Наши спортсмены всегда об этом помнят: во имя славы советского спорта, во имя славы своей социалистической Родины.

На фотографии улыбающийся, радостно вскинувший руку Юрий Власов. Помню день и час, когда снимок был сделан. Точнее, ночь и час: во втором часу ночи десятого сентября 1960 года. Соревнования штангистов тяжелого веса на Римской олимпиаде затянулись, но никто не уходил, ждали выхода на помост Власова.

В сумме троеборья советский штангист набрал тогда 537,5 килограмма. Это был мировой рекорд. Казалось, стоять ему долгие годы. И вот прошло лишь немногим больше десяти лет, и Василий Алексеев, как мы знаем, прибавил к тому власовскому результату больше ста килограммов! Но разве от этого потускнели те незабываемые минуты, когда Власов утвердил в Риме силу советских тяжеловесов, а непобедимых до этого американских отодвинул на второй и третий план?

...Главный хранитель фондов музея Леонид Берестецкий показывает на одном из первых стендов скромные трофеи, завоеванные русскими олимпийцами на Играх 1912 года в Стокгольме. Россия выставила на Олимпиаду одну из самых больших команд, а увозила с собой лишь серебряную медаль — за соревнование по дуэльной стрельбе. А в неофициальном командном зачете заняла место в середине второго десятка. Как же далеко шагнул советский спорт! К победам на Римской и Мексиканской олимпиадах — к триумфам советских стрелков и фехтовальщиков, гимнастов и боксеров, баскетболистов и хоккеистов.

...Секунды, метры, килограммы в таблицах рекордов будут меняться. Останется неизменным одно — честь флага, стремление утвердить не только свое «Я», но и свое «Мы», ибо в советском спорте эти два понятия нерасторжимы. Останется то, что называем мы спортивным патриотизмом.

Б. Тальберг (Москва). ГИМНАСТКИ.

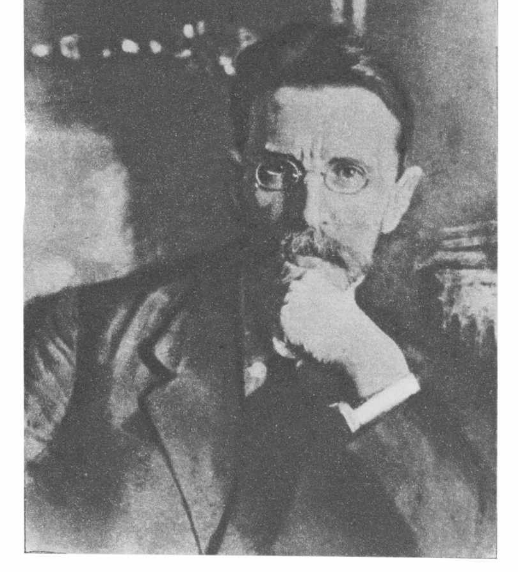

А. Мельников (Андижан). ЖОКЕЙ.

И. Городецкая (Харьков). ВЕСЕННИЙ КРОСС.

ОДИН ИЗ КОГОРТЫ

В. Воровский.

Исполняется сто лет со дня рождения видного деятеля КПСС и Советского государства Вацлава Вацлавовича Воровского.

Свыше двадцати лет В. В. Воровский был тесно связан с гением русской революции В. И. Лениным. Благотворное воздействие ленинской мысли на мировоззрение Воровского началось еще в 90-е годы прошлого века, когда он, будучи студентом Московского высшего технического училища, принимал активное участие в рабочем движении. Идейный разгром В. И. Лениным народника В. Воронцова, а также ранние ленинские произведения помогли молодому Воровскому освободиться от «народнического хвоста», как он впоследствии скажет о своих первоначальных увлечениях народнической идеологией.

В ссылке, куда он попал за пропаганду социалистических идей среди московских рабочих, В. Воровский вместе с Н. Бауманом и другими революционерами подписал известный ленинский «протест» против «кредо» «экономистов».

В период ссылки началась публицистическая деятельность Воровского. Первое выступление его в печати (статья «Письмо в редакцию» в журнале «Жизнь», 1901 год) против «легального марксиста» П. Струве было замечено В. И. Лениным.

Однако личное знакомство с В. И. Лениным состоялось позднее, в 1902—1903 годах, за границей, куда Воровский приехал для работы в «Искре».

Личное общение с Лениным в газете «Искра» после II съезда РСДРП, а потом совместная журналистская работа в большевистских газетах «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и других сыграли решающую роль в формировании Воровского как революционера ленинского типа, стойкого и несгибаемого большевика.

Воровский активно участвовал в работе III и IV съездов РСДРП, где неизменно проводил ленинский взгляд по разным вопросам тактики большевиков в революции 1905—1907 годов. Он выступал на митингах и собраниях, разоблачал мелкобуржуазную, соглашательскую тактику меньшевиков, пропагандировал марксистско-ленинскую идеологию. Именно в те годы им сказаны вдохновенные слова о партии. «Партия,— писал Воровский,— работающая в самой гуще пролетарской массы, кость от кости и плоть от плоти этой массы, живущая ее радостями и страданиями. Партия — просветитель и организатор этой массы, вечно впитывающая ее лучшие соки, но впитывающая с тем, чтобы тотчас же отдавать их массе. Партия — классовый фермент, как дрожжи, вызывающая классовое брожение и дающая исход этому брожению в организованной борьбе за социализм».

В период столыпинской реакции Воровский был направлен партией большевиков в Одессу для руководства подпольной партийной организацией. В эти годы он особенно много выступал по вопросам литературы и искусства, именно в то время расцвел его талант как тонкого и вдумчивого литературного критика, умело использовавшего легальные возможности печати для пропаганды большевистских идей в массах. Свою литературно-практическую работу Воровский рассматривал как неотъемлемый элемент общественно-политической революционной деятельности. Все его творчество проникнуто ленинским принципом партийности литературы. Со всем пылом большевистского сердца ратовал он в своих статьях за высокую идейность и народность русской литературы, за реалистическое отображение действительности, за художественное совершенство произведений.

Большое внимание Воровский уделял мировоззрению писателя. Как известно, в годы столыпинской реакции в русской литературе и искусстве пышным цветом начал расцветать модернизм. Декаданс, наложивший глубокий отпечаток на буржуазное искусство, затронул и некоторую часть демократических писателей. На примере ряда крупных русских писателей-реалистов — Куприна, Бунина, Л. Андреева—критик проследил, как идейные колебания, просчеты в мировоззрении того или иного художника сказывались на их произведениях, вели к спаду в их творчестве.

Особенно сильно атакует Воровский лидеров модернизма: Ф. Сологуба, М. Арцыбашева, З. Гиппиус, Д. Мережковского. В замечательной статье «В ночь после битвы» критик зло высмеял «пошаливание» некоторых писателей-декадентов, запускавших «руки в карманы вчерашних борцов». Воровский метко окрестил таких писателей-декадентов, обиравших духовные ценности революционеров, мародерами. К такого рода мародерам критик отнес и Федора Сологуба, выпустившего клеветнический роман «Навьи чары».

В остроумной статье «Спор о Макаре», где под Макаром Воровский подразумевал русский народ, на которого, по известной поговорке, все шишки валятся, критик-большевик высмеял потуги З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Философова представить народ на свой лад — мистиком и идеалистом. «Радуйся, Макар!— иронизировал Воровский.—Наконец-то ты вышел в люди! Сколько столетий сыпались на тебя только еловые шишки, не считавшие тебя даже человеком, сколько самых материальных синяков понасаживали они тебе — и вдруг оказалось, что в тебе кроется мистическое «нечто». Ты — не просто человек, как все люди, как немцы, французы, турки, купцы, дворяне, интеллигенты, нет, ты — сосуд мистики».

Велика заслуга Воровского и в пропаганде героических образов, впервые созданных М. Горьким. Творчеству пролетарского писателя критик-большевик посвятил несколько своих работ: «О М. Горьком», «Максим Горький», «Две матери», «Еще о Горьком» и другие.

В обстановке упадка и уныния Воровский радостно приветствовал «буревестника революции», который нашел свой идеал в передовых пролетариях. Именно таким положительным героям из рабочих, как Нил, Павел Власов и Ниловна, принадлежит будущее, писал критик. Он впервые разглядел в творчестве М. Горького элементы нового направления в истории русской литературы, романтически-приподнятого, бодрого, жизнеутверждающего — прообраз социалистического реализма. «Чтобы услышать слабый еще голос зарождавшейся новой жизни, — указывал критик-марксист, — надо было в те годы внутреннего обновления быть самому молодым душою. Для этой миссии надо было специально родиться. И такой художник родился: это был — Максим Горький».

В. И. Ленин, находясь за границей, внимательно следил за литературными успехами Воровского и отмечал публицистический талант своего соратника. Посылая в Россию одного товарища и вручая ему явку к Воровскому, В. И. Ленин говорил: «В Одессе вы имеете крупную силу — т. Воровского... Это один из наших лучших литераторов».

А в 1913 году в статье «О большевизме», где подводился итог борьбы большевистской партии с оппортунистами разных мастей, В. И. Ленин выделил главных писателей-большевиков, которые сыграли решающую роль в этой борьбе. Среди них Владимир Ильич Ленин упомянул и имя П. Орловского (В. Воровского).

После февральской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин смог вернуться в Россию. Возвращаясь с помощью друзей в свое отечество через Швецию, где в то время находился и Воровский, В. И. Ленин поручил ему войти в Заграничное Бюро ЦК РСДРП (б). Это бюро должно было информировать Запад о ходе русской революции, для чего стало издавать «Бюллетень «Правды» и «Вестник русской революции» — два издания на иностранных языках.

В это время в шведской социал-демократической газете «Политикен» Воровский опубликовал статью о Ленине «Вождь русской революции». В журнале на немецком языке «Вестник русской революции» (28 ноября 1917 года) Воровский напечатал еще одну статью о В. И. Ленине.

Октябрьскую революцию Воровский встретил в Швеции. Только что образовавшееся правительство рабочих и крестьян назначило его своим полномочным представителем в скандинавских странах.

В 1919 году Воровский был назначен заведующим Государственным издательством. Он много сделал для упорядочения издательского дела в стране. В это же время он участвовал в работе I конгресса Коминтерна и был избран одним из секретарей исполкома.

В 1920 году, когда Воровский был тяжело болен, В. И. Ленин навестил его в больнице и сделал все возможное, чтобы он поправился. 27 августа 1920 года В. И. Ленин писал в Малый Совнарком о Воровском: «Ввиду **крайне тяжелой** и опасной болезни т. **Воровского** (брюшной тиф, воспаление легких и пр.), прошу спешно разрешить выдачу крупного пособия на лечение и питание усиленное».

В 1921 году Воровский был направлен полпредом в Италию. В своих письмах к Ленину он сообщал о положении дел за рубежом, информировал вождя о политическом климате.

Во время Генуэзской и Лозаннской международных конференций Воровский много сделал для пропаганды мирной политики Советского государства. Он и погиб на дипломатическом посту, защищая интересы своего народа.

Прошло почти полвека со дня смерти В. В. Воровского, но память о нем жива. Мы чтим в его лице революционера, борца за новую жизнь, талантливого литератора, одного из основоположников марксистской критики, видного советского дипломата.

Ник. ПИЯШЕВ

Олег ШЕСТИНСКИЙ

МОИ ПРИЧАЛЫ

* * *

Куда соловей исчезает,
отпев по июню? Куда?..
Кто видел его
и кто знает,
как гаснет над рощей звезда?

В июле трава налитая,
грибной и малиновый лес,
но, в летнем тумане растая,
певун несравненный исчез.

Хватил ли он горькое лихо,
свое потеряв божество,
за харчем когда соловьиха
послала на гряды его?

А может, влюбленно и сладко
мечтал он до осени петь,
но, брошен подругой-касаткой,
поклялся не петь уже впредь?

А может, в урочище затхлом,
где льется вино, как вода,
он пропил с бессмысленным дятлом
свой дивный талант навсегда?

Мой голос не соловьиный,
проста моя жизнь и груба,
но ночью морозной и длинной
приснись мне воочью, судьба!
Приснись в негодующем гуле
иль в славе, звенящей, как медь...

Смогу ли запеть я в июле,
в июле смогу ли запеть?

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ОНЕГЕ

Удивительно.
В полночь травы,
словно в полдень, передо мной:
подорожника лист шершавый,
кашки влажный и вырезной;

все насквозь, до донышка, видно,
с тайны кем-то сбиты замки,
и ромашки так беззащитно
растопыривают лепестки.

И под светом розово-белым
по привычке возле воды
сном тревожным, оторопелым
спят куницы, зайцы, дрозды.

И как будто в полночи этой
среди странно ясных дерев
жизнь моя
выводит напев,
как на дудочке из бересклета;

и звучит тот напев печально,
нежно
и счастливо взахлеб...
Валуны на отмели дальней
озабоченно морщат лоб.

О, каким отчаянно бедным
я остался бы, не сумев
в этот миг уловить напев
под покровом Онеги бледным!
Звуки мягко идут в полет,
забирая выше и выше...

Я ведь все мечтал, чтоб услышать,
как душа у меня поет.

* * *

Туман. Стога. Луна над ними.
Томительная тишина.
И только прядями льняными
звенела женщина одна;

ее душа так несчастлива,
лишь тот ее понять бы смог,
кто видел, как роняет ива
из свежего надреза сок.

Я знал: едва наступит утро,
журавушкою, сбившей лет,
она таинственно и круто
всю жизнь куда-то повернет.

— Смотри, как желтою луною
покрыта луговая гладь...
Очарование ночное
я так хотел ей передать,

чтоб, ощущая это поле,
траву в серебряной пыли,
она б смогла забыть о боли,
которую ей нанесли.

По лугу мягко конь процокал,
мальчонку сонного неся...

Ах, я ведь сокол, я ведь сокол,
и мне иначе жить нельзя!

Ломалась бровь моя сурово,
была крепка моя рука...
— Летим с тобой от слова злого,
от выстрела дробовика!

* * *

Они причалили к острову
под парусом полотняным и белым,
конечно, не на моторке с ее тарахтеньем.
Им было по восемнадцати,
смуглые и сильные, гибкие и смеющиеся
и, что важно,— влюбленные.
Остров был новой главой их жизни,
а может, и не был...
На острове цвели незабудки,
ромашки и спелая земляника
бросалась под ноги.
Они вытащили из лодки
хлам, помидоры, консервы
и немного смущенно вино...
Они пошли вглубь, сквозь кустарник,
приминая чернику,
неизвестно отчего смеясь,
сталкиваясь плечами...
Что их ждало?
Ночь, которая принесет счастье,
или ночь, которая принесет радость?
И я подумал —
какие разные вещи: счастье и радость.
Радость оборачивается печалью,
счастье — никогда,
оно ничем не умеет оборачиваться,
оно остается самим собой.
Прыгали лягушки грузно и весело;
комары, как смертники, садились мне на руки;
на глазах осыпались окопы давней войны;
исходил ароматом хариус, варясь в котелке...
Это и была земная жизнь.
А они уходили сквозь кустарник,
словно далекие от всего земного,
пытающиеся вторгнуться
на территорию счастья.
«Что ж, пытайтесь,— подумал я,—
через это проходит большинство человечества,
может быть, вам и повезет...»
А они уходили сквозь кустарник,
ни о чем не думая, о чем думал я,
просто, когда их плечи соприкасались,
искры осыпались в траву,
но было влажно,
и трава не загоралась.

* * *

Не умею скворечни чинить,
подгонять и обстругивать доски,
а скворечни уже стали гнить
возле бани на белой березке:

прохудился дощатый настил,
стала старая крыша трухлявой...
Но скворечню скворец навестил
по весне
со скворчихою-павой.

Верещали на ветке они,
строить тоже скворцы не умельцы,
и печальными, как погорельцы,
были птицы в те майские дни.

Мой сосед, домовитый Евсей,
чтоб отпор учинить насекомым,
пять скворечен повесил за домом
по своей территории всей.

Но скворцы не стремились в тот сад,
совершая облет свой виражный,
словно памятью доброй и важной
был мой берег дороже стократ.

Но я думаю о другом:
что за чувство гнезда и березы?
И себе задаю я вопросы:
чем ты дорог мне, отческий дом?

Я в тебе холодал, голодал,
своих близких теряя, страдал,
подвергал свою душу сомненьям...
Я давно уж в тебе не живу,
но так тянет к гранитным ступеням,
словно там встречу мать наяву.

Оперятся птенцы...
До поры
улетят они снова под осень,
унося в африканскую просинь
запах сена и белой коры.

ДОЖДЬ В ЯНВАРЕ

Дождик в январе — какое чудо!
Голый лес,
сырая тишина...
В полдень листьев желтая полуда
из-под снега освобождена.

Тихо возле незамерзших речек
с тоненькою кромочкою льда,
только дождик скачет, как кузнечик,
да чуть-чуть шевелится вода.

* * *

На розовых камнях Онеги
древние люди выбивали рисунки:
тонконогих журавлей,

пузатых рыб,
оленей с запрокинутыми рогами...
Древние люди не мыслили жизни без них.
Я бродил по скалам,
вглядывался в рисунки
и думал: «А где женщины
с орехами сосков,
с золотым пушком на животе,
с налитыми покачивающимися бедрами?..
Разве древние люди мыслили жизнь без них?»
Моя милая,
с разметавшимися волосами,
с прохладными глазами Севера,
с губами, как утренние лепестки ромашки,
а ведь и я бы поступил, как древние охотники,
и я бы не выбил тебя на камне,
чтобы расторопные ротозеи
не разглядывали от нечего делать тебя.

КАК ПОД ГОРНЫМ ДУБНЯКОМ...

Как под Горным Дубняком
Мы поклали их рядком...
(Солдатская песня времен
русско-турецкой войны 1877—1878 гг.)

Ах, купеческая дочка
во хрустальной Костроме,
только милый на уме,
не отнять от глаз платочка.
Ах, купеческая дочка!

На Балканах милый твой.
Там красотки насурмлены,
басурманы обозлены,
змеи с рыбьей головой.

На Балканах милый твой.
В близком таборе гадалка,
ты ей руку золотишь,
и выходит — гладь да тишь.
Ты ей снова золотишь,
никаких рублей не жалко.
В близком таборе гадалка.

А под Горным Дубняком
рвутся в битву басурманы,
подпоручик твой румяный
лихо действует штыком,
то под Горным Дубняком.

После боя пред полком
генерал его по праву
представляет к Станиславу
и благодарит притом
после боя пред полком.

Он полдюжины «Клико»
заберет у маркитанки,
чтоб на первой же стоянке
пробки хлопнули легко.
Ах, полдюжины «Клико»!

А во сне у молодца —
в шубке с белой оторочкой
по-над Волгой ходит дочка
первой гильдии купца.
Так во сне у молодца.

Он приедет на коне
не каким досужим франтом,—
Станислав с мечом и бантом,
шашка сбоку на ремне,
он приедет на коне.

Поглядит ее отец,
бороды расчешет веник.
Знает он, что ты без денег,
ну, а все же молодец!
Поглядит ее отец.

А наутро снова в бой,
и не ведать, долог век ли,
снова он гарцует в пекле,
увлекая за собой...
А наутро снова в бой.

Ах, купеческая дочка
во хрустальной Костроме,
только милый на уме,
не отнять от глаз платочка.
Ах, купеческая дочка!

Ленинград.

ЗВУЧАТ НА ВЕСЬ МИР...

В. ЛЕВАШОВ,
народный артист РСФСР, художественный руководитель хора имени Пятницкого

Если провести в наших городах и селах анкету о любимых песнях хора Пятницкого,— для меня нет сомнения, что наибольшее признание получили бы песни Владимира Захарова, хотя подчас немногим известно, что песни эти написаны композитором, а не придуманы самим народом... Вот в этом, наверное, и заключен главный секрет творчества Захарова, умеющего проникнуть в глубины народного песенного начала, заложить его, как прочный фундамент, в свое музыкальное построение.

Человек неутомимой энергии, Владимир Григорьевич Захаров отдавал много времени общественной деятельности в Союзе композиторов СССР; наша первая с ним встреча как раз и произошла во время 1-го пленума сибирских композиторов в Новосибирске, в 1952 году... Незабываемы его рассказы о работе над песней, о кропотливом труде хора над каждым произведением, таком труде, в результате которого песня иногда снова возвращалась на рабочий стол композитора. Строжайшая требовательность к своему творчеству и к работе коллег всегда шла от сознания высокой ответственности перед народом, что и было жизненной позицией Захарова. Она, эта позиция, ее ощущение передавались собеседникам, заставляя их внутренне собраться, более четко представить свои задачи, оценить возможности... Беседы с Захаровым я вспоминал позднее, работая с Сибирским народным хором. Его заветы мы бережно храним и сейчас в хоре имени Пятницкого.

Встреча с коллективом хора Пятницкого на Московском радио оказалась для Захарова, смело можно сказать, поворотным событием, определившим всю его дальнейшую судьбу. Композитор будто нашел для своего будущего волшебный талисман, помогающий в неустанных поисках, дарящий великолепные находки, открытия заветных секретов, таящихся в глубинах народной песни и народного исполнительства... Именно здесь Владимир Захаров прокладывал новые пути музыкального творчества, создавал новую песенную культуру, которая и поныне питает современную народную песню, делает ее динамичной, созвучной времени, отвечающей думам и чаяниям народа.

А все ли знают, как начинал Захаров?..

Это были трудные годы. Молодой ростовский композитор, только что с консерваторской скамьи, появился на Московском радио в совершенно неожиданном для себя амплуа — как организатор «шумов»... Счастливой чертой характера Захарова была его способность беззаветно увлечься взятым на себя делом. Увлекли его и «шумы», в которых молодой музыкант рассмотрел возможность и общего «симфонического» строя радиопостановок, и хоровую слаженность с драматургией, и декоративные краски шумового аккомпанемента... Он уже и здесь сумел быть вдохновенным художником...

Была, конечно, и тогда музыка. Порою это была музыка к отдельным радиопередачам, к фильмам... Но вот Захаров встретился с собранным М. Е. Пятницким маленьким крестьянским хором. Он слушал записи хора, и в душе молодого композитора рождались еще незнакомые ему, но зовущие его, все более настойчивые голоса народной песни с ее неповторимыми интонациями, ее неизбывной сердечностью... Чутким ухом услышал композитор в старых крестьянских напевах нечто волнующее, открывающееся ему. И он понял: это неиссякающий родник творчества; принял всю одержимость, влюбленность Пятницкого, почувствовал будущее его хора — и не ошибся!

Началась работа с хором... Это было начало 30-х годов. А к 20-летию Великого Октября хор Пятницкого уже предстал перед московскими слушателями в открытом концерте на сцене Колонного зала Дома союзов. Предстал в обновленном, мощном и многообещающем виде.

Впервые прозвучали тогда в концерте песни Владимира Захарова «Дороженька», «Провожанье», «Вдоль деревни», «Два сокола», «Будьте здоровы», произведения, в которых слушателей покоряли мелодическая свежесть, сдержанность выразительных средств, благородство интонаций и которые потом вошли в золотой фонд советской народной песни.

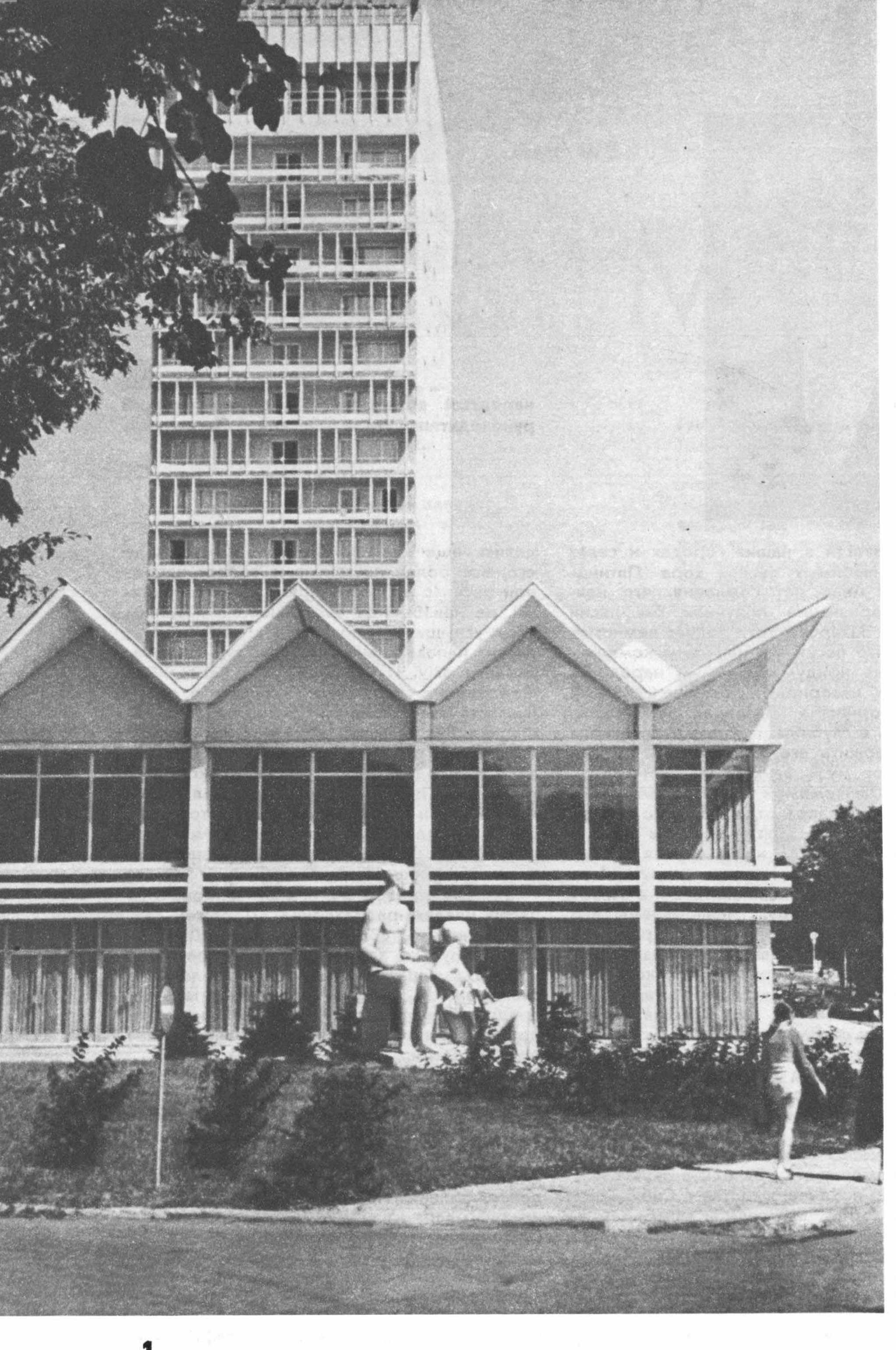
Бурному успеху, сопутствующему выступлениям возрожденного хора Пятницкого, конечно, предшествовала огромная работа его руководителей. Большая человеческая и творческая дружба накрепко связала Владимира Захарова и Петра Козьмина, людей, влюбленных в искусство народной песни. Благодаря их пристальному вниманию к постоянному совершенствованию репертуара и серьезной работе в области исполнительского мастерства с коллективом хора, неустанным поискам нового в собственном творчестве хор Пятницкого постепенно вырос из маленького, сугубо этнографического коллектива в один из крупнейших в стране ансамблей народной музыки.

Вместе с хором росло и крепло мастерство самого композитора. В тесном содружестве с М. Исаковским, А. Твардовским и другими поэтами созданы — и теперь уже звучат на весь мир — песни Захарова «Зелеными просторами», «Шел со службы пограничник», «И кто его знает», «До свиданья, города и хаты», «Ой, туманы мои», «Письмо к матери», «Пехота»... Замечательные по ясности интонаций, по силе чувства музыкальные новеллы: «Про «Катюшу», «Чем же, чем я виновата», «На перекрестке»; эпические, глубоко народные «Песня о России», «Наша сила в деле правом», «Древний Кремль сверкает позолотой» или раздумчивая песня «Пройдут года»,— я уверен, эти песни будут петь поколения...

К 70-летию Владимира Григорьевича Захарова наш хор подготовил специальную программу, составленную из его произведений. Многие из них прозвучат сейчас в новом прочтении.

Талантливым произведениям всегда присуще замечательное свойство — эмоциональная многогранность: они способны вызывать у исполнителей и слушателей разных поколений каждый раз новое, свое восприятие. От этого-то песня и приобретает новое, современное звучание, близкое и волнующее.

Таковы песни Владимира Захарова. Они делают имя его бессмертным.

В истории человечества едва ли найдутся примеры такой же прочной многовековой дружбы, какая связывает болгарский и русский народы. Сегодня эта священная традиция наполнена новым содержанием: вот уже более четверти века Болгария строит социализм и вместе с Советским Союзом идет вперед в одном сплоченном ряду социалистических стран. Успехи, достигнутые болгарским народом, радуют каждого советского человека, как успехи родного брата. Страна, считавшаяся раньше всего лишь огородом Европы, сегодня плавит сталь и строит океанские корабли. День ото дня крепнет и хорошеет новая Болгария, благодатный и добрый край.

1. Золотые Пески. Новый облик древней страны.

2. Варна. Судостроительный завод имени Георгия Димитрова.

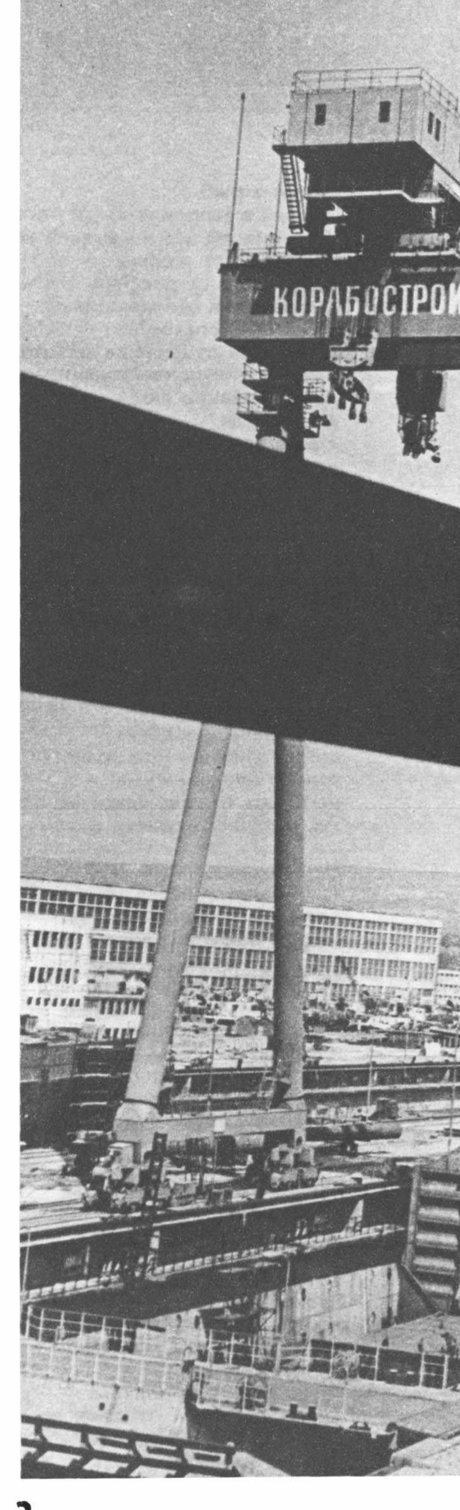
3. Надежда Филева-Среткова, комсомолка, работает на Кремиковском металлургическом комбинате.

4. Юный житель старинного города Несебыра.

5. София. Самым молодым гражданам Болгарии — зеленый свет.

6. Родопы. Митинг, посвященный открытию памятника партизанам, погибшим в борьбе с фашизмом.

7. Кремиковский металлургический комбинат. Металл и графика.

1

2

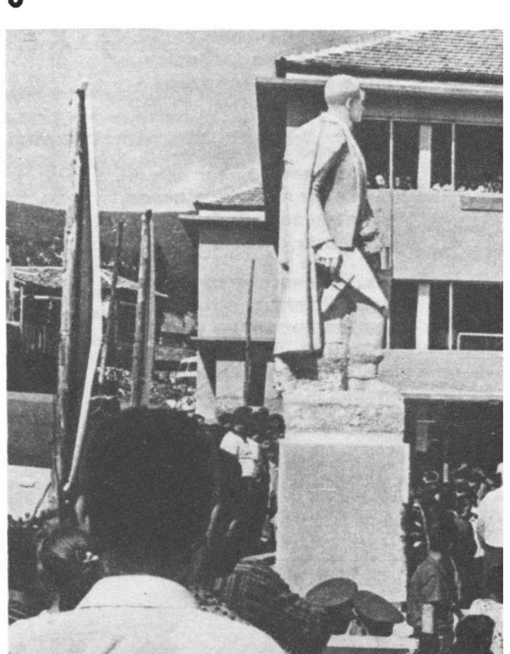
В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

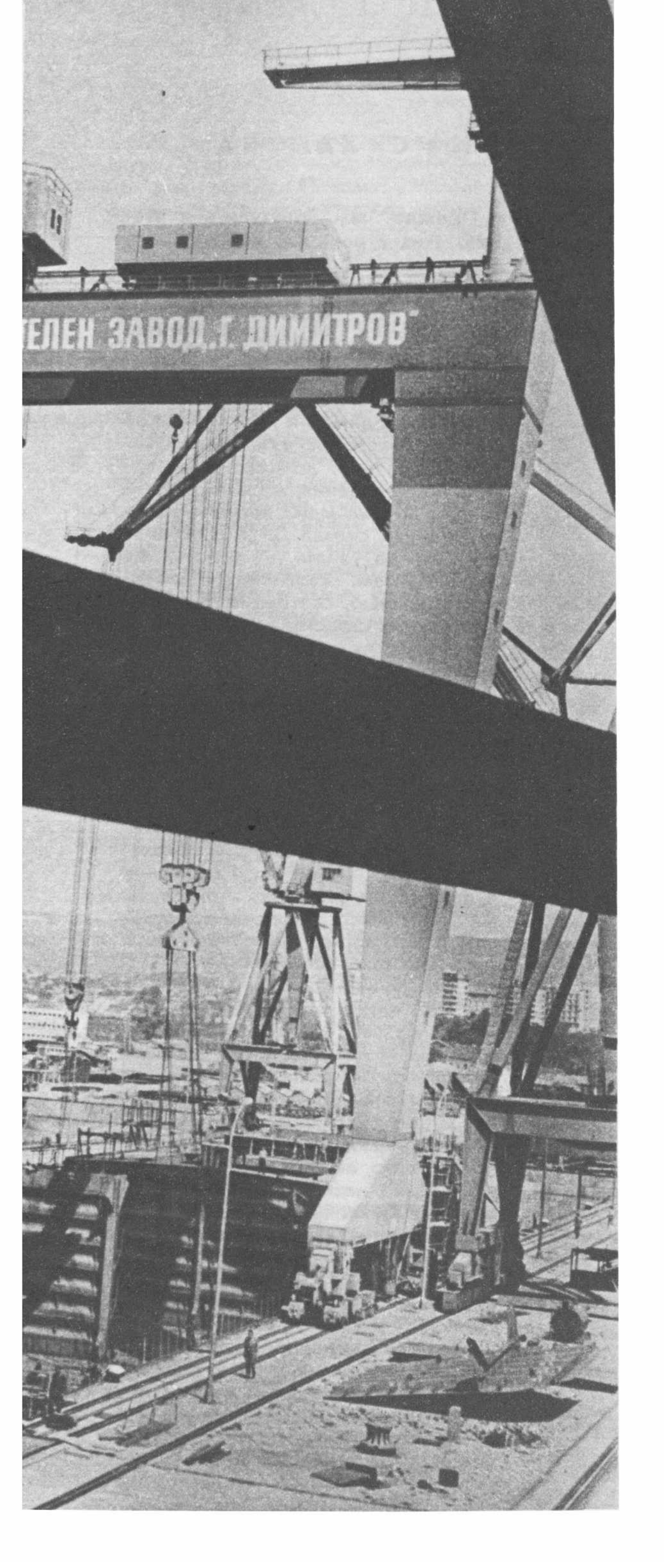
БЛАГОДАТНЫЙ

5

6

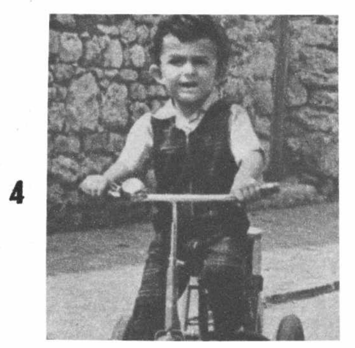

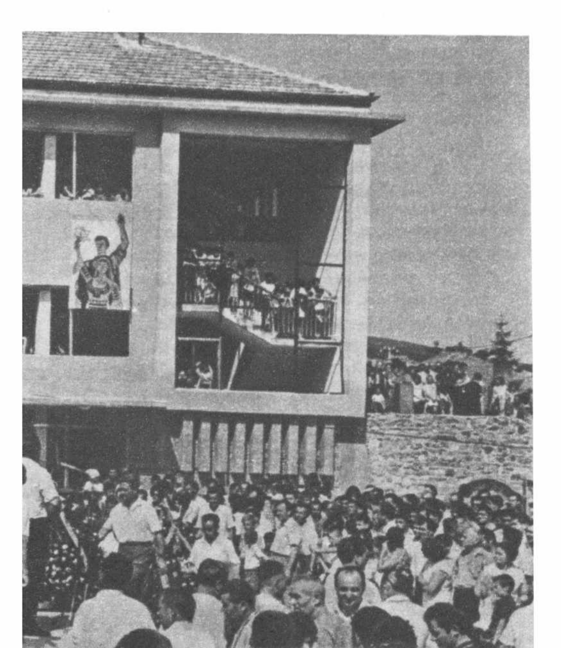
3

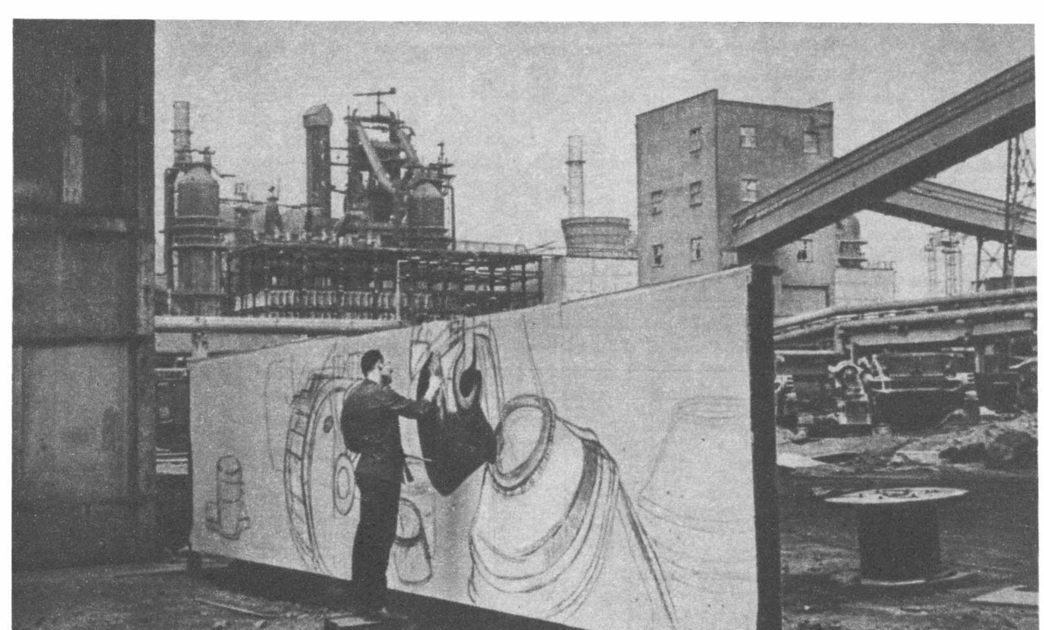
И ДОБРЫЙ КРАЙ

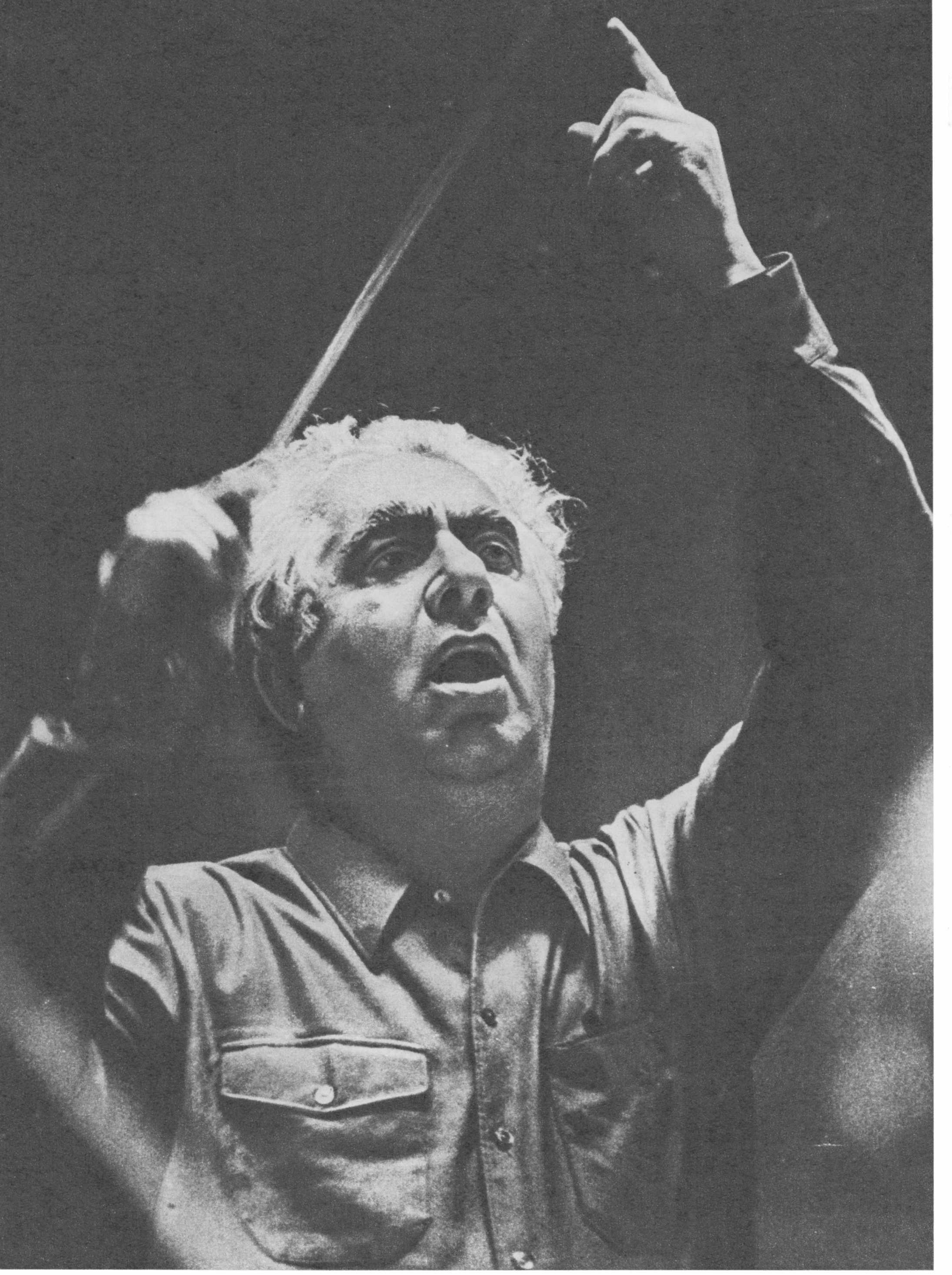
4

7

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Ольга САХАРОВА

Прежде чем приступить к чтению этих строк, вы, конечно, посмотрели на фото и сразу узнали: Хачатурян! Уверена, что не ошиблась, потому что лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР, композитора Арама Ильича Хачатуряна знают все. Музыка прославила его имя во всем мире, став необходимой и неотъемлемой частью советской культуры. Симфонии, балеты, концерты, камерные произведения, музыка к спектаклям и фильмам, песни — Хачатуряна, как сказал Д. Д. Шостакович, можно узнать по первым же двум тактам. Радостная наполненность жизнью, светом, глубина человеческих страстей, самые фантастические их взлеты, завораживающая игра красок, бездна отчаяния — все заставит пережить вас музыка одного из самых ярких композиторов нашего века.

Иногда слушаешь музыку Хачатуряна, и в какую-то неожиданную паузу, когда слух, дыхание, все внутреннее существо ваше вместе с мелодией, сотканной оркестром, вдруг замирает, достигнув кульминации, во время этой паузы мелькает мысль: «Неужели это богатство сотворил один человек?..»

Только так — **сотворил.** Не написал, не сочинил...

«Это... пир музыки... Словно вкушаешь музыку, расточительно привольную, радующуюся своему изобилию»,— так писал о творениях Хачатуряна один из самых строгих и беспристрастных наших критиков, выдающийся музыковед и композитор, академик Б. В. Асафьев. Он же назвал Арама Хачатуряна «Рубенсом нашей музыки».

Сравнение давнее, писалось это лет двадцать пять назад. Сейчас оно не то чтобы стало неверным, устаревшим,— **нет.** Но с тех пор столько создано композитором нового, столько передано в этом новом раздумий, философских обобщений, жизненной мудрости... Красочное сравнение Асафьева стало тесным для могучего таланта Хачатуряна.

...Интересно, почему некоторые искусствоведы и критики так любят делить творчество художника на этапы, периоды. Как будто берут уникальный, тонкий механизм и разбирают его на части, раскладывают по отдельным ящичкам, полочкам — вот, смотрите, так лучше будет видно, из чего эта штука сделана, даже руками можно потрогать... Только непонятна становится уникальная прелесть целого.

Для Хачатуряна тоже найдены периоды, этапы... И чем дальше, тем тщательнее их будут вычленять и изучать. Конечно, это правомерно. Только хочется, чтобы за каждой нотой был бы виден **весь** Хачатурян: вся глыба его таланта, все, чем наполнена сегодня его жизнь... А сегодня — тот же творческий накал, что был и вчера, чем начнется завтрашний день.

Творчество... Бесконечный процесс человеческого самовыражения. Чем богаче одарен человек, тем неумолимее в нем жажда творчества; никогда не удовлетворится она одним, пусть самым просторным, руслом. Она становится шестым чувством, существование без которого невозможно. Постоянно видоизменяясь, жажда творчества не дает покоя своему избраннику, неумолимо открывая перед ним новую terra incognita

вслед за только что освоенной. Муки творчества — как тривиально это звучит. Почему? Может быть, потому, что не каждому они доступны? А недоступности мстят, осмеивая и опошляя ее...

— Творчество — это состояние. Сравнить его нельзя ни с чем. Это величайшее наслаждение — нравственное и физическое. Полная обнаженность мысли и чувства. И изнурительный труд... Присутствовать при этом не должен никто.

...Да, рождение музыки — это святая святых. Чужое дыхание, и таинство умирает.

И все же сотни, тысячи людей становятся свидетелями, а некоторые даже и соучастниками материализации мыслей, фантазии Арама Ильича Хачатуряна. Ведь композитор Хачатурян еще и дирижер, и профессор, и виднейший общественный деятель. И в каждой сфере проявляет себя не менее ярко, чем в музыке. Значит, во всех этих ипостасях главное — тоже творчество.

— Оркестр — любовь моя! В нем заложены могучие возможности. Это организм, который может выразить грандиозную амплитуду чувств и эмоций.

Даже без этого признания, видя Хачатуряна за дирижерским пультом, понимаешь, какое огромное счастье для него не только сочинение, но и воспроизведение музыки.

Есть дирижеры, которые, раскрыв партитуру, остаются наедине с музыкой. Кажется, они стремятся раствориться в ней, увлекая за собой слушателя. Хачатурян дирижирует иначе — он активно творит музыкальное полотно буквально на глазах у публики.

— Музыку можно рисовать. Если музыка образная, выпуклая, ясная и вдохновенная, контрастная,— она сама рассказывает о сюжете, о мыслях...

— Почему я дирижирую только свое!.. Не думаю, что Бетховена или Чайковского я смог бы исполнить лучше, чем другие дирижеры. А свое исполняю так, как слышу, и от раза к разу открываю даже в давнишнем произведении что-то новое...

Говорят, каждая случайность закономерна. Судьба Арама Хачатуряна, музыканта, во многом определяющего прогресс современной мировой музыки, может стать тому почти хрестоматийным примером. Студент физико-математического факультета МГУ, он в 19 лет вдруг становится начинающим музыкантом, бросает точные науки и поступает в музыкальное училище имени Гнесиных. К тридцати пяти годам он уже один из ведущих наших композиторов. Казалось бы, дорога в будущее определена точно.

А в 1952 году на депутатском вечере академика С. И. Вавилова, где ныне выдающийся скрипач Л. Коган должен был исполнять II часть Концерта для скрипки с оркестром А. Хачатуряна, оркестр неожиданно остался без дирижера. Арама Ильича убедили: «Что бы вы ни делали руками — они сыграют».

— Выступил. Удачно. И заболел болезнью дирижирования. За лето дал девять концертов.

С тех пор по всему Советскому Союзу и в тридцати шести странах мира знают отличного интерпретатора своих сочинений Арама Хачатуряна.

Арам Ильич, отгороженный от музыкантов пультом, неотделим от оркестра; он ведет его за собой и в то же время заботливо подчеркивает, как важен ему, дирижеру и автору, каждый голос в ансамбле; всей манерой дирижирования, своим душевным настроем Хачатурян привлекает оркестрантов к активному совместному творчеству.

— Оркестр должен быть хорошим, как хороший инструмент. Настоящего музыканта нельзя заставить работать. Его можно только увлечь.

Увлечь? Каждого из ста человек, что сидят за своими пюпитрами? Уж сколько повидали они на своем веку разных дирижеров и столько раз играли все лучшее, что написано за сотни лет...

— Да, увлечь. И установить такой взаимный контакт, когда я могу — а я должен это сделать — подчинить их всех вместе и каждого в отдельности своей художнической воле... Они тоже хотят меня понять, почувствовать, разгадать... Они хотят и ждут от меня движения вперед, инициативы в музыкальном сказе...

И Хачатурян добивается своего именно тогда, когда его разгадывают. Личное обаяние, чувство юмора, сочная речь, огромный такт покоряют всех, кто знает Арама Ильича, но беспрекословный авторитет завоевывается у музыкантов-профессионалов не этими чисто человеческими качествами. Оркестранты именно разгадывают дирижера. Чутким музыкальным слухом улавливая пароль посвященных, открывают в нем то шестое чувство — жажду творчества, что заложено в каждом из них. И, постигнув в Хачатуряне безграничные возможности, силу этого чувства, принимают главенство дирижера.

— Тот, от кого ты требуешь, должен понимать задачу. И смыслово и технически. Мне очень помогает то, что я играл сам и на духовых инструментах и на виолончели — отсюда знание всего смычкового квинтета.

Был однажды такой случай. Репетиция. Новое, на сей раз неимоверно трудное произведение Хачатуряна. Каждый кусок приходится повторять еще и еще раз. Подальше от пульта недовольное перешептывание: «Попробовал бы сам сыграть». Наконец один из духовиков не выдерживает: «Арам Ильич, это сыграть невозможно». «А вы возьмите ля-бемоль вторым-третьим пальцами... Получается?» «Да... Спасибо!..» Больше никто не шептался.

— Вообще композитор дирижирующий — чрезвычайно полезная штука. Я бы всех композиторов заставил учиться дирижировать. Знать оркестр необходимо не только теоретически. Да и эрудицию это дает огромную. Продирижировать произведениями композиторов разных эпох, стилей — значит постигнуть всю глубину их мастерства, проникнуть в творческую лабораторию, ощутить дух времени. Это же вторая консерватория!

Непривычно звучит в устах Арама Ильича слово «заставить». Он, кажется, никогда и никого не решился бы заставить что-то сделать: у него всегда достаточно выдержки, аргументов, чтобы убедить. Да и редкий человек может устоять перед темпераментом, с которым Хачатурян отстаивает свое мнение, перед искренней заинтересованностью во всем, что разрешается с его участием.

Острее всех, пожалуй, ощущают это на себе студенты профессора А. И. Хачатуряна в Московской консерватории и в Институте имени Гнесиных. Этим ребятам повезло — они узнали еще одну грань творчества Хачатуряна.

— «Сделать» композитора нельзя. Да это и не входит в задачу преподавателя композиции. Я должен учить студента законам музыки. Но не только. Я, педагог, отвечаю за его формирование и как художника и как гражданина. Это самое главное.

Как часто приходится слышать: «С молодежью теперь так трудно!» Когда — теперь? Ведь то же говорили и наши деды. На это будут сетовать и наши дети, подойдя к солидному возрастному рубежу. И почему трудно? Может быть, потому, что молодые острее чувствуют, тоньше воспринимают малейшую фальшь, не прощают сомнительных компромиссов... Если это так, то, выходит, трудно не с молодыми, а с самими собой, немножко уставшими, немножко успокоившимися...

— Больше всего люблю работать с молодыми. Они умеют искать — упорно, ненасытно. Конечно, иногда «закидываются» — ради оригинальности. Но вообще-то молодежь никогда не была такой свободной, как сейчас у нас. У нее совершенно неограниченные возможности для творчества. Наша задача: дать им как можно больше знаний, передать то, что накоплено. Я — за терпимость и терпение к молодым. Я им всегда говорю о том, где опасность. Помогаю ее обойти... И стараюсь, чтобы они не боялись чувства ответственности.

Быть студентом класса Хачатуряна — мечта многих начинающих композиторов. Но стать учеником Хачатуряна способен не каждый. Да, профессор терпим и терпелив, он никогда не наложит вето на замысел, на работу самой неожиданной, непривычной направленности формы, языка, приемов изложения мысли... Да и странным был бы «запрет» на поиск, исходящий от одного из самых смелых новаторов наших дней. Одно из основных требований, которое он предъявляет своему ученику, на первый взгляд до банальности просто: быть искренним.

— Категорически не приемлю стремление подладиться под современность. Больше всего ценю в молодых искренность и преданность своей действительности. Гордость Родиной, радость ее успехам и горечь от неудач, все то, что объединяется одним понятием — патриотизм. Это истинные ценности. Только обладая этими качествами, талантливый мастер может стать настоящим художником.

Эти слова не декларация, а главный принцип жизни Хачатуряна. Он не «руководствуется» им, не «придерживается» его. Он живет им ежедневно, ежечасно. Рядом с учителем остаются лишь те, для кого этот принцип тоже единственно приемлем. Других Арам Ильич не гонит — они отходят сами.

— Главный недостаток у современной творческой молодежи, по-моему, излишний практицизм. Они заранее рассчитывают на блага. Мне кажется, что это немного принижает существование художника. Привносит в их творчество толику утилитаризма, иногда рождает скороспелки.

Требовательность и терпимость — редкое сочетание: в нем не только совокупность черт натуры, характера. Это диапазон ощущения жизни, широта её восприятия. Терпимость, а не снисходительное всеприятие и всепрощение, требовательность, не опускающаяся до подавления другой индивидуальности,— эти качества доступны лишь человеку, полностью осознающему свое место в искусстве, значение своего вклада в его развитие.

По-видимому, в природе человеческих отношений действуют законы, сходные тем, что управляют природой. Активные, творческие силы стремятся к взаимодействию, взаимообогащению. И здесь трудно определить, кто дает больше, а кто больше получает.

— Я никогда не считал себя гастролером: надел фрак, сыграл, уехал. Всегда стараюсь знакомиться максимально: вникать в жизнь страны, города, куда приехал. Мне всегда хочется как можно ближе узнать людей, чьими руками строится наш сегодняшний, завтрашний день. Все великие стройки — это апофеоз человеческого труда; рабочий управляет природой так же, как опытный дирижер ведет оркестр. Никогда не забуду перекрытия Енисея в Красноярске. Симфония труда! А лица рабочих — вдохновенное творчество. Мне приходится много выступать перед самыми различными аудиториями, и я не считаю это своей обязанностью — для меня это необходимость. Происходит диффузия: я отдаю и получаю.

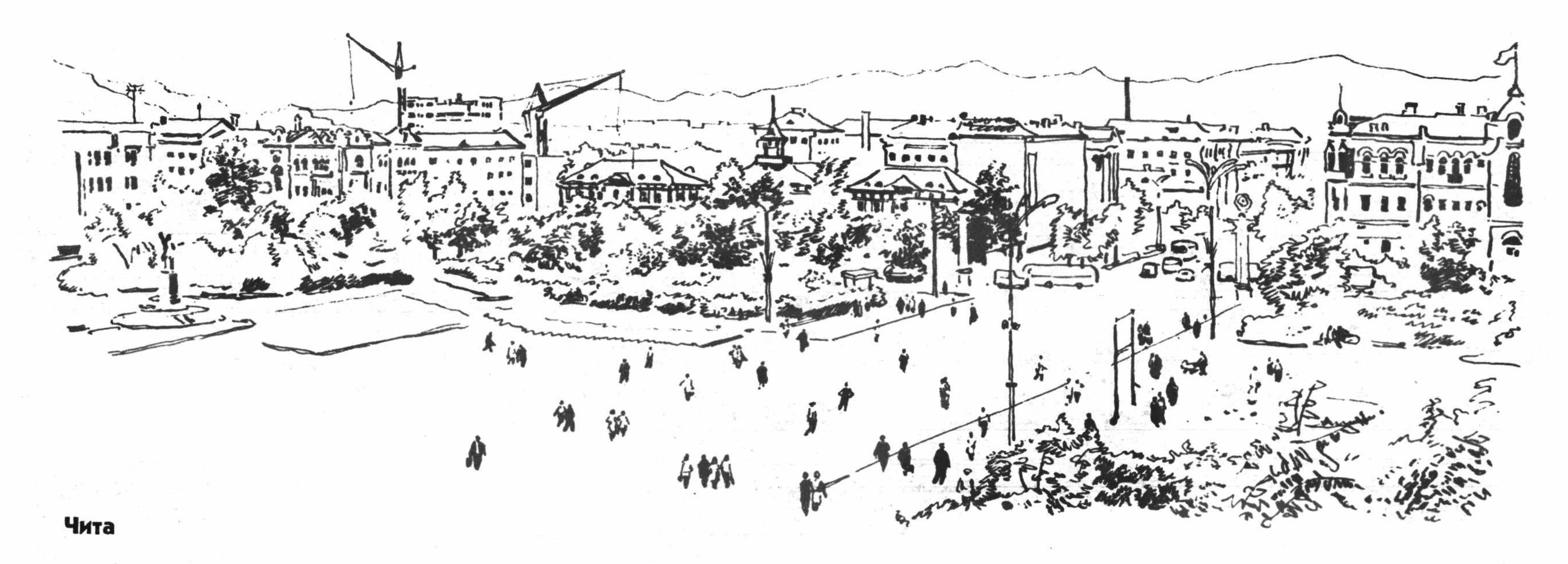
Есть совершенно четкое обозначение еще одной стороны жизни А. И. Хачатуряна: общественная деятельность. Почти два десятилетия шефской работы над самодеятельностью профсоюза химиков, постоянное участие в работе Союза обществ дружбы — президент ассоциации СССР — Латинская Америка. Ректор народного университета «Молодой мастер». Встречи, диспуты... Что это — «нагрузка», формальное лицо видного деятеля культуры? Нет, опять то самое, шестое чувство — жажда творчества, только здесь оно имеет одну, все объясняющую особенность. Это — проявление творческой натуры советского композитора.

— Считаю, что советский человек не может находиться вне общественной жизни, а она в моем представлении равна интересам партии, государства.

Сегодня на рабочем столе, на крышке рояля Хачатуряна привычные листы нотной бумаги соседствуют с литературными набросками, записями...

— Я встречался со столькими интересными людьми. Очень хочется, чтобы о них знали больше.

С нетерпением будут люди ждать эту книгу, так же, как ждут новых открытий в музыке, концертах Хачатуряна, во встречах с Арамом Ильичом. И не только потому, что он расскажет об известных писателях, музыкантах, актерах... В этой работе мы обязательно вновь ощутим вечное движение таланта Хачатуряна, вновь прикоснемся к животворящей силе его шестого чувства—жажды творчества. Сила эта неиссякаема. Значит, раскроется еще одна грань богатейшей натуры художника. Это — главное.

Чита

„ЖИРЕКЕН" И „ГЕЯ"

Зарисовки Игоря ПЧЕЛКО.

Побывать в Забайкалье, увидеть Байкал... Найдется ли художник, который не мечтает об этом?

А какая она, Чита? Река Ингода? Речка Чита?.. Куда же мне все-таки ехать?

Собственно, план поездки у меня, конечно, был, но ведь в Чите после разговора с местными товарищами все могло перемениться: они-то лучше знают, где стоит обязательно побывать художнику. И вот я в Чите. Утром в обкоме и горкоме партии наметили план моей работы. Я побывал на многих предприятиях города: на машиностроительном заводе, паровозоремонтном, камвольно-суконном комбинате, первенце забайкальского текстиля, на ГРЭС, швейной фабрике. Два рисунка, сделанные на текстильном комбинате, помещены на этой вкладке. Красивая темноволосая девушка — это прядильщица Наташа Стрельникова, кандидат в члены КПСС, член комитета ВЛКСМ, депутат городского Совета, ударник коммунистического труда. Вторая моя героиня — тростильщица Люда Миронова — имеет звание лучшей по профессии. Должен признаться, что и этих милых девушек и вообще всех, кто мне позировал в Забайкалье, рисовать было очень интересно, интересно было с ними разговаривать, узнавать их судьбу, наблюдать, с какой неистощимой энергией они работают.

В обкоме мне посоветовали побывать в Жирекене, где открыто богатое месторождение молибденовых руд. Там будет построен горно-обогатительный комбинат, о котором упоминается в Директивах XXIV съезда КПСС. Сейчас в Жирекене строится поселок для рабочих будущего комбината. И мне сразу захотелось поехать туда, запечатлеть рождение значительной стройки.

Поездом добрался до разъезда Хоктонги, оттуда на машине — до Жирекена. Красив и величествен пейзаж — покрытые лесами сопки, таежные речки. Нынешним летом — 25 июня — сюда прибыли два студенческих строительных отряда из Свердловска. «Гея» — отряд Уральского политехнического института имени С. М. Кирова и «Жирекен-71» — отряд Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского. Кругом тайга, болота, комары... Поставили палатки.

Командиры отрядов рассказали, что вообще-то студенческое строительное движение в Свердловске существует уже двенадцать лет. Сейчас в городе 190 отрядов. Работали в Казахстане, в Сургуте, на Чукотке. И нигде, пожалуй, не приходилось так трудно, как здесь, в Жирекене. А работают студенты здорово — мастера, ничего не скажешь!

За несколько дней, проведенных на Жирекене, я очень полюбил этих замечательных ребят. Восхищался их упорством, дисциплинированностью, принципиальностью и большим жизнелюбием. Часть моих рисунков, привезенных из Жирекена, помещена на страницах «Огонька». Вы познакомитесь и с командиром отряда «Жирекен-71» Валерием Булановым, которого я нарисовал в короткие минуты отдыха, и с комиссаром этого же отряда Володей Хоршевым, и со студентом 6-го курса Политехнического института Леонидом Менькиным, бригадиром плотников,— вот уже четвертый год ездит он со студенческим отрядом «Гея»,— и со студентом-политехником Борисом Сторожевым. Очень мне хочется встретиться с ними еще раз, на новой стройке, увидеть, как они работают, послушать их прекрасные песни у вечернего костра.

Командир отряда «Жирекен-71» Валерий Буланов.

Прядильщица Наташа Стрельникова.

Бригадир плотников Леонид Менькин.

Забайкалье.

Борис Сторожев.

Отряд строит...

Тростильщица
Люда Миронова.

Комиссар отряда
Владимир Хоршев.

К БЕРЕГУ МАКЛАЯ

Леонид ПОЧИВАЛОВ
Фото автора.

Весной нынешнего года из пятимесячного плавания по Тихому океану вернулось советское научно-исследовательское судно «Витязь» с экспедицией геофизиков и геологов на борту. Оно оставило за кормой тысячи миль пути, побывало на многих тропических островах Тихого океана. На некоторых из этих островов за всю их историю «Витязь» был первым судном из России.

Особенно запомнился участникам экспедиции заход «Витязя» к Берегу Маклая на Новой Гвинее. Этот заход был символичным: в нынешнем, 1971 году исполнилось сто лет со дня первой высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и 125 лет со дня рождения этого выдающегося русского ученого.

Мы публикуем отрывки из путевого дневника специального корреспондента «Правды» Л. Почивалова.

Солнце еще раннее, но лучи его жгучи, остры, кажется, насквозь прокалывают кожу на лице. Из раскрытого иллюминатора радио доносит песню: «Над Россией небо синее, небо синее над Невой...» Нет, там оно сейчас вовсе не синее, а черное, пронизанное ледяными ветрами с дрожащими от холода хрупкими звездами. День на том краю планеты еще не наступил. Солнце в наши родные края доберется еще нескоро. Сейчас оно властвует здесь.

Миклухо-Маклай был одним из любимых героев моего детства. Когда мне исполнилось десять лет, отец на день рождения подарил книгу о путешествиях Миклухо-Маклая. И вот теперь, спустя много лет, я смотрю в бинокль на берега этого странного острова, и мне кажется, что вглядываюсь в далекое детство.

За кормой нашего судна — пролив, который нам, витязянам, особенно дорог. Когда поздним вечером мы вошли в него, судовые динамики разнесли над палубами бурлящий в торжественных раскатах капитанский голос: «Внимание! Внимание! Наше научно-исследовательское судно «Витязь», следуя в порт Лаэ на Новой Гвинее, вошло в пролив, названный именем «Витязя», русского военного корвета, на котором сто лет назад совершил плавание по Океании Миклухо-Маклай».

Пролив «Витязя»... За тысячи миль от Родины — и вдруг русское название, вдруг «свой» пролив!

...Во второй половине дня мы вошли в залив Астролябия — такой знакомый по дневникам Маклая. Я стою на правом крыле мостика вместе с капитаном-наставником Глебом Григорьевым. Передо мной том собраний сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. В нем множество маклаевских рисунков.

— Вроде бы никаких ста лет и не было...— задумчиво улыбается Григорьев.— Все как на этой картинке в книге. По крайней мере снаружи. А внутри — посмотрим.

На берегу в густой зелени прибрежных мангровых зарослей мы с трудом различаем темные, почти сливающиеся с зарослями фигурки людей. Нас заметили.

Мы спускаем моторный бот. С двух бортов нашего бота оказываются туземные пироги. В них папуасы — «натуральные», из глубинки, незнакомые с асфальтом и холодильниками. Обнажены, только повязка на бедрах — вся одежда. Крепкие плечи отливают бронзой. Широкие, толстые губы чуть растягиваются в улыбке, когда мы их приветствуем. Только один из них в рубашке и шортах. Он первым пересаживается в наш бот и по-английски представляется: местный учитель, прибыл сюда специально для встречи нашего судна.

— Дед этого человека знал мистера Маклая и был его другом,— говорит учитель, показывая на сидящего в пироге пожилого папуаса.

В густой шевелюре старика ни одного седого волоса. Ухо его разодрано, мочка превращена в петлю из живой плоти, на которую нанизано множество блестящих медных колечек. У старика мускулистая шея, красиво посаженная, крепкая, гордо откинутая назад голова. Он сидит в пироге неподвижно, важный, величественно невозмутимый, будто хочет показать всем, что он личность историческая.

...На белизне коралловой полосы пляжа обнаженные фигуры людей, ожидающих нас, кажутся еще чернее. Фигуры словно из дерева вырезаны — застыли, не шелохнутся. Лица спокойные и суровые. Вспоминаются строки из маклаевского дневника. Может быть, именно в этом месте и высаживался ученый? Тогда вот из этих зарослей вдруг выскочил туземец и, угрожающе подняв копье, жестами потребовал, чтобы Маклай удалился.

Сейчас другие времена. Никто не угрожает нам копьями. Но ясно: заход в залив Астролябия нашего судна — событие здесь чрезвычайное. Что делать большим кораблям в этаком захолустье?

В руках у папуасов большие, как мечи, острые ножи, напоминающие мачете. Мы высаживаемся, и папуасы своими мачете принимаются пробивать дорогу в зарослях. Взмах вправо, взмах влево. Наконец, мы пробиваемся на небольшую полянку. Она огорожена бамбуковыми жердями.

— Здесь и была первая хижина мистера Маклая,— говорит учитель. Значит, память о Маклае жива!

На месте этой площадки мы и устанавливаем памятный обелиск, который изготовили наши матросы на борту «Витязя». На пластине из нержавеющей стали по-русски и по-английски текст: «В память высадки на этом берегу в 1871 году с корвета «Витязь» русского ученого Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ от моряков и ученых «Витязя». Декабрь. 1970 год».

Мы идем вслед за папуасами по узенькой тропинке, которая долго тянется по лесу. Из маклаевского дневника помнится, что на этом мысу первые пальмы сажал он. Посадил не так уж много, а сейчас шелестит над нами жесткими, будто жестяными листьями, бросает нам под ноги мохнатые влажные тени старый пальмовый лес. Неужели так разрослись маклаевские посадки? Где-то здесь, на этой земле, впервые Маклай сажал тыкву, арбуз, кукурузу — отсюда и пошли по окрестным деревням завезенные Маклаем русские слова вместе с семенами неведомых папуасам растений. До сих пор живет в папуасском языке русское слово «топор». Ведь именно Маклай первым познакомил местных жителей с металлическим топором. До него у папуасов были только каменные. Маклай писал, что металлов они не знали и даже не умели добывать огонь.

А вот и Бонгу! Сколько страниц в своем дневнике посвятил Маклай этой деревушке! Именно здесь он впервые вошел в неизведанный мир людей каменного века, здесь состоялись его первые драматические встречи с местными жителями, когда он каждое мгновение мог погибнуть, здесь за долгие месяцы жизни он сумел завоевать доверие папуасов и стал для них Каарам Тамо, Человеком с Луны, чуть ли не полубогом, добрым покровителем, защитником, учителем и верным другом.

Я приглядываюсь к сидящим под пальмами жителям деревни. Что-то знакомое в их облике, словно я их встречал раньше. Ну конечно же, встречал... в Ленинграде, в архиве, когда рассматривал подлинники многочисленных маклаевских рисунков.

На кострах алюминиевые кастрюльки с каким-то убогим варевом, возле охапки хвороста лежит вполне современный стальной топор, мальчишки гоняют по земле консервную банку, на бедрах у мужчин вместо набедренной повязки из травы кусок вылинявшего материала. Вот, пожалуй, и все наглядные признаки второй половины двадцатого века. Но еще больше признаков прошлого, словно взятых из маклаевских дневников,— рахитичные, со вздувшимися животами дети, похожие на бревна ноги искалеченных слоновой болезнью стариков, убогие хижины, на стенах которых висят доисторические луки со стрелами — для охоты на зверя, птицу и рыбу...

Заметно темнеет. Пора возвращаться на судно. Стоянка «Витязя» у Берега Маклая коротка — всего несколько часов. Мы ведь только начали свое дальнее плавание, и впереди еще тысячи миль пути в южные широты.

На обратной дороге неожиданно встречаем на тропинке двух европейцев. По одежде в одном сразу узнаем миссионера. Но мое внимание больше привлекает другой. Он сообщает, что является этнографом из Сиднейского университета, и показывает пачку фотокопий таких знакомых мне портретов папуасов из собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. Прибыл сюда для того, чтобы на основе дневников русского ученого определить изменения в образе жизни папуасов за сто минувших лет.

Изменения? Вместо каменного топора — железный, вместо посуды из раковин — алюминиевые кастрюльки. Как жаль, что так коротка наша стоянка и нет у нас возможности повнимательнее приглядеться к жизни папуасов — доброго, простодушного и все еще обездоленного народа, который так любил Миклухо-Маклай.

Уже в сумерках покидал «Витязь» залив Астролябия. На Берег Маклая наползала ночь. Солнце давно ушло от этой суровой земли вечного лета. Солнце на другом конце планеты, в наших родных широтах. Оно зажгло купола соборов в Московском Кремле, ярко высветило иглу Адмиралтейства над Невой, позолотило окна верхних этажей старых домов у Смольного, рассыпалось в Летнем саду блеклым багрянцем опавших листьев — последней грустной улыбкой ушедшего лета. Как же далек этот берег от земли, где похоронен Маклай! Но нам грустно с ним расставаться, с этим берегом, где топор называют по-русски, где из поколения в поколение передают легенды о человеке из России.

Мы с Григорьевым стоим у борта и вглядываемся в уходящий во мрак остров. Слышно, как буфетчицы гремят в кают-компании посудой: скоро ужин. Радисты включили магнитофонные записи: «Позови меня, позови меня! Хоть когда-нибудь позови!» Запетая песня, но сейчас так легко пристраивается к нашему настроению.

— Ни одного огонька! — говорит Григорьев.— Как сто лет назад...

Мы стоим у борта, всматриваемся в море, в неясные очертания чужого острова и думаем о нашей далекой Родине.

Остров Норфолк.

На базаре в порту Рабаул на острове Новая Британия.

Новогвинейская деревня.

Выступает первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников.
Фото А. Конькова.

МУЗЫКА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Традиции и современность — такова была основная тема недавно прошедшего в Москве VII конгресса Международного музыкального совета. Конгресс заслушал и обсудил на секциях доклады, где тема эта рассматривалась в разных ракурсах, заслуживающих внимания.

Вот какие важнейшие проблемы обсуждались на конгрессе: традиции и новаторство; новаторство подлинное и мнимое; самобытность национальных культур; судьбы развития национальных культур; проблемы воспитания молодых музыкантов; проблемы музыкальной социологии; традиционное музыкальное мышление и современная музыка.

«Вклад различных музыкальных культур в культуру современного мира» — так называлась одна из дискуссий конгресса. Эта тема особенно важна для музыкального искусства нашей страны, обогатившейся за последнее время современной и ярко окрашенной национально музыкой.

Национальная основа творчества для советских музыкантов — это преемственность, живая связь с творчеством великих мастеров... П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, М. И. Глинка бережно, с любовью вслушивались в песенную сокровищницу русского народа, и произведения их, ставшие достоянием всех наций, при всем богатстве индивидуального, сохраняют свое национальное лицо, обогащают культуру народов мира.

К сожалению, на Западе становится заметным национальное обезличивание искусства. Тут дает себя знать увлечение экспериментированием, художественный космополитизм.

Холодное умствование в творчестве всегда приводило к оскудению возможностей таланта. Истинно прекрасным бывает лишь то, о чем можно сказать словами Бетховена, написанными на его рукописи «Торжественной мессы»: «Это идет от сердца, пусть оно тронет сердца»...

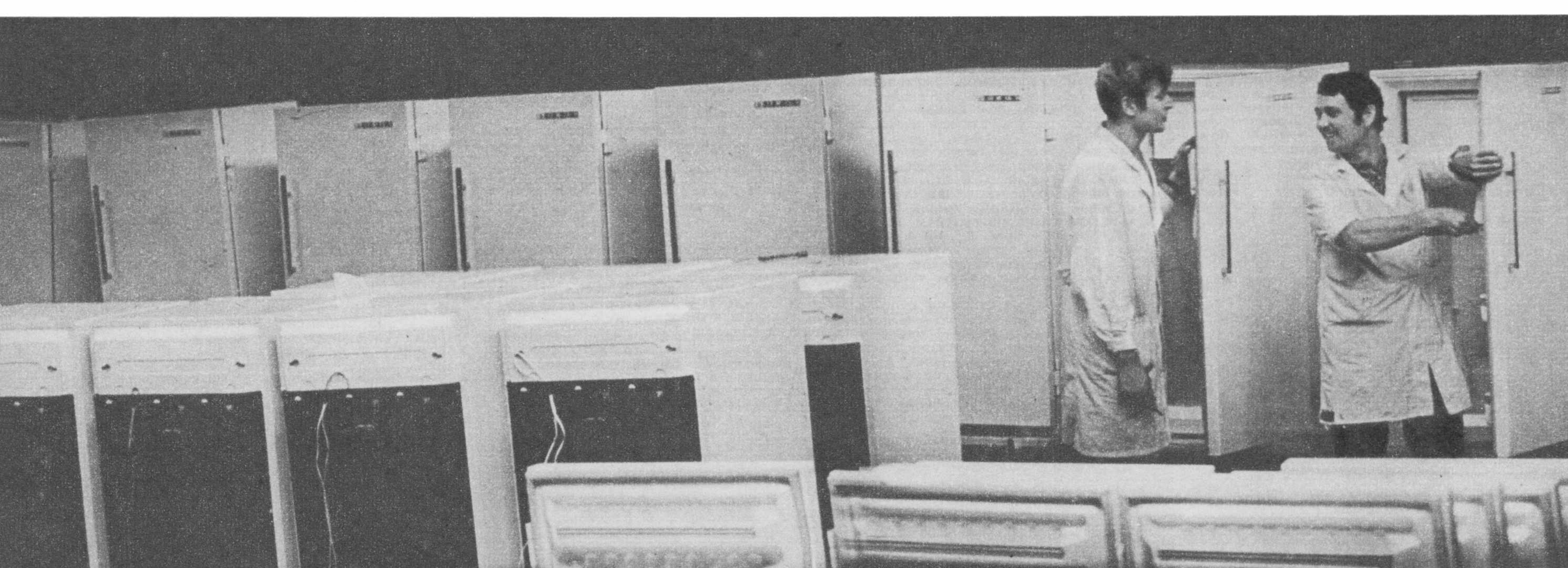
Традиции и новаторство — этот вопрос особенно интересен для современного искусства. Новое продолжает традиционное, а не порывает с ним. Обогащаясь взаимным проникновением, они участвуют в общем процессе, где история так же важна, как и современность, а утрата корней столь же опасна, как и задержка роста.

В период работы конгресса участники знакомились с произведениями советских композиторов. Конгрессу были представлены самодеятельные коллективы, исполнители народной музыки, ансамбли фольклорной песни и пляски.

Н. ЗЕРНОВА

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

НА БОГАТЫРСКОЙ ЗА

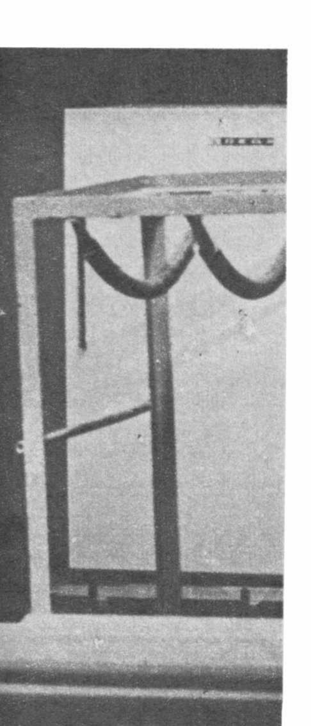

Бригадир Александр Соколов и слесарь Геннадий Маркин собирают холодильники «Ока-3».

Час утренних газет...

СТАВЕ

Не обеднял Муром богатырями. Один из них — Николай Иванович Аверьянов, инженер службы охраны водных ресурсов,— исполняет роль Ильи Муромца на подходящих по теме городских празднествах. Все музейные кольчуги для него малы — ни одна не налезает. Пришлось создавать новые доспехи. Будем надеяться, что и его младшие друзья, юные муромцы Илюша Зуйков и Илья Беликов, вырастут такими же молодцами.

Память о нем нетленна.

Испокон веку славилась богатырями Русь. По сей день живут те богатыри в памяти народной, увековеченные в былинах, сказках, полотнах... Много было их на Руси, а первейший среди них — Илья Муромец, что из земли Муромской, из села Карачарова. Только село это давно уж влилось в пределы города Мурома, откуда и ведем мы свой репортаж.

Само собой разумеется, что символом своего города муромцы считают Илью-богатыря! Он смотрит на вас с огромного, на въезде в город, камня с древними письменами, с панно во Дворце культуры, с декоративного ковша в кафе.

Это трогательно и понятно: далеко не каждый город может похвастать богатырями первой величины.

...Я сошел с поезда в час, когда солнце только еще собиралось прогонять с неба луну. Было безлюдно. Я прошел через похожий на терем вокзал и оказался на площади, взметнувшей в небо сверкающий обелиск. Возле него, на строгом пьедестале,— бронзовый бюст Николая Гастелло. Здесь прошло детство героя, его комсомольская юность. И он очень любил свой Муром...

Город был совершенно пуст, если не считать дворников, подметавших улицы, подбеливающих края тротуаров. Даже ветер еще не проснулся.

А потом, словно на экране, сорвавшись со стоп-кадра, все пришло в движение. Покатили детские коляски, помчались битком набитые автобусы, тротуары заполнились пешеходами. Это длилось с час. Затем людской поток заметно схлынул. Остались только домохозяйки с набитыми провизией сумками. И сразу стало ясно: Муром начал трудиться.

Не так давно Муром отмечал свое одиннадцативековье. Прежде на его гербе красовались три кренделя — славился своими пекарями! Какой же он теперь, город, дающий стране холодильники и тепловозы, радиоприемники и железнодорожные стрелки, ткани и фанеру, рубероид, мебель и многое другое? Об этом наш фоторассказ...

На «Волгах» и «Жигулях», «Москвичах» и «Запорожцах» установлены приемники, выпускаемые Муромским радиозаводом. Свою лепту в музыкальную автопродукцию вносят и эти девчата.

Выставка живописи, графики и чеканки самодеятельных художников завода имени Серго Орджоникидзе.

Тысячи рабочих Владимирщины поддержали почин токаря завода имени Орджоникидзе Анатолия Курылева — повысить нормы выработки в среднем на двадцать процентов. Уже первые месяцы работы по-новому дали сотни тысяч рублей экономии. В нашем фотокадре Анатолий Курылев на отдыхе с семьей...

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ

Римма КОВАЛЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок И. БЛИОХА.

По вечерам она стала приходить на кухню с клубками. Вяжет свитер. Иногда поднимает на меня глаза и улыбается. Губы сомкнуты, улыбка делает лицо жалким. Я не люблю, когда у нее такое лицо, и говорю сердито:

— Сколько книжек можно было бы прочесть за это время.

— В книжках — чужие жизни,— объясняет Лика,— а я хочу прожить свою жизнь. Хочу, чтобы меня любили, а не читать про любовь. Хочу связать ему свитер.

Голова у нее опущена, короткие прямые волосы схвачены на макушке бантиком, но, как бы она себя ни уродовала, ей все идет, даже этот дурацкий бантик. Иногда у нее путаются нитки, она рвет их, распускает связанные рядки и стонет. Нелегко ей дается это кроткое занятие.

— В ваше время,— она вымещает досаду на мне,— конечно, все было по-другому: девушки не вязали, они читали книги, повышали свой уровень...

— Не трогай мое время. И вообще оно ни при чем. В каждом времени есть свои вязальщицы свитеров.

— Бедненькие,— шепчет Лика,— сидели и вязали. Как я.

В коридоре звонит телефон, Лика замирает, смотрит на меня вопросительно.

— Это не тебе,— говорю я и иду в коридор. Она тоже идет за мной. Ей хочется, чтобы это звонил Никич. Я снимаю трубку и слышу Клавин голос:

— Наконец-то я вас застала.

— Почему «наконец-то»? Я весь день дома...

— Бросьте мне, бросьте!— Голос у Клавы пронзительный, по телефону особенно невыносимый, я отстраняю трубку от уха. Лика фыркает: «Она ведьма и сплетница. И почему это вам ведьма дороже хорошего человека?» Я осуждающе гляжу на Лику и шепчу ей: «Иди, иди, хороший человек, вяжи свитер». А Клава надрывается:

— Маргариточка! Только скажите мне правду: есть разница между работой и праздником?

— Есть. Конечно, есть. А что случилось?

— Это я еще узнаю, что случилось. Стал одеваться на работу, как в гости. Что это может быть?

Я уже все поняла. У Клавы очередной приступ ревности.

— Ничего плохого не может быть,— успокаиваю я ее,— просто стали жить лучше, одежды прибавилось, можно и на работе выглядеть по-человечески.

— Перед кем?

— Перед товарищами.

Клава умолкает, потом говорит недобро:

— Хоть вы идейная, Маргарита, но одного не знаете. Товарищи — это на собраниях и на демонстрации, а в других местах просто мужики и бабы.

Лика стоит в коридоре. Привалилась спиной к стене, разглядывает потолок. Она знает, как заканчиваются наши с Клавой телефонные разговоры, и ждет бурного финала. Неожиданно Клава меняет тему:

— Видела этого, с бородой, что к вам ходит.

— Никича?— спрашиваю я и смотрю на Лику. Та сразу отрывается от стены и настораживается.

— Подлец он, Маргариточка, этот ваш, с бородой. Я его сегодня в универмаге видела. С одной... Молоденькая такая и одета прилично.— Клава замолкает, ждет, что я скажу. И Лика ждет.

— Это ничего не значит,— говорю я Клаве,— мало ли кто с кем и где ходит.

Мы возвращаемся с Ликой на кухню. Она садится на подоконник и жалобно смотрит на меня.

— Клава видела Никича в универмаге с какой-то девицей.

— С Валькой.— Лика мстительно поджимает губы.— Это наша звукооператорша Валька. У нее, как у камбалы, самая широкая часть тела — талия.

Она смотрит на телефон, видимо, решает, кому звонить — Никичу или Вальке, потом переводит взгляд на меня.

— Не надо,— останавливаю я,— не надо никому звонить. Чего у тебя нет, Лика, так это терпения.

Утром она стучит в мою дверь.

— Маргарита, не забудьте про двенадцать часов.

В двенадцать — ее передача «Для вас, женщины». Я не люблю эти передачи. Есть в году Восьмое марта, и хватит. В остальные дни можно и не доказывать, что женщина тоже человек. Прекрасные женщины — председатели колхозов, врачи, инженеры — в этой передаче на одно лицо. Рассказывают мне, пенсионерке, сидящей у телевизора, чего они достигли в жизни. А я уже это давно знаю, чего может достичь женщина и чего не может. А те, кому бы эти рассказы были не без пользы, их не слышат: они на лекциях, на работе или на кухне — готовят обед детям, которые через час-другой прибегут из школы. Двенадцать часов — более бесплодного часа для такой передачи не придумаешь.

— Выступи там на своем собрании, пусть перенесут передачу на субботу или хотя бы на вечерний час,— сказала я как-то Лике.

Лика посмотрела на меня с сожалением:

— Я выступаю, зал аплодирует, передачу переносят... Как вы наивны, Маргарита!

Лика работает ассистентом режиссера. На экране ее не бывает. Она, как это у них называется, за кадром. Я не знаю, любит она свою работу или нет. Все силы ее уходят на войну с режиссером Мартыном. Он бездарный, тупой, ничего не понимает в искусстве, и рожа у него, как у вареного сома. Лика не может говорить о нем спокойно. «Маргариточка, это не человек, а какой-то кошмар. Идет трактовая репетиция, а мой Мартын в прострации, как робот, у которого сели батареи». Может быть, оттого, что она на него постоянно нападает, у меня к Мартыну заочная симпатия.

— Ты зарываешься, Лика. Из тебя слова вылетают, как осы. Он твой начальник, и ты, пожалуйста, обуздывай себя.

— Начальник!— Лика хохочет.— Он по профессии дачный муж. Я уверена, что по утрам он пьет гриб, знаете, такой, плавает в банке. А банка завязана марлей, чтобы гриб не вывалился, когда он его наливает.

— Квас он наливает, а не гриб.

— Ох, Маргарита! Сразу видно, что вы не человек искусства: вы все уточняете...

Я сижу перед телевизором, слушаю воспоминания военной летчицы, и вдруг в прихожей — звонок. Клава. Принесло же ее так не вовремя. Я ставлю рядом с собой стул, усаживаю Клаву и прикладываю палец к губам.

Клава — мое наказание. Редкий день обходится без ее звонка или визита. Лика говорит: «Ваша подруга детства ходит сюда, как на работу». Клаву в детстве я не знала, да и потом мы не дружили. «Подруга детства» — Лика всегда что-нибудь придумает...

В первый послевоенный год, когда я с сыновьями вернулась из эвакуации, Клава приютила нас в своей комнате. Это была даже не комната, а часть подвала разрушенного дома, с цементным полом и железной печкой, труба которой дымила прямо в ноги прохожим. Я считала тогда Клаву старухой, столько старушечьего тряпья было на ней намотано, а ей в тот год было тридцать четыре. Она поднималась рано, засыпала уголь в печку и садилась к столу к чистым листам бумаги. Было что-то мистическое в ее занятии: черными, задубевшими пальцами Клава нарезала белую прозрачную бумагу, сыпала зернышки сахарина и сворачивала их в аптекарские пакетики. Мальчишки мои считали ее ненормальной. Она исчезала рано и появлялась поздно вечером. Весь день торговала сахарином на барахолке.

Мы прожили вместе около года. Потом нас расселили, и мы несколько лет не виделись. Встретились случайно на улице. Она сказала: «Маргарита Петровна, так загордились, что и не узнаете?» Даже когда она крикнула: «Клава я! Клава!»,— я и тогда ее не узнала. Круглолицая, кареглазая женщина в красном нарядном платье была мне незнакомой. Клава тормошила меня и смеялась счастливым смехом. Потом она потащила меня к себе. В просторной опрятной комнате над столом висела в раме увеличенная фотография мужчины в пилотке. Меня поразили его глаза: в них застыла такая отчаянная решительность, будто ему предстояло через секунду ринуться в бездну. Клава подвела меня к портрету, как к иконе.

— Я вас с ним познакомлю. Таких людей можно только во сне увидеть.

Они пришли вместе на следующий день. Клавин муж оказался удивительно похожим на свой портрет — за весь вечер не раскрыл рта, глядит перед собой таким же застывшим, решительным взглядом. Иногда этот взгляд останавливался на мне, и тогда Клава покашливала — ревновала.

Клава не случайно привязалась ко мне: я единственная могла по достоинству оценить перемены в ее жизни. Лика знает ее всего лишь последние четыре года и этих

перемен понимать не может. Когда Клава с мужем приходят ко мне, Лика ворчит на кухне: «Вы всеядная, Маргарита, вам лишь бы люди. Идите, идите, развлекайте свою подругу детства и ее истукана».

Передача «Для вас, женщины» заканчивается. Среди многих фамилий, бегущих по экрану, я вижу Ликину и говорю Клаве:

— Вот Ликина фамилия.

Клава пожимает плечами и морщит губы: дескать, ну и что?

Меня это обижает. Клава ко многому в жизни относится без почтения.

— Она талантливая,— объясняю я Клаве,— творческая личность. Такие люди многим со стороны кажутся странными.

Лицо у Клавы делается обиженным.

— Я ж ничего не говорю. Пусть будет личность. Я к вам пришла совсем по другому делу...

Сегодня суббота. В субботу Лика приходит с работы торжественная: впереди два свободных дня — воскресенье и понедельник. В воскресенье придет Никич, бывший однокурсник Лики.

Он большой, плотный, с рыжей шкиперской бородой. Глаза голубые, добрые, какие-то прощающие всем все глаза. При встрече он целует мне руку, почтительно склоняя голову, и я каждый раз замечаю, что голова его пахнет апельсином и похожа на большой рыжий апельсин. Я не знаю его имени, Никич — это от фамилии Никитин. Он приходит, и Лика начинает метаться по квартире.

— Никич! Я никуда не пойду. Мне не в чем.

Никич сидит на кухне, вытянув ноги, смотрит на Лику и подмигивает мне:

— Что мне нравится в Лике, так это постоянство. Каждый раз одно и то же.

Лика приносит мне мешок со старыми чулками, улыбается своей жалобной, с сомкнутыми губами, улыбкой, и я говорю Никичу:

— Ликино постоянство и мне известно. Все, как всегда,— надо искать пару без шва и приблизительно одного цвета.

Потом она садится у зеркала и делает себе лицо. На это я не могу смотреть. Круглое милое Ликино лицо превращается в желтую маску с двумя черными кляксами вместо глаз, с неживыми бело-розовыми губами.

— Ужас,— говорю я,— глаза, как заплатки, а губы, будто ела зубную пасту.

Лика смеется: я ничего не понимаю в современных лицах.

Иногда мне хочется, чтобы там, куда они уходят с Никичем, ее крепко обидели. Пусть бы она вернулась оттуда несчастная, смыла эти дурацкие краски и никогда больше туда не ходила. Я как-то сказала ей об этом.

— Это у вас материнство,— объяснила она,— если бы у вас была дочь, вы бы заели ей жизнь. Из любви бы заели.

Вряд ли у меня к ней материнские чувства. У меня не болит по ней сердце, как по Косте с Владькой. Это что-то другое.

За окном вечер, в квартире тихо, а тут уж никак не увильнешь от воспоминаний. В такие часы я вытаскиваю старые письма, смотрю на фотографию мужа — жил человек, и нет его, и никогда больше не будет. Лика как-то сказала: «Вся жизнь, если не строить иллюзий,— суета сует. В результате всех ждет одинокая старость, а потом и вообще ничего». Это был один из наших самых яростных споров.

— Старость — прекрасное время,— доказывала я ей,— если человеку есть чем жить. Если он накопил к старости достаточно любви и щедрости.

— Ах, не смешите! — Лика не хотела щадить меня.— И вы, и ваша подруга детства, и все ваши друзья — старички-бодрячки. И от меня это не уйдет, и не старьте раньше времени.

Она обидела меня и ушла. Всякий раз, когда она вот так уходит, моя обида незаметно перекочевывает на Костю и Владьку. Я сажусь за письмо и пишу Владьке: «Здравствуй, сын. Получила твое письмо. Рада, что у тебя все благополучно. Я тоже пока здорова, и у меня все хорошо...» Слезы застилают глаза. Я не могу простить Владьке, что мы живем далеко друг от друга и видимся редко. На Костю я не обижаюсь. Костя служит на флоте и принадлежит целиком только своему кораблю. Семья его в Ленинграде. И он видится с ней так же редко, как и со мной.

Сегодня суббота. Лика сидит на кухне и вяжет свитер.

— Это была не Валька,— говорит она.— Это была просто девица, рядовая личность, товарищ по работе.

— Ты видела Никича?

Лика кивает: видела. Плечи ее вздрагивают, она опускает лицо в вязанье и хохочет.

— Знаете, на кого он похож? На носорога, который три дня пролежал в гробу.

Она морочит и меня и Никича... Я наконец скажу ей все, что думаю.

— Лика, знаешь, о чем я думаю? Ты не любишь Никича.

Лика смотрит на меня с любопытством и молчит.

— Ты его не любишь,— говорю я более уверенно,— и это лишает смысла все ваши отношения.

— Первый раз слышу, что у любви есть смысл,— отвечает Лика.— Любовь — это пожар, болезнь. Какой в этом во всем смысл?..

— Не понимаю,— говорю я,— совсем тебя не понимаю, Лика.

Лика откладывает вязанье, смотрит в угол.

— Я хочу, чтобы он меня любил. Остальное не имеет значения.

— Имеет.

Лика качает головой: не надо больше об этом.

В воскресенье приходит Никич. Лика примеривает ему недовязанный свитер. Никич стоит, растопырив руки, и улыбается мне. Потом они уходят. Мне тоже хочется куда-нибудь уйти, но я остаюсь. Так всегда: только хлопнула за ней дверь, а я уже жду ее возвращения. Это началось не с Лики, много раньше. И это самое трудное, что выпало мне в жизни. Длинные вечерние ожидания. Мой погибший на войне муж был кадровым командиром. Все погибшие мужья в воспоминаниях своих жен были когда-то их лучшими друзьями. Мне тоже порой так кажется. Но этого не было. Мы любили друг друга, но жили слишком бурно: ссорились, мирились... Я ждала его длинными вечерами, закутав кастрюлю с ужином в старое солдатское одеяло. Ждала радостно и тревожно.

Потом, в войну, вечерами, в голодном сибирском городе, я ждала, что вдруг кто-то придет с вестью о муже. Раненый боец из госпиталя или почтальон с телеграммой. Вот в те годы было действительно ожидание. Особенно когда дошло, что война ни на той неделе, ни через месяц не кончится.

А теперь Лика. Соседка Лика. Сижу и жду. Как будто было мало ожиданий в моей жизни. Жду, когда она вернется. Жду, что будет у них с Никичем.

Второй час ночи. Точно ли Никич провожает ее? Может быть, одна бредет сейчас по городу? Я говорю себе: «Ей двадцать шесть, и ей пора уже самой сидеть и кого-нибудь ждать». Я хочу разозлиться, у меня тяжелая голова, и просто не хватает сил для таких ночных бдений. «Она эгоистка, она думает только о себе. А ты ложись спать, она может вообще не прийти».

— Конечно, она не спит! — кричит с порога Лика, влетает на кухню и оглядывает ее, будто видит впервые, потом осторожно садится на табуретку, откидывает голову и говорит загадочным голосом:

— Ах, какой был вечер! Какой счастливый, необыкновенный вечер! Я еще вся в его тумане и музыке.

Я смотрю на нее недоверчиво, наливаю в чашки чай.

— Пей. У тебя всегда все необыкновенно.

Ей хочется рассказать, как все было там, откуда она пришла, и она сердится, что я не проявляю любопытства.

— У хозяйки были прекрасные средневековые волосы,— говорит нараспев Лика,— они спадали ей на спину и грудь. Когда один из гостей запел цыганскую песню, у нее на глазах заблестели слезы.

Я молчу. В Ликином голосе появляется мстительность.

— А Хозбачев был весь вечер в меня влюблен. Читал мне Есенина. Ах, как он читал! Как пьяный влюбленный поэт.

Хозбачев — новая звезда в театре, в котором Лика когда-то работала.

— На столе стояли свечи, а между ними букетики ландышей. В тарелках — всего мало, но все самое изысканное. Воск оплывал со свечей, Хозбачев слепил из него черепаху и посадил мне на плечо.

— А что же Никич?— спрашиваю я осторожно.

— Никич тоже был прекрасен. Он молчал. Ему очень идет молчать. И знаете, что я увидела,— он лучше всех, значительней. Когда я смотрела на него, а потом на худенького Хозбачева, то понимала, что из Никича можно сделать пять таких Хозбачевых.

У нее усталый вид и чулки на ногах разные — это незаметно, но я знаю, что разные. С вечеринок она иногда приносит завернутые в газету куски пирога и конфеты. Завтра утром она скажет: «Не смотрите на меня так печально. Не усложняйте».

Завтра утром — понедельник. Второй Ликин выходной день. Она поднимается поздно, приходит на кухню грустная, смотрит на меня виноватыми глазами.

— Не усложняйте, Маргариточка. Все образуется. Довяжу этот проклятый свитер, запишусь в университет культуры, буду повышать свой уровень.

Мы не ссорились, но она ищет примирения.

— Маргарита Петровна, ведь я же неплохой человек.

— Ты хороший человек, Лика,— говорю я,— но живешь ты, по-моему, плохо.

— Я просто живу,— говорит Лика,— мне ничего не надо. А если надо, то очень немного. Пусть другие добиваются, достигают, а я хочу просто жить. Почему это плохо?

— Потому, что ты умная. Потому, что маешься и задаешь такие вопросы.

— Я не маюсь. Просто сегодня такой день. Понедельник. Все люди куда-то побежали, что-то делают... А у меня выходной, восьмой день недели.

Как-то она рассказала о своем детстве. Родилась в войну. Мать умерла в сорок четвертом. В детском доме жила до второго класса. Потом ее разыскала и забрала родственница — одинокая, больная женщина. С ней Лика прожила четыре года. Потом новый детский дом в большом городе и слава первой ученицы и золотая медаль к аттестату.

Я вижу эту девочку с чистым именем — Лида, строптивую и способную, с пятерками в дневнике — ни маме, ни папе — себе. Девочку из детского дома, пережившую потерю родных и этим как бы осознавшую собственную временность. И, может быть, сегодняшняя тяга к беззаботной жизни — всего лишь восполнение недобранной в детстве радости? Не у всех детство совпадает с детством, а старость со старостью.

— И ты собираешься так прожить всю свою жизнь?

— Как?— Ликин вопрос звучит вяло и отчужденно.

— Вот так, как говоришь, просто.

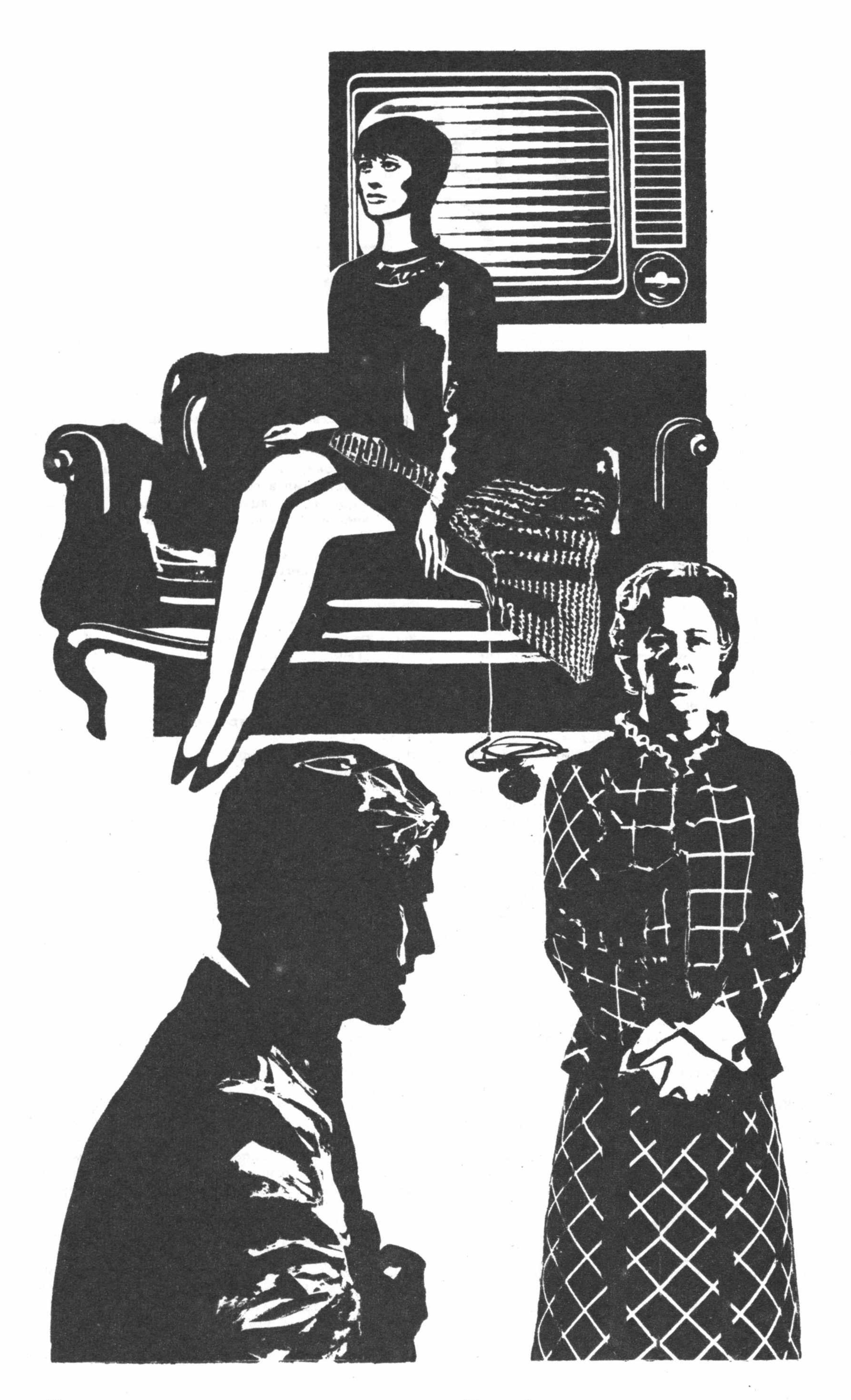
К Лике возвращается ее надменный, независимый тон:

— Да. Вот так и проживу. У меня есть прожиточный минимум красоты, таланта и денег.

* * *

Утром пришло письмо от Кости.

«Мама, я знаю, что я не Владька, но, может быть, ты в виде исключения приедешь и ко мне?» У меня защемило сердце. Перед Костей у меня давнее чувство вины. Он был старшим сыном, а Владька младшим. И была война. Раз в месяц в детской диетической столовой, куда был прикреплен Владька, выдавали по талону двести граммов масла. Я жарила дрожжи на сковородке, делила их на две части и клала сверху кусочек масла Владьке, половину такого кусочка — Косте. Костя был большой, ему было десять лет.

Потом ему было четырнадцать, уже два года не было войны. Я срезала пуговицы со своей старой вязаной кофты и сшила ему свитер. Он ходил в нем в восьмом классе со швом через всю спину. После восьмого пошел в мореходное училище и, как только стал зарабатывать деньги, присылал с припиской: «Купи что-нибудь себе. Не трать все на Владьку».

Я решила, что поеду к Косте. Три раза я была у него в Ленинграде и никогда в том городе, где он живет без семьи, один, никогда не видела его корабля и вообще никогда не видела военного корабля.

Я стала думать, как приеду к нему, какой обед ему приготовлю. Он приведет своих товарищей, рюмки наполнятся коньяком, и Костя будет глядеть на меня, как в детстве, серьезно и застенчиво.

Я уже села за письмо, как вдруг в прихожую ворвался звонок. Нескончаемо длинный. Кто-то нажал пальцем кнопку и не собирался ее отпускать.

— Кто там?— спросила я громко. Звонок оборвался, и послышался жалобный Ликин голос:

— Это я.

Я открыла.

— Что-то новенькое. Раньше у тебя были ключи.

Лика ничего не ответила, прошла в свою комнату, дверь оставила открытой, и я увидела, как она в плаще, с сумкой в руках стоит посреди комнаты.

— Что случилось?

Лика бросила сумку на тахту, сняла туфли и пошла в чулках на кухню. Села за стол, попыталась улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Говори сейчас же!

Лика подняла на меня мокрые глаза, голос был хриплым, чужим:

— С чего это вы взяли, что у меня может что-нибудь случиться?

Она храбрилась. Но это у нее плохо получалось: сомкнутые губы дрожали, лицо было гневное.

Кто-то ее крепко обидел. Когда-то я хотела, чтобы такое случилось. Мне представлялось, что придет она злая, прозревшая, смоет свои дурацкие краски и начнет новую жизнь. Но она пришла жалкая, потерянная...

— Лика, я не хочу, чтобы ты была такая.

— Я тоже не хочу,— ответила она тихо,— но что делать, когда все так плохо.

— Это пройдет.

— Это никогда не пройдет. Сейчас я виделась с Никичем...

— Вы поссорились?

— Он женится. Ему все надоело, и он решил жениться.

Это было так же страшно, как если бы она сказала, что Никич умер.

Я поставила чайник. Мы пили чай и молчали. Лика вдруг спросила:

— Маргарита Петровна, что мне теперь делать?

Я никогда не знала, что в таких случаях делают люди.

— Надо, Лика, это пережить, и ты это переживешь.

— Я не переживу,— ответила Лика,— я привыкла думать, что он любит меня.

Утром я не слыхала, как она ушла. Пришла Клава, принесла полкоробки дорогих конфет.

— Мой вчера принес. Угощайтесь.

В каждый свой приход Клава затевает разговор о Лике. Сейчас я жду его.

— Что-то ничего я не пойму.— Клава наклоняет голову и смотрит в коридор, удостоверяется, что Лика там не стоит.— Ничего не пойму, Маргарита Петровна, в вашей соседке. Почему этот рыжий на ей не женится?

От ее вопроса у меня мурашки бегут по спине.

— Кто это, Клава, может знать...

— Я знаю!— Клава выкрикивает эти слова мстительно, и глаза у нее загораются, как у кошки,— она всех хитрей надумала быть. Чтобы ей, значит, и одинокая свобода и мужчина с любовью и приветом.

— Может, он не любит ее?

Клава хмурит лоб и отвечает угрюмо:

— Любит. Девка она хорошая, острая, с характером.— Клава говорит это убежденно, и я поражаюсь: Лику она терпеть не может, а допускает, что она хорошая и что ее любят.

— Все дело в ей,— объясняет Клава,— хочет ваша Лика легкой жизни. А того не знает, что эта жизнь самая тяжелая.

* * *

На улице осень. Я иду к Никичу пешком. Это несколько трамвайных остановок. Прошлым летом Лика показала мне его дом и окно на втором этаже. Я иду к нему с разговором, которого он не ждет. Боюсь этого разговора, понимаю свою бестактность, но все-таки иду. Если бы у Лики была мать, она бы тоже пошла.

Поднимаясь по лестнице, я хочу, чтобы его не оказалось дома. Но он дома, открывает дверь, смотрит на меня без удивления и говорит:

— Входите.

Мы здороваемся, он целует мне руку, склоняя голову. У него однокомнатная квартира: маленькая кухня и комната без дверей. Никич показывает мне на кресло и уходит на кухню. Возвращается с бутылкой под мышкой, в руках — вазочка с печеньем. Не спеша ставит на низкий столик рюмки, открывает бутылку. Говорит:

— Это ликер. Вы не возражаете?

Я возражаю.

— Я пришла серьезно поговорить с вами, Никич.

— Тогда я буду пить один,— говорит он.— Наливает ликер в рюмку, смотрит на нее, скрестив на груди руки. Я жду, когда он выпьет, но он не пьет, смиренно дожидаясь моих слов.

— Я пришла поговорить с вами о Лике.

— Да, да,— говорит он,— я вас слушаю.

— Мне кажется, что вы относитесь к ней неправильно.

— А надо правильно.— Никич говорит эти слова без вопроса и сбивает меня.

— И вы и Лика — взрослые люди...

— Совершенно верно.— Никич наконец глотает свой ликер и окончательно запутывает меня. Если бы он сказал: «Не суйтесь не в свое дело»,— я бы нашла, что ответить. Но он соглашается, и я говорю совсем не то, что хотела.

— Лика несчастна, и вы в этом виноваты.

— Я не виноват,— отвечает Никич,— я чувствую себя виноватым, но на самом деле не виноват.

— Вы так хорошо к ней относились. Как это несправедливо, что так получилось.

— Да,— говорит он,— пожалуй, вы правы. Именно несправедливо.

На секунду мне кажется, что он издевается надо мной, я смотрю на него внимательно, и Никич отвечает мне таким же внимательным взглядом. Мне уже нечего терять в этом странном разговоре, и я спрашиваю напрямик:

— Вы женитесь по любви, Никич?

— Да,— отвечает он и смотрит мне прямо в глаза.

Надо уходить, но я сижу и чувствую, как от волнения у меня дрожат руки.

— Ну, что ж, Никич, будем считать, что нашего разговора не было.

Я поднимаюсь. Никич идет провожать меня до двери. В коридоре останавливается, трет ладонью щеку и смотрит в сторону.

— Вы что-то хотите сказать, Никич?

— Нет... просто так, одна мысль: пошла бы Лика для кого-нибудь вот так, как вы?

На улице уже темнеет. Я захожу в сберкассу, потом иду к сверкающему неоновыми огнями зданию Аэрофлота.

— Можно один билет?..— Я называю город, в котором живет Костя.

Я бы могла улететь завтра, но нельзя. Нельзя бросать Лику. Беру билет на самолет, который полетит через пять дней. Иду домой и думаю о том, какой трудный будет у нас с Ликой сегодня вечер.

Лика дома. Я это чувствую, открывая дверь. Из кухни тянет теплом. В прихожей валяется на полу мешок со старыми чулками. Я вхожу на кухню, и сердце мое переполняется досадой. Нет, это даже не досада, а пустота. Как будто я бежала куда-то, задыхаясь, добежала, успела, а куда? Никуда.

Лика сидела на полу у открытой духовки, сушила волосы, накрученные на бигуди. Подбородок был поднят, глаза прикрыты.

— Как будто ничего не случилось? — спросила я.

— А так оно и есть,— ответила Лика.— В моей жизни ничего не случилось.

— И не случится.

Лика поднялась, села на стул.

— Почему?

Я могла бы ей ответить: «У себя спроси». Я могла бы передать слова Клавы: «Хочет ваша Лика легкой жизни. А того не знает, что эта жизнь самая тяжелая». Но Лика спрашивает меня. И я сижу, думаю, готовлю ответ: «Я, кажется, знаю, Лика, почему в твоей жизни ничего не случилось. И не только в любви. Ты добрая и талантливая, но ты согласилась на малое. Хотела получить чью-то любовь. Но, когда сам не любишь, это ведь такая малость. Человек всегда получает меньше желаемого. И если он остается ни с чем, значит, добивался уж и вовсе чего-то ничтожного».

Не знаю, поймет ли меня Лика. А если поймет: кому и когда помогали в таких случаях чужой опыт и чужие правильные слова...

ОТКРЫТОСТЬ СЕРДЦА

Когда однажды, придя домой, сын Марии Тимофеевны Антоновой хмуро сообщил ей, что учитель просил ее зайти в школу, она, разумеется, как все матери в подобных случаях, шла и думала: «И что это там мой Костя натворил?!» А возвращалась домой после разговора совсем растерянная от неожиданности. Учитель показал ей сплошь измаранные рисунками Костины книги и тетрадки и вместо того, чтобы, как она ожидала, потребовать запретить делать дальше мальчишке что-либо подобное, вдруг сказал, что у Кости безусловные способности к рисованию и ему нужно учиться...

«Откуда это у него? — думала Мария Тимофеевна.— Сама-то я ведь едва расписываться умею, у мужа всего два класса образования. Да и никогда никто в нашей семье к художествам не был привержен».

Но талант потому и зовется в народе талантом, что дается он человеку или уж не дается. И все.

Поступил Костя в среднюю специальную художественную школу. Ту, что помещалась тогда, до войны, на Сретенке, где теперь находится Училище 1905 года. Зачислили способного мальчика без экзаменов, и даже несмотря на то, что была уже середина учебного года. Учился Костя Антонов успешно, получал всевозможные награды и поощрения. Был, например, награжден поездкой в Ленинград, которая осталась на всю жизнь в памяти, как счастливый, прекрасный, не тускнеющий в памяти сон...

Хотя до окончания положенного срока учения Кости в специальной школе оставались еще месяцы и месяцы, преподаватели почувствовали: тесно пареньку здесь, пора дальше — и досрочно рекомендовали его для поступления в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. И вот шестнадцатилетний Константин Антонов принес свои работы на суд высокого жюри: директору Суриковского И. Э. Грабарю, С. В. Герасимову...

— Я сидел и думал,— вспоминает теперь художник,— зачем это я все принес? Какие-то пустяковые рисунки. И вдруг слышу: «Зачислить без экзаменов».

Скромность. Эту черту до сих пор в первую очередь среди многих иных добрых и высоких человеческих качеств отмечают в Константине Антонове его товарищи-художники, оказавшие ему очень высокое доверие, избрав секретарем партийного бюро Московской организации Союза художников РСФСР. А тогда, много лет назад, вот как проявилась эта черта у юноши-комсомольца: решил покуда не переступать порога Суриковского института, распахнувшего перед ним свои двери. Только вместе со всеми: как же это, дескать, мои товарищи по классу еще будут на школьной скамье, а я стану студентом? Чем я их лучше?!

Когда через считанные недели грянула Великая Отечественная война, Константин Антонов тоже был «как все». Из Суриковского пришла повестка, звавшая идти работать в плакатную мастерскую и готовиться к поездке в эвакуацию — в далекий Самарканд. Но Антонов отправился по призыву комсомола рыть окопы под Смоленском. Отступал оттуда вместе с частями Красной Армии. Можно себе только представить, какою была эта дорога назад... А парень, едва до Москвы добрался, пошел в военкомат: «Шлите на фронт!» Три раза военком выгонял: «Молод еще!» На четвертый, наконец, командировал на трехмесячные курсы младших командиров. До конца войны воевал Константин Антонов в артиллерийских частях, участвовал в освобождении Орла, Чернигова, Киева, Коростеня, Сандомира... Победу встретил в госпитале под Горьким. Тянулись долгие месяцы на грани жизни и смерти. К жизни вернуло искусство. Если хоть чуть-чуть набирался сил, брал кисть, карандаш. Каким счастьем было для вчерашнего воина, видевшего столько израненной, истерзанной земли, запечатлевать мирные картины природы!

И вот на одну из первых послевоенных всесоюзных художественных выставок К. Антонов смог представить свои этюды. В отборочной комиссии той выставки были А. Пластов, А. Куприн, Ф. Богородский...

— Глядят молча, что-то откладывают, к каким-то вещам возвращаются по нескольку раз,— рассказывает сегодня Константин Михайлович.— Наконец поднимается Аркадий Александрович Пластов и говорит: «Ну что тут долго рассуждать! Надо отбирать в экспозицию».

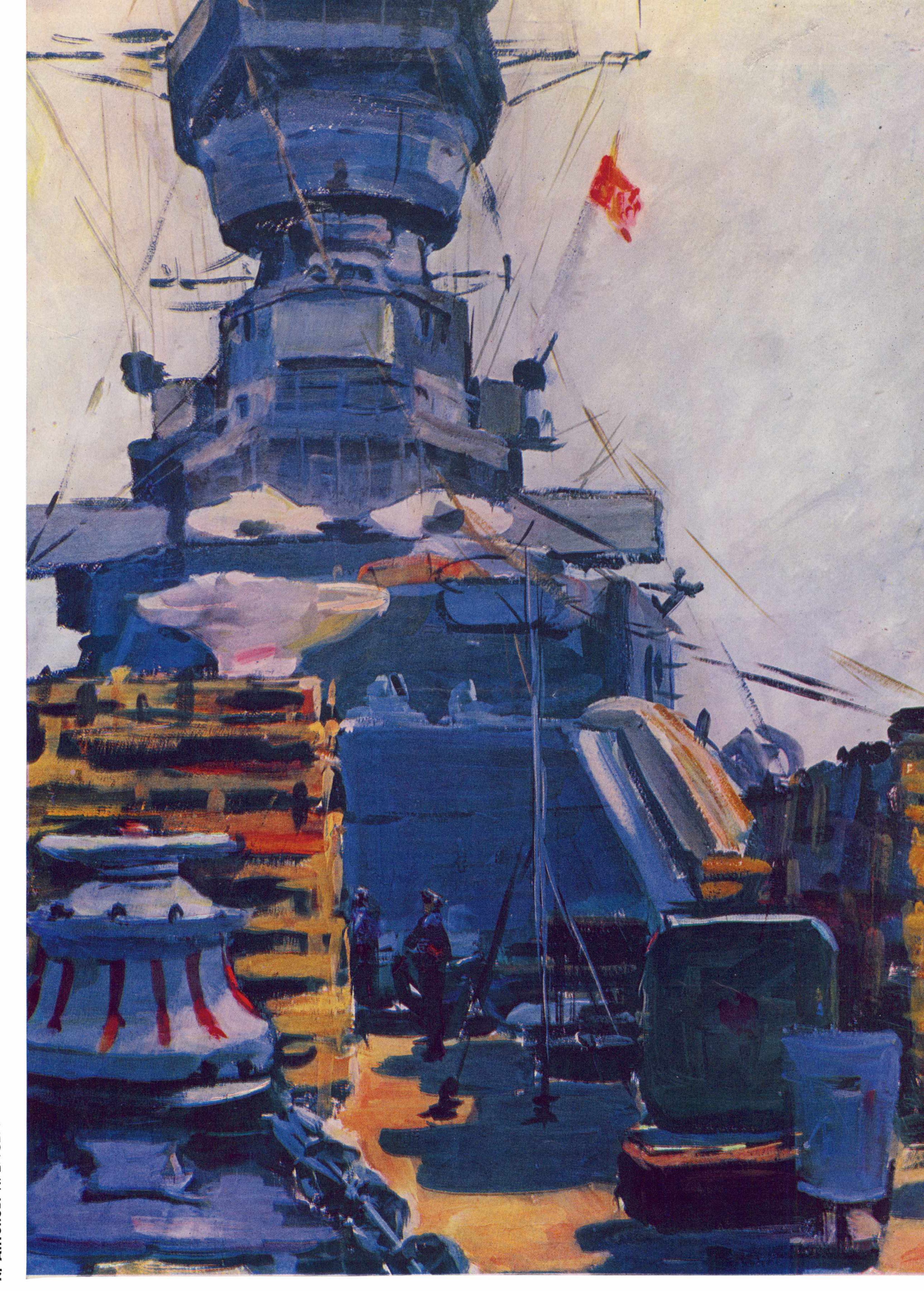
А Федор Богородский предложил молодому художнику по одному из этюдов написать картину «Осенний прибой». С той поры Константин Антонов — активный участник почти всех крупных выставок. А недавно прошла его персональная выставка в Центральном Доме работников искусств, поразившая зрителей разнообразием творческих интересов живописца: жанровые картины и портрет, пейзаж и натюрморт...

В Художественном музее Риги хранится картина К. Антонова «Год 1920», где изображен В. И. Ленин у постели раненого командира. С разных концов страны получает художник письма со словами благодарности от людей за это его произведение.

Нередко и подолгу гостит художник у моряков Балтийского и Черноморского флотов, где у него много друзей. И всякий поймет, что картина «Крейсер», которую вы видите на сегодняшней вкладке «Огонька», могла быть создана только художником, который, что называется, свой человек на флоте. Другому просто не пришло бы на мысль выбрать такую «внутреннюю» точку для композиционного построения полотна, какую нашел Антонов.

Константин Михайлович вообще много путешествует: Кавказ и Прибалтика, Средняя Россия и Крым... Привозит всегда множество этюдов, которые порой уже готовые картины. Как, например, холст «Таллин», где запечатлен в удивительной цветовой гармонии поэтичный строй островерхих крыш древнего города. И очень много добавляется каждой поездкой картин-миниатюр — размером с небольшую фотографию. Но в этих маленьких поэтичных образах природы, уголков страны, городов, сел нет красивости, нет и миниатюризации в привычном значении этого слова. Здесь всегда сохранена, неизменно присутствует, живет та же свобода письма и широта мазка, с которой написаны все полотна Константина Антонова. Только, может быть, эти чем-то напоминающие коротенькое стихотворение, отрывок мелодии кусочки картона или холста, покрытые слоем краски, вобрали особенно много доброты, человечности, искренности, открытости сердца, устремленности к людским душам — всех тех черт, которые отличают именно Константина Антонова — художника и человека.

Эльвира ПОПОВА

К. Антонов. КРЕЙСЕР.

К. Антонов. ТАЛЛИН.

ПАЛАНГОС ЮЗЕ, МОЙ ПОМОЩНИК

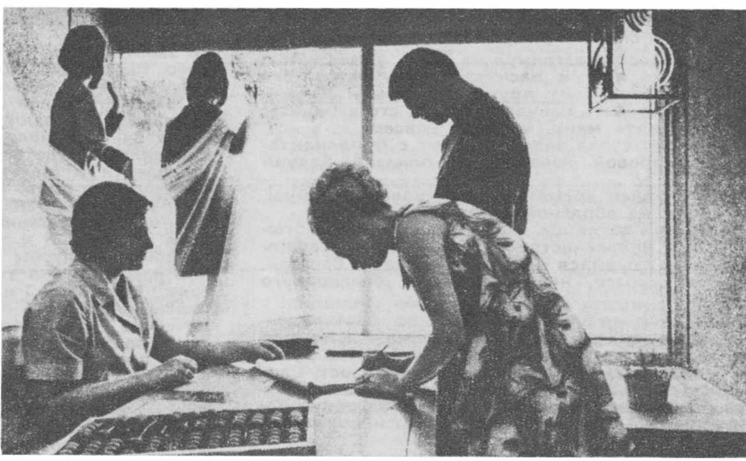
Вот он, наш славный Палангос Юзе.

Фотография на память.

Она Урбанене: «Буйтис» — это хорошо!

Заказ принят...

Фото В. Сальмре.

...Но, может быть, вы еще не знаете, кто такой Палангос Юзе? Вон он, идет на работу: шляпа набекрень, ножницы наточены, и можете быть уверены, не так уж много у вас найдется просьб, которые Палангос Юзе не выполнил бы. Он вездесущ, он мастер на все руки — этот литовский литературный персонаж, и мне нравится, что «Буйтис» избрал его своим покровителем и символом. А «Буйтис» по-русски «Быт» — так называется вильнюсское объединение предприятий бытового обслуживания.

Теперь пора вам познакомиться со мной. Меня зовут Она Урбанене, двенадцать лет назад я окончила Каунасский политехнический институт. Сейчас работаю научным сотрудником Института информации. Приходится очень много читать, чтение занимает все свободное время, так что «свободного» времени у меня и вовсе нет. Нет его и у моего мужа. Он искусствовед, как же ему без книг? Сын у нас школьник. Как видите, главный властелин и деспот в нашем доме — книга. И все мы трое с радостью подчиняемся этой деспотии. Но если бы не Палангос Юзе? Наверняка жизнь была бы более трудной и менее интересной. Я говорю это с полной ответственностью и как клиентка службы быта и как сотрудник Института информации.

У нас говорят: восьмая пятилетка поставила на ноги литовское бытовое обслуживание. И верно: за восьмую пятилетку в республике построено 150 комбинатов и мастерских бытового обслуживания разного типа. Что же касается Вильнюса, то служба быта за пятилетку получила здесь 20 тысяч квадратных метров прекрасно оборудованных производственных площадей. И вот в результате в прошлом году каждый житель столицы, от мала до велика, обращался в «Буйтис» 19 раз, таким образом, вильнюсские мастера обслужили 7 миллионов 33 тысячи клиентов. Только портные сшили по индивидуальным заказам 31 000 детских, женских и мужских пальто и 21 500 костюмов. Но больше всего выполнили заказов трикотажные ателье «Буйтиса» — 34 тысячи.

Кажется, я совершенно засыпала вас цифрами? Но ведь они очень точный показатель! Сейчас, наверное, нет в стране человека, который бы не интересовался, сколько центнеров зерна с гектара получают земледельцы. 34 тысячи трикотажных изделий «Буйтиса» — это тоже, по-моему, неплохой «урожай».

Однако насколько я знаю, работники бытового обслуживания далеки от самоуспокоенности. Мне приходилось слышать выступления директора вильнюсского объединения «Буйтис» Ионаса Гадляускаса. Он тоже меньше рассказывал об успехах, чем о недостатках. Сетовал на парикмахерские: женщинам приходится тратить на прическу полтора-два часа, и, несмотря на то, что клиентов больше всего именно в парикмахерских, доход их — всего 11,3 процента от общего. Самый высокий доход приносят прачечные и химчистки! Однако Гадляускас подсчитал, что количество выстиранного в городских прачечных белья не так уж велико. Значит, многие не доверяют прачечным.

Альгиса Шешкявичюса, начальника производственного отдела «Буйтиса», огорчает, что Вильнюс по бытовому обслуживанию среди союзных столиц страны занимает третье место, а не первое.

Я согласна: все это серьезные минусы. И все же даже та часть домашнего труда, что «Буйтис» берет на себя, позволяет мне не только работать, но и читать, ходить в театры, на концерты.

Я уже говорила, что нас в семье трое. Домашней работы хватает на каждого. А теперь попробуем представить себе, что было бы, если бы я сама стирала все белье. Если бы я сама пыталась чистить и утюжить верхнюю одежду. Это значит, вернувшись с работы, я не читала бы, а три-четыре часа трудилась не покладая рук.

Я тоже чаще, чем к другим предприятиям обслуживания, прибегаю к парикмахерским. И всегда довольна окончательным результатом, особенно когда причесываюсь у Бируты Янковской. Она одна из лучших мастериц города.

Дважды в месяц я обращаюсь в прачечную. Белье сдаю в приемный пункт в новом районе—Лаздинай. Из прачечной оно возвращается белоснежным и отлично отглаженным.

Часто приходится чинить обувь. У нас в Лаздинае есть своя мастерская, однако я предпочитаю заходить в мастерскую в центре города, на улице Людаса Гиры: пока прибивают набойки, я успеваю соединить полезное с приятным — выпиваю чашку хорошего кофе или съедаю сосиски тут же, в кафе при мастерской. Вообще входящая в объединение фабрика «Батас» правильно сделала, установив в мастерских по ремонту обуви хильбары. Что такое хильбары? А это вот что: садишься на табурет и смотришь, как по ту сторону работает мастер.

Теперь перейду к самому главному — к платьям и пальто, а также к шляпам. Признаюсь, мне нравится быть хорошо одетой. Поэтому я и не пытаюсь покупать готовое пальто, а заказываю их у одного и того же мастера, а именно у Михаила Ковальского в ателье на улице Круковас.

— Почему именно у Ковальского?— спрашивают меня приятельницы.— Ведь есть же и другие ателье, и в них хорошие мастера.

Это верно. Хорошие мастера есть и в других ателье. Но что делать? Привычка... И это, вероятно, хорошо — постоянный мастер, постоянный клиент...

Вязаные платья, кофточки и свитера мне делают в одном из ателье «Буйтиса». Шляпы заказываю у модельера Регины Шименайте— вот это действительно скульптор!

Недавно я открыла очень приятную возможность: на Жверинасе, на улице Кястучио, можно заказать теплые меховые перчатки и сумочки — кожаные, модные. Еще прослышала о новинке: к зиме можно будет заказать теплые чулки, носки и, возможно, колготки. Говорят, что есть у нас в городе и такой вид услуг, как доставка на дом билетов в кино и в театр. Есть даже студенты-репетиторы для отстающих учеников! А всего «Буйтис» оказывает более 300 видов разных хороших услуг.

В заключение я, как заказчица с двенадцатилетним стажем, могу сказать: не только качество работы стало лучше, но и встречают нас в ателье «Буйтиса», как правило, приветливо и внимательно.

Рассказ Оны Урбанене записала корреспондент «Огонька» Н. ХРАБРОВА.

Роман

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА I

...Алексей Дедушкин грустно смотрел на меня бархатными черными глазами.

— Мне стыдно за вас...— сказал он своим глубоким мягким баритоном.

Вот так. Ему было стыдно за нас. Или, может быть, только за меня, а за Сашку Савельева не очень? Нет, скорее всего за нас обоих, потому что беседовали мы втроем, и Савельеву он был обязан нашей встречей даже больше, чем мне.

И хотя мне тоже было стыдно за свое поведение, а уж про Сашку-то и говорить нечего, я спросил Дедушкина:

— Все-таки расскажи мне, Дедушкин, за что же тебя наградили этим орденом?

Дедушкин достал из кармана белый платок, промокнул быстрым движением глаза. Платок отвел от лица, развернул за уголки и внимательно посмотрел в него, как фокусник во время представления. Но, к моему удивлению, из платка не вылетел голубь и не полезли бумажные цветы. Он просто снова сложил платок и спрятал его в карман.

— Прошу прощения, но предмет разговора мне пока неясен. Впрочем, я попытаюсь удовлетворить ваше любопытство и...

И начал в пятый раз излагать какую-то фантастическую историю о болгарском друге, с которым он познакомился несколько лет назад в Крыму, как однажды купались в штормовую погоду, и болгарин стал тонуть. И вот тогда, мол, Дедушкин, рискуя жизнью, вынес его из пенных волн. Придя в себя, спасенный снял с пиджака орден, которым его наградили во время войны за героизм, и подарил своему спасителю.

— ...И, уж извините меня, храню его, как память,— закончил он свое прочувствованное выступление.

Почти в каждое предложение Дедушкин вставлял «прошу прощения», «уж извините», но его полный сдержанных модуляций голос дрожал от обиды, и если ты не потерял совесть, то должен был понять, что извиняться, конечно, надо тебе самому. И у Саши Савельева был вид человека, уже осознавшего себя прохвостом и примирившегося с этим навек. Поэтому он робко спросил Дедушкина:

— А что, старый или молодой был болгарин?

Дедушкин высокомерно усмехнулся:

— Почему же это «был»? Он еще совсем не старый человек...

Изобличенный в невежестве, Сашка совсем сник и горестно закачал головой:

— Ай-яй-яй! Вот ведь беда какая! Теперь все совсем запуталось...

— Простите, я не пойму, почему? — с достоинством спросил Дедушкин.

Сашка быстро взглянул на меня, усмехнулся:

— Да, по нашим расчетам, получается, что вашему болгарскому другу, гражданин Дедушкин, должно быть сейчас лет эдак сто двадцать.

— Извините меня, но я не совсем...

Я взял со стола золотой крест с бриллиантами на муаровой ленточке и показал Дедушкину:

— Это орден времен русско-турецкой войны. Вот здесь, на обратной стороне, написано...

Дедушкин взглянул мне в глаза, и море стыда за все человечество затопило меня. Теперь Дедушкин стыдился не только за нас с Сашкой, но и за своего, неведомого нам болгарского друга:

— Значит, он обманул меня...

— Ага,— сказал радостно Сашка.— Я-то все волновался, что это вы нам не говорите правды, а оказалось, что наврал этот прохвост. Слава богу! Теперь надо узнать, как к вам попал этот роскошный чемодан, набитый заграничными вещами,— и наше маленькое недоразумение будет улажено.

— А он, наверное, спас иностранца во время авиационной катастрофы,— невинно предположил я и повернулся к Дедушкину.— И за это иностранец наградил тебя своим чемоданом. Нет?

Старый поездной вор Алеха Дедушкин по кличке Батон достал из кармана свой замечательный батистовый платок и проделал с ним полный цикл фокуснических манипуляций. Потом грустно сказал мне или нам обоим:

— Вы дурно воспитаны...

Леха Дедушкин, опытный вор-«майданщик» — специалист по кражам на вокзалах и в поездах, был моим старым знакомым. И, услышав это скорбно-интеллигентное — «вы дурно воспитаны»,— я просто захохотал, поскольку с этих слов началось наше с ним знакомство восемь лет назад. Тогда он совершил непростительную для профессионала ошибку — оставил у себя редкой красоты краденые часы. Он носил их в верхнем кармане пиджака на плоской платиновой цепочке, закрепленной изящной запонкой в петлице на лацкане. По этой-то цепочке я его и высмотрел, довольно бесцеремонно вытащил ее вместе с часами из кармана, и часы повисли на лацкане, как военная медаль. Тогда-то он мне и сказал: «Вы дурно воспитаны». И весь он — седеющий, очень элегантный, с часами-медалью на груди — изображал такую скорбь по поводу моей невоспитанности, что я растерялся и с развязностью пристыженного мальчишки сказал ему, чтобы он лучше о себе подумал, что воровать в его возрасте стыдно, и что... и что... В общем, доставляя Батона в дежурную часть, я рассказал ему много всяких пламенных глупостей, и он слушал меня, не перебивая. Потом сказал с усмешкой:

— Да-а, пижонство вора погубило...— и с неожиданной злобой добавил: — Ненавижу я вас, сопляков из уголовки. Работать вы еще не умеете, но усердия и страсти на десятерых. Ты бы взглянул на себя — у тебя от возбуждения сейчас температура. Под сорок... Щенок.

Дело прошлое, но сейчас-то я могу честно сказать, что еще много лет не мог забыть и простить Батону «сопляка», которым он меня наградил при знакомстве. Я даже заранее придумал несколько остроумных и ехидных шуток, которые я скажу ему, если доведется когда-нибудь его снова задержать. Но жизнь мало заботится об удовлетворении нашего копеечного тщеславия. Медленно, но неустанно трясет она нас в своем жестком сите, и постепенно опадает всякая труха, забываются глупости и мелочи, исчезают вздорные иллюзии, пока не остается твое человеческое ядро. Правда, мне доводилось видеть, как человек целиком превращается в шелуху, или, может быть, и не было у него ядра, только посмотришь на такого и с ужасом обнаруживаешь, что рядом с тобой человек целиком ушел в отходы. Да, но я не об этом. Я к тому, что много лет мне понадобилось, чтобы понять: ничего, во-первых, нет радостного в том, что я снова поймал Батона. Во-вторых, никаких слов мне не надо, чтобы доказывать ему свое нравственное и физическое превосходство, поскольку он проиграл свою партию еще до свистка. Ведь дело не в том даже, кто из нас умнее, наблюдательнее или быстрее бегает, а в самом характере наших взаимоотношений: я всегда преследую его, я всегда в атаке. Батон всегда должен скрываться, всегда бежать. Ну, и, в-третьих, я только сейчас сообразил, что Батон был прав, назвав меня щенком тогда. И неожиданно мне стало жаль этих своих безвозвратно ушедших лет, того душного вечера на товарном дворе Киевского вокзала, где остро пахло свежими сосновыми досками, угольной гарью, вишнями, и все всплыло в моей памяти, будто я просматривал ролик цветной киноленты, на которой было не только изображение, но и звуки, и запахи, и все мои волнения. Я видел нас обоих, будто не было восьми лет, и мы все еще стоим во дворе Киевского вокзала — спокойный, прекрасно одетый Батон с часами-медалью на груди, и я — злой, тощий, с модненькой в то время прической ежиком и торчащими рубиновыми ушами, в скверном, все время мнущемся, несмотря на мои ухищрения, костюмчике, старающийся выглядеть уверенным и спокойным и от этого еще более взволнованный и неловкий. Я помню даже тополиные пушинки, которые Батон сбил с рукава точным и легким щелчком, и его злобно-презрительное — «щенок». Но в тот момент я еще не мог вспомнить слов, что сразу всплыли в памяти сейчас, через восемь лет, и которые он произнес за несколько минут до «щенка». Он сказал тогда: «Вы дурно воспитаны». И когда он сейчас это сказал, я почувствовал себя полностью отмщенным за того давнего «сопляка» и «щенка»...

— Да, не сильно ты вырос за это время, Батон,— сказал я весело.— За восемь-то лет мог бы придумать что-нибудь поновее...

Батон, не глядя на меня, ответил с большим достоинством:

— Последние восемь лет я был занят обдумыванием своего тяжелого прошлого и пришел к твердому решению жить по закону. А ваши выходки, гражданин Тихонов, оскорбляют мое человеческое достоинство и, надеюсь, станут предметом принципиального разговора у руководства московской милиции.

Ага, даже по фамилии помнит. Я сказал:

— Что и говорить, Батон, ты человек с трудной судьбой. Между прочим, ты что, полагаешь, что каждая кража чемодана становится предметом обсуждения у руководства, да еще принципиального?

— Я ваших порядков не знаю, но ни к какой краже отношения не имею.

— Это ясно,— кивнул я.— Правда, я не понимаю, зачем тебе вся комедия. Через час в сводку попадет заявление гражданина, у которого украден этот чемодан, и твоя очередная легенда получит неожиданное завершение. Как в рассказах О'Генри.

Батон пожал плечами, показывая, что все мои домыслы не имеют к нему никакого отношения. Если бы это происходило не сейчас, а восемь лет назад, я бы, наверное, испытывал немалое злорадство, представляя, как с минуты на минуту явится потерпевший и расскажет, при каких обстоятельствах Батон украл у него чемодан. Но сейчас я не испытывал никакого злорадства, потому что прошло восемь лет, и я был уже не щенок, и хорошо знал, что Батон и при опознании, и на следствии, и в суде будет выступать оскорбленным праведником, так и уйдет в тюрьму. И никакого удовольствия от того, что Батон не считает меня больше сопляком, я тоже не испытывал. И это было правильно, потому что первый раунд Батон выиграл у меня и в этот раз. Пускай случайно, а выиграл. Но узнал я об этом немного спустя.

— Что еще есть в вашем чемодане? — спросил Савельев, и я от неожиданности вздрогнул, потому что он так долго сидел молча, а я так погрузился в свои воспоминания, что совсем забыл о нем. Сашка держал в руках дорогой японский фотоаппарат марки «Никон».

— Да всякая чепуха.— Батон посмотрел на Савельева, потом внимательный взгляд его ощупал роскошную камеру. Немного помолчав, он небрежно махнул рукой: — Фотоаппарат, например...

Я сказал Сашке назидательно:

— Учитесь, товарищ капитан. Вот прекрасный образец бессребреничества и душевной широты: гражданин Дедушкин считает чепухой аппарат, который стоит больше, чем он заработал за всю свою долгую трудовую жизнь.

Но Батона такими пустяками не выведешь из равновесия. Он четко гнул раз и навсегда выбранную линию. Он смотрел на меня своими грустными умными глазами, точно такими, как на старых иконах или у актера Миши Козакова, и говорил снисходительно-вежливо:

— Ну, зачем же вы со мной так, гражданин Тихонов? Помимо того, что вы еще ничего не доказали насчет этого чемоданчика, вы хоть с возрастом моим считайтесь: я ведь почти вдвое вас старше...

Ах, молодец, ах, и нахал! Ведь прекрасно знает, что я сам раскапывал его «биографию» и доказал тогда, что ему на пятнадцать лет меньше, чем он приписывает себе, и в этом

году ему исполнится только сорок четыре года, но все равно — прет, как танк. Ладно, мы ведь не на товарном дворе Киевского вокзала, и я, к сожалению, уже не щенок. Так, во всяком случае, я думаю.

— Вдвое, значит?

— Вдвое. Почти вдвое,— кивнул Батон.

— А я, значит, дурно воспитан и поэтому неуважительно разговариваю с тобой?

— Точно,— подтвердил Батон.— А я разговариваю с вами уважительно... Между прочим, на «вы»...

— Так оно и должно быть,— подтвердил я.— Если рассматривать тебя с точки зрения социальной, ты обязан называть меня дядя Стас.

Савельев не удержался и хихикнул, а Батон на мгновение сбросил рубище страждущего святого и с интересом спросил:

— Это еще почему?

— Пожалуйста, объясню. Ты же знаешь, Батон, у нас в МУРе точность, как в бухгалтерии.

Я придвинул к себе неведомо как попавшие сюда счеты и стал бросать на них костяшки.

— Значит, ты всем рассказываешь, что тебе пятьдесят девять лет. Но ведь мы-то с тобой точно знаем, что отмаялся ты на этом грешном свете пока что сорок четыре. До пенсии тебе еще далеко, да и платить ее тебе не за что. Итак, сойдемся на сорока четырех.

— Допустим,— осторожно согласился Батон.

— Прекрасно. Из этой достаточно почтенной цифры вычтем семнадцать. Это годы, когда ты перевоспитывался исправительно-трудовым способом, или, иначе говоря, пребывал в местах заключения. Остается двадцать семь. Между арестами у тебя имеются «óкна» общей протяженностью в двенадцать лет. За этот срок ты напряженно трудился в течение семи месяцев. Чтобы ты не говорил, будто я стараюсь тебя ошельмовать, гляди, я заношу эти семь месяцев в твой социальный актив. Честно?

— Честно! — подтвердил Батон. Видимо, его самого заинтересовала придуманная мной игра.

— Восемь лет, проведенных в средней школе, уж извини, я не могу тебе никак засчитать...

— То есть как это не можете? — возмутился Батон.

— А очень просто! Не могу, и баста! Ты эти годы был на иждивении у государства и родителей! Ты эти годы должен был еще отработать, а вместо этого шатался по тюрьмам. Поэтому я их вычитаю из первых младенческих семи лет, когда с тебя еще спроса никакого не было. Прибавляем семь месяцев твоего рабочего стажа и получаем весьма неутешительное сальдо: с общественной точки зрения тебе на сегодняшний день минус пять месяцев. Поэтому я отменяю свое разрешение называть меня дядя Стас — ты ведь еще даже говорить не научился. Так что обращайся ко мне просто: «гражданин инспектор Тихонов».

Я стряхнул все костяшки на счетах и строго спросил:

— Все понятно?

Батон равнодушно пожал плечами. Он так увлекся нашими подсчетами, что совсем не подготовился к Сашкиному вопросу:

— А пленка в аппарате есть?

Батон резко повернулся к нему:

— Не знаю. То есть не помню... Я очень давно фотографировал...— Потом обернулся ко мне, и глаза у него уже были не грустные и совсем не такие, как на старой иконе, и у Миши Козакова я никогда не видел таких палящих злобой глаз.— Разговоры со мной разговариваете, гражданин старший инспектор? Вот вы сначала докажите, что я чемодан увел, а потом разговаривать будем...

— Докажем, Дедушкин, докажем. Ты об этом не беспокойся,— весело сказал я. Но было мне в этот момент не особенно весело, и в глубине души нарастало беспокойство, потому что не было никаких сигналов от потерпевшего, а без хозяина чемодана мы ровным счетом ничего не сможем доказать, и тогда надо будет Батона отпустить, предварительно извинившись. И пока я вел все эти изнурительные для меня, непринужденные разговоры с Батоном, не покидало предчувствие, что здесь не все ладно, и я с нетерпением ждал известий о хозяине чемодана. Мне еще было невдомек, что владелец чемодана заявить о пропаже не может...

ГЛАВА 2

Сонный милиционер сказал Батону:

— Ну, пошли, что ли?

Тот встал, чинно поклонился нам, перекинул на руку плащ и гордо понес к дверям красивую седеющую голову. Глядя на Батона, я подумал, что все его коренастое, корявое туловище — только приспособление для ношения головы, значительной, крупной, вознесенной вверх, как у деревянной статуи на носу парусного фрегата. Милиционер посторонился в дверях, пропуская его, и Батон снисходительно кивнул. Посторонний человек, наблюдая их, наверняка бы решил, что это ненароком заглянул сюда какой-то министр и сейчас в сопровождении милиционера обходит наши скромные апартаменты.

— Крупная сволочь этот твой старый друг Дедушкин,— задушевно сказал Савельев.

— Да-а? — удивился я.— Не совсем так. Это определение не для него.

— А какое же для него? — насмешливо глянул на меня Сашка.

— Враг. Стал бы я с ним четыре часа разводить тары-бары, если бы он был просто сволочь. Но он нам враг и требует серьезного отношения.

— И что будем делать?

— Если Батон сообразит, что у нас нет потерпевшего, дело швах. Но я и сам не могу понять, почему до сих пор от него не поступило заявления.

Сашка уверенно сказал:

— Ничего страшного. Хозяин за эти четыре часа мог еще не хватиться чемодана, а сейчас, пожалуй, уже спит. Утром обнаружит пропажу и заявит...

— Да-а? Ты так думаешь? — переспросил я с надеждой.— Я тоже хочу так думать.

— И что?..

— Не могу.— Я говорил с ним нарочно снисходительным тоном, чтобы позлить его, тихо посклочничать, немного встряхнуться.— Ты ведь мыслишь, как все лирические поэты, категориями благоприятной надежды, а я человек прозаический: смотрю на вещи трезво, а потому скучно.

Ага, глаза у Сашки сухо заблестели, это уже кое-что значит.

— Ты даже не прозаический. Твой жанр — на уровне инструкций и формуляров. Но все равно соблаговоли поведать, чего ты там придумал. У тебя же на лице написано страстное желание пообъяснять.

Я лениво потянулся, спросил:

— Так что с чемоданом?

— А я сам не знаю. Я ведь и не говорил, что у меня есть какие-то предположения. Просто я не верю в рассеянность этого потерпевшего.

Сашка сердито уставился на меня. Я встал, обнял его за плечи, засмеялся:

— Брось, старикан. Ничего мы сейчас с тобой не придумаем: это задачка по линии математического бреда. А трехмерные упражнения мы с тобой в уме решать не умеем. Так что все равно ничего не получится.

— Да перестань ты выкаблучиваться! — прорвало наконец Сашку.— Надо сесть и подумать, в каком направлении искать...

— Вот именно: в каком направлении искать,— обрадовался я.— Хорошо, что мы с тобой сидим сейчас на Киевском вокзале и точно знаем: поезда отсюда уходят только в юго-западном направлении СССР, где расположена четверть советских городов и населения. Поэтому остальные три четверти мы можем не проверять...

Савельев сделал протестующий жест, но я успел договорить:

— Это при условии, что ты прав и пассажир еще едет в поезде. А если он ехал в Москву?

— Ну и что! Надо построить несколько рабочих версий и...

— Давай. Тем более что из всех известных мне видов строительства это самый дешевый и неутомительный...

Мне уже самому надоело балаганить, да и Сашке тоже, и игра потеряла интерес. Конечно, вся эта история не представлялась мне тогда ни сложной, ни интересной. Просто меня удивляло, что не появляется пассажир, у которого Батон украл чемодан. А может быть, меня это и не удивляло, и придумал я это все потом, тем более что сильно удивляться или волноваться не было оснований: ведь прошло всего несколько часов после кражи. Но, во всяком случае, тогда я отнесся ко всей этой истории довольно спокойно, иначе я бы не стал дожидаться утра. Правда, Сашка Савельев потом доказывал мне, что при всем желании мы бы не могли разыскать потерпевшего в эту ночь, и даже если бы мы его нашли, то только все испортили. Но, честно говоря, я до сих пор не верю, будто самый верный путь к истине обязательно идет через ошибки. Во всяком случае, Батон выиграл у меня и в этот раз, так как мне было известно, что я уже не щенок и не сопляк. И я знал это точно, а потому был уверен, что никуда он от меня не денется. За это пришлось потом дорого заплатить. Но я уже привык к мысли, что процесс нашего возмужания — это вроде вступления в какое-то труднодоступное общество, и, чтобы вступить в этот «Клуб опытных людей», надо много и дорого платить — годами жизни, огромными разочарованиями, иногда болью и кровью. За это получаешь опыт, или, как говорили раньше, житейскую мудрость. Штука необходимая, избавляющая, в частности, от унизительного сознания, что ты щенок. И как только избавился — тут тебе и крышка. Обязательно садишься в лужу, потому что в каких-то вещах мы до смерти остаемся щенками и, когда уходит это понимание, теряем готовность к встрече с неожиданностью, которая берет за шиворот и начинает тыкать носом в нашу замечательную житейскую мудрость: «Ты же ведь больше не щенок? Ты же член «Клуба опытных людей»? Давай, давай, реши-ка, реши мои задачки!» Короче, я допустил ошибку. Или мы с Сашкой ее допустили. Но виноват в ней больше был я, потому что я был опытнее, потому что я был меньше щенок. И много, очень много дней и ночей, недель и месяцев я исправлял свою ошибку, чтобы, поняв и исправив ее, решить всю проблему в целом и этим заплатить за гордое сознание, что я уже не щенок.

Я сказал Сашке:

— Хорошо, давай подождем до завтра. Если пассажир завтра не объявится...

— Да куда он денется? — резонно возразил Сашка.— Кроме того, завтра можно будет связаться с линейными отделами милиции. Кого ты сейчас вечером, да еще в субботу, найдешь там?

— Завтра, между прочим, тоже нерабочий день — воскресенье,— напомнил я.

— Но ведь это будет день. День, понимаешь? Дежурные там и в воскресенье есть наверняка! А сейчас ночь на дворе!

— Слушай, у нас с тобой разговор, как у ненормальных: то ты меня убеждаешь поработать над версиями, то предлагаешь спокойно подождать до завтра,— сказал я.

ЖИВОЕ ЯДРО

Давненько я зазнал скромного и пытливого «спецкора», газетчика Юрия Грибова, читывал его отдельные очерки, и, признаться, радостной неожиданностью является для меня то несомненное, что из очеркиста, «кора» явственно в новой книге «Журавлиная стая» прорастает новеллист. Не спорю, очерки — дело достойное, многотрудное и наиполезнейшее. Сам я немало потрудился в этом жанре. Но и путать эти две разновидности художественной прозы — большая, хотя и ходовая ошибка. Новелла — это огромный вывод из заурядного события. Именно «заурядного», то есть зауряд, житейски бываемого, а вовсе не ничтожного, как склонны многие понимать слово «заурядный». Вот с этой-то формулой подходя к сборнику Юрия Грибова, я почти в каждом очерке его книги нахожу это «перерастание» очерка в новеллу.

Юрий Грибов с мужественной гордостью и отрадой проводит перед нашими глазами огромную череду доблестных героев труда и войны — гражданской и Великой Отечественной — и неразрывно с этим дает очерковую панораму их созиданий. Нет сомнения, что надолго западут в сердце читателя и образы советских женщин-колхозниц, запечатленные в книге «Журавлиная стая».

Вот перед нами Митревна, великая труженица земли; ей уже... сто годочков, и, однако, она до сих пор «легкая, быстрая, разговорчивая»; легко несет «глиняный, старой работы кубан» с молоком. Естественно, что никто не решился бы просить ее помогать в колхозных работах, но она сама нет-нет да и выйдет «на ток к веялке или к парникам».

Чудесные слова сыновнего поклонения находит писатель, рассказывая о ней:

«— А куда денешься, милый, живу вот и живу,— как бы извиняется за свое долголетие Митревна и кладет на колени крупные крестьянские руки, темные, в бугорках вен, спокойные, сильные и в такой старости. Я смотрю на них, и хочется мне припасть к ним...»

Да, «припасть»,— всегда радуюсь, когда должное и единственно надобное, уместное слово или выражение находит молодой писатель: немалое количество «словесной руды» приходится перемыть для этого! Скажи он в данном случае «поцеловать», а не «припасть»,— и вот сентиментальное получилось бы вместо возвышенного! А в книге Юрия Грибова немало таких словесных находок. И добротна, вообще говоря, словесная ткань очерков, за исключением немногих мест, где есть затяжка чисто очеркового образа колхозных достижений, где очерк подавляет скрытое в нем «ядро» новеллы.

Под стать высоким образам женщин русской земли и образы воинов советского Отечества в книге Ю. Грибова. Следует назвать в их числе хотя бы Гаврилыча, который недаром получил в родном селе прозвание «свояк Ильи Муромца» — и по духовным и телесным своим богатырским силам; и воевавшего на «катюше» Костю, и танкиста Владимира Араева с двумя его братьями, подобно ему, отдавшими свои юные жизни в боях с фашистским нашествием. Вспомянув их всех, посвятив памяти каждого из них беглые, но создающие зримый образ строки, автор находит и достойные, скорбные слова как бы некой эпитафии, когда стоит, склоняя голову, возле памятника им в родном селе:

«...На всех четырех стенках обелиска лесенкой сбегают фамилии... Они выбиты золотом. Сто двадцать домов в деревне — девяносто два имени на обелиске... Не торопитесь читать дальше, остановитесь, подумайте...»

Алексей ЮГОВ

Юрий Грибов. Журавлиная стая. Издательство «Советская Россия», 1971.

ПРОФЕССИЯ — МУЖЕСТВО

Автор повести «Корабли уходят в легенду» Анатолий Елкин говорит о героях своей книги:

«Да! Я люблю этих людей, одержимых большой страстью и большим чувством. Людей, щедрых сердцем, верных в товариществе. Привыкших смотреть опасности в лицо. Сделавших мужество профессией.

Имя им — советский атомный подводный флот».

Логическим продолжением этой повести является вторая — «Атомные уходят по тревоге».

В своих документальных книгах писатель рассказывает об атомном подводном флоте с момента его появления и до наших дней.

...Акустики американского ударного авианосца обнаружили в Атлантическом океане шумы атомной подводной лодки, которую они приняли за свою. Каково же было удивление американских моряков, когда они узнали, что в этом районе океана нет их подводной лодки. Да, это было так. В глубинах Атлантики шел советский атомоход, появление которого американцы ожидали только через несколько лет.

Анатолий Елкин отлично знает условия, в которых живут и трудятся наши подводники. Он много раз выезжал на Краснознаменный Северный флот и был гостем моряков, выходил в море на кораблях и подводных лодках.

Автор знакомит читателя со знаменитыми походами советских атомных лодок на Северный полюс и вокруг света. Многие страницы посвящены Герою Советского Союза вице-адмиралу А. И. Сорокину, который стоял у истоков атомного флота и в свое время получил задание главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР принять у промышленности и ввести в строй первый советский атомоход.

В повестях А. Елкина очень верно передана атмосфера жизни на подводной лодке в дальнем плавании. Моральные силы подводника подвергаются в походе многомесячным перегрузкам: безграничные просторы океана, многометровая толща воды над головой испытывают его волю. И из этой борьбы советские моряки выходят победителями, первоклассными мастерами своего дела.

Все мысли моряка в походе — о далекой Родине. Мы с волнением читаем отрывки из корабельного дневника краснознаменной атомной подводной лодки. По отсекам атомохода ходила тетрадь, в начале которой было написано: «Что ты думаешь о Родине, когда находишься далеко от ее берегов? Напиши об этом. Наша тетрадь будет коллективной исповедью экипажа о Родине».

Свои лучшие помыслы и мечты подводники обращают к Отчизне, они гордятся ею, любят ее, ей они посвящают свои успехи и достижения.

Повесть «Атомные уходят по тревоге» посвящена светлой памяти лейтенанта Бориса Корчилова и старшины 2-й статьи Валерия Розанова, героически погибших на своих боевых постах. Перед нами встают замечательные образы молодых моряков, людей чистых и бесстрашных, глубоко верящих в правоту своего дела. Они стоят еще только на пороге своей жизни, но уже идейно закалены и готовы на любой подвиг во имя своей Родины. И когда наступил такой час, они его совершили.

Повести А. Елкина читаются с большим интересом, написаны они романтично, ярко и выразительно. Напечатанные в сокращенном виде в журнале «Молодая гвардия», они в этом году выходят отдельными изданиями. Это будет хорошим подарком для всех тех, кто интересуется историей нашего флота, следит за его развитием.

Капитан 3-го ранга
Л. КЛИМЧЕНКО

— А это зависит от того, кто из нас прав. Если ты — надо думать, а если я — идти по домам,— засмеялся Сашка.

— Ладно, все равно мы с тобой за день сильно устали, ничего путного не придумаем. Оставь дежурному домашний телефон — на случай, если новости будут, и поедем спать.

На том и порешили.

Мы вышли из метро на Комсомольской. Эта площадь похожа на огромное сердце, которое мощно и ритмично выпускает и принимает через три вокзала бессчетное количество пассажиров, заполняющих ее до предела, и я иногда с испугом думаю о том, как было бы страшно, если бы случилось что-то фантастическое и все пассажиры уехали, а поезда больше не пришли бы к платформам, и вся эта суета утихла, исчезло веселое напряжение перед дорогой, опустели перроны, залы ожидания и переходы. И хотя я понимаю, что это чушь, чепуха, остаток какого-то вздорного сна, я все равно пугаюсь, потому что пустой вокзал и заколоченный дом для меня всегда были символами смерти. Оттого, наверное, я и люблю эту площадь.

Из дверей метро слышался ровный утробный гул и толчками выходил теплый плотный воздух, пахнувший горячей резиной, и даже здесь был ощутим запах весны, который преследовал меня сегодня с утра и совсем исчез в прокуренном помещении милиции. Пахло землей, прошлогодней травой, тающим снегом, хвоей...

— Поехали ко мне? — предложил Сашка.— Поужинаем вместе, потолкуем, а захочешь — останешься ночевать.

Я покачал головой:

— Спасибо, не могу. У меня еще сегодня свидание. Вернее, визит в гости.

— Куда ты в одиннадцать часов поедешь? Знаю я твои визиты,— засмеялся Сашка.— Плюнь, завтра поедешь.

— Не могу,— упирался я,— тем более что мне и не ехать, а идти. Тут рядом, пять минут. Я точно обещал...

Я смотрел Сашке вслед, на его прямую твердую спину в узеньком коротком пальто — крепкий, спортивный мальчишка — и испытывал чувство обиды и досады, как ребенок, дважды отказавшийся за столом от любимого блюда, а теперь блюдо уже унесли на кухню, и нельзя сказать: я передумал, дайте мне тоже кусочек,— потому что предлагали-то от всего сердца, и никому не объяснишь, из-за чего находит на тебя застенчивое упрямство, заставляющее говорить и делать глупости. Хотя в глубине души я и сам понимал, что от того блюда, которого мне сейчас больше всего хотелось, которое мне было нужно позарез, не отрежешь куска на долю гостя.

А хотелось мне совсем немногого, ну хотя бы капельку обычного обывательского покоя. Того самого, которого принято стыдиться, который презрительно называют «мещанским уютом», которого благополучные люди никогда не прощают житейским нескладехам. Того покоя, семейного счастья, что приходит вместе с жизненным становлением, незаметно сопутствует успехам, окружает удобной мебелью в своей квартире, предлагает вкусный ужин вместо докторской колбасы и еще — позволяет иметь тапочки. Есть такие тапочки, мягкие, войлочные, цена четыре рубля, которые стоят под диваном и являются для меня символом жизненного спокойствия, благополучия и устроенности.

В общем, когда тебе тридцать лет и у тебя масса нерешенных жизненных и бытовых проблем, весна вызывает болезненно-острое чувство грусти и активное отвращение к запущенной холостяцкой комнате в многолюдной коммунальной квартире, где я живу вместе с удивительно некрасивым рыжим котенком Масей. Черт знает, зачем я его подобрал, но тогда еще стояли сильные морозы, и он трясся от холода на лестнице и даже не мяукал, будто понимал, что такого урода никто не возьмет в приличный дом. Коту и у меня живется несладко, потому что кормлю я его один раз в день — утром, уходя на работу, выливаю ему в тарелку бутылку молока. Но Мася не только урод — он жаден и глуп, как петух, и сжирает все сразу, отчего первую половину дня мучится от обжорства, а вторую — от голода.

Короче говоря, в этот весенний прохладный вечер или ночь, уж не знаю, как правильнее надо считать одиннадцать часов, охватило меня томительное чувство неприкаянности, пустоты и абсолютной ненужности никому на свете, и, пока я шагал через площадь, раздумывая, где бы поужинать, мне становилось все досаднее, что я отказался от Сашкиного приглашения, и в душе росло какое-то несправедливое ожесточение против ничего не подозревающих людей, сумевших устроить свою жизнь бесхлопотно и красиво, и я понимал неправедность своего гнева и вздорность своих глупых претензий и от этого злился больше всего на себя самого.

НА ЗЕМЛЕ, ВОСПЕТОЙ ШОЛОХОВЫМ

Дружба с давних пор связывает писателей Дона и Невы. Началась она лет сорок назад, когда питерский коммунист, слесарь «Красного путиловца» Семен Давыдов приехал на Дон помогать казакам поднимать целину новой, колхозной жизни. С той поры литераторы в тесном общении.

На этот раз декаду литературы на Дону ленинградцы начали с выступлений на гиганте комбайностроения. Так уже повелось: ленинградцы отдают свой первый поклон пионерам советских зерноуборочных машин, рабочим «Ростсельмаша»; ростовчане — пионерам отечественных тракторов, рабочим Кировского завода. Желая как бы еще раз подчеркнуть историческую связь заводов и городов, нам показали старый снимок, ставший редким фотодокументом, подтверждающим, что проект «Ростсельмаша» разрабатывали ленинградские инженеры.

Завод комбайнов привлек внимание литераторов с берегов Невы еще одной близкой им деталью: еще в разгар строительства завода начала зарождаться литературная группа, из которой позже вышло немало видных поэтов, прозаиков, драматургов. Целый день писатели провели в цехах завода: читали стихи, беседовали с рабочими, видели, как омолаживаются старые и возводятся новые корпуса.

Из Ростова путь лежал в города и станицы области: Таганрог, Новочеркасск, Азов... Удивительно яркой и неподдельно теплой была встреча с казаками станицы Елизаветинской.

А вот и станица Кочетовская, где живет Виталий Закруткин. Дом, утопающий в зеленом саду, посаженном и выращенном писателем. На веранде, обращенной к берегам Дона, долго звучали поэтические строки. Под вечер ленинградские и донские писатели поехали на хутор Пухляковский. Там живет и работает постоянный автор нашего журнала, депутат Верховного Совета РСФСР Анатолий Калинин. В клубе, где состоялась встреча, гостей ждали студенты техникума, хуторские казаки, отдыхающие в прибрежном доме отдыха.

Разговор о литературе, творческих планах, работе с молодыми авторами продолжался в ростовском отделении Союза писателей. В нем участвовали: Олег Шестинский, Анатолий Чепуров, Георгий Холопов, Людмила Щипахина, Борис Некрасов, Даниил Аль и донские литераторы — Александр Бахарев, Петр Лебеденко, Александр Скрипов, Даниил Долинский...

Заключительная встреча ростовчан с ленинградцами завершилась большим литературным вечером в парке культуры имени Горького.

К. ЧЕРЕВКОВ

БЫТЬ НОВЫМ НЕ ПРОСТО...

Нина ВЕЛЕХОВА

Н. Гуляева — Любовь и М. Прудкин в роли Якова.
Фото И. Александрова.

Не каждое новое прочтение известной пьесы бывает интересным. Но каждое интересное прочтение всегда ново.

В филиале МХАТа молодые режиссеры В. Салюк и И. Васильев — руководитель постановки О. Ефремов — осуществили пьесу Горького «Последние» так, что в ней действительно открылись новые глубины, как будто обойденные в предшествующих постановках.

Режиссура приблизилась в своей работе к сути жизненных противоречий, составляющих конфликт «Последних». Быть может, она не во всем точна и последовательна, но об этом потом.

Историю Коломийцевых нельзя толковать — без ущерба для ее смысла — как семейно-бытовую драму. Но социальный смысл ее проступает очень тонко. В «Последних» отраженно показаны гибель и распад нравственно-этических идеалов, которые создала дворянская культура и от которых сама же отступилась на пороге своего исторического краха... Поэзия, красота, культ чувств, святость брака, этический идеал — вот незримые жертвы трагедии «Последних». Бесплодие духа — тайная болезнь героев пьесы Горького, их нечеловеческая мука... И в ее отражении отнюдь нет авторской насмешки или сатиры, хотя краски пьесы многоцветны и бесконечны, как жизнь.

А как воспринимается пьеса в трактовке МХАТа?

Уже во внешнем облике спектакля мы угадываем стремление сосредоточить наше внимание на широком понимании мотива семьи. Угадывается намек на род, на тени предков, на своеобразную историю и также на вырождение, одичание, поселившееся под сенью этого дома. Он величествен и мелок одновременно, просторен и заставлен вещами... В работе художника А. Понсова скорее видишь переизбыток выразительности, нежели ее недостаточность.

Режиссура очень смело сгрудила, сгустила до отказа все события этого дома. В спектакле МХАТа словно «теснее», чем в пьесе, поскольку режиссеры позволили себе почти все время действия держать всех героев на сцене, делая их если не действующими, то безмолвными свидетелями происходящего... Это усугубило атмосферу столкновений и ошибок, и уже зримо выявился драматизм беспокойной суеты людей, которые не умеют, неспособны создавать настоящую, деятельную жизнь...

В этом сложном, запутанном узле выделился и заблистал образ Любови Коломийцевой... Актриса Н. Гуляева играет эту роль с глубочайшим пониманием ее значения в пьесе. «Если ты станешь сеять хлеб на болоте — разве он созреет?» — говорит она Петру, ищущему поддержки.

Любовь — самый сокровенный горьковский образ «Последних». Дитя любви, изуродованное из зависти и ревности,— эта маленькая, умная, какая-то тайно прелестная горбунья — так играет ее актриса, и это совершенно верно! — нужна в доме Коломийцевых как его единственная опора. Любовь Гуляевой направляет и зрительские оценки, ориентируя зал в восприятии событий по их глубине... Хлеб не вырастет на болоте — оно бесплодно. И те, кто ждет от него духовного питания, как Петр — это очень хорошая работа молодого актера А. Дика,— здесь не дождется ничего и никогда, несмотря на все добрые материнские душевные порывы Софьи,— а они есть!.. Достаточно на нее взглянуть. Прозрачно-акварельные черты лица Софьи — Г. Калиновской, ее медлительно-плавная походка, мягкие руки позволяют ощутить какую-то предательскую, вялую беспомощность... Софью отталкивает, но и подчиняет злая воля мужа. Вот она уже и забыла, что хотела просить его о безвинно осужденном юноше...

Так же тонка от природы и так же бесполезна душа Якова — М. Прудкина... Иронический художник, Прудкин особенно интересен в сцене с Любовью. Вопрос дочери: «Зачем ты отдал меня в эту яму..?» — заставляет Якова — Прудкина метаться от мучительного чувства своей вины...

Таких великолепных неожиданностей — и крупных и малых — очень много в спектакле. Мы с интересом следим, как будет расшифрована та или иная сцена, какие новые вопросы поднимутся из глубин горьковской пьесы. Но иногда нас обманывает ожидание. Интересно начавшаяся роль вдруг останавливается в развитии, как это происходит с Александром — Ю. Пузыревым. Роль Надежды у Р. Максимовой остается поверхностно решенной. Есть лица, обрисованные с «нажимом» (околоточный Якорев), есть лица бледные. Иногда мысль режиссуры выходит на поверхность, и тогда режиссерская хватка вдруг теряет цепкость, сцена заполняется бытовыми иллюстрациями.

Ценен горьковский спектакль в МХАТе — теми мыслями, которые возникают из глубин конфликта, обретая яркие формы и решения. Тут острая сценичность «Последних» становится радующей, неотрывной от самой горьковской серьезности, от смысловой насыщенности трагедии.

По путепроводу окружной железной дороги, мягко погромыхивая, катился поезд Ленинград — Сухуми. В окнах, освещенных абажурчиками настольных ламп, были видны пассажиры в пижамах, папильотках, и все эти желтые, розовые и голубые купе — отсюда, с мокрого тротуара,— выглядели прекрасными микромирами уюта, благополучия и душевного спокойствия. Я поднял воротник плаща и пошел к подъезду гостиницы «Ленинградская».

Народу в ресторане было немного, и я уселся у окна, рядом с огромной, просто ужасающей своими размерами вазой, вознесенной на подоконник, по-видимому, подъемным краном. Официанта не было, и я пока занялся разглядыванием посетителей. Молодые люди ласково журчали с девушками о чем-то неповторимом, уныло разжевывали свои шницели командировочные, веселилась на всю катушку компания иностранцев.

Пришел официант. Быстро записал заказ и спросил:

— Что пить будем?

В глазах у него была твердая решимость, как у опытных медсестер, которые уже привыкли к постоянным отказам больных пить совершенно необходимый для них рыбий жир, и сколько бы они сейчас ни откручивались, на этот раз номер не пройдет: выпьют как миленькие! Я понял, что и мне не миновать сегодня этой чаши — в прямом смысле, и сказал трусливо:

— Да коньяка граммчиков двести, пожалуй,— хотя пить совсем не хотелось.

Я смотрел на иностранцев и раздумывал, почему же не появился с заявлением о пропаже владелец чемодана. Интересно было бы знать, что он делает сейчас. Едет куда-то из Москвы в поезде. Или, наоборот, приехал и, может быть, даже живет в этой гостинице и сидит, пьет себе пиво вместе с этой компанией. Только вряд ли. Если бы он приехал, то уж обязательно хватился б чемодана. Жалко, что Сашка задержал Батона перед вечером — даже позвонить было некуда... Очень есть хочется. Я вдруг подумал, что Батон тоже голодный: его доставили в камеру предварительного заключения уже после раздачи ужина. И ощутил от этого некоторое злорадство. Нечего было воровать, а надо было заниматься каким-нибудь тихим, почтенным трудом, иметь семью и диетическое питание: у него от бурно прожитой жизни наверняка больные печень и желудок. Вот если бы Батон был не вором, а приличным человеком, то у него — я это точно знаю — под диваном обязательно стояли бы войлочные тапки за четыре рубля. Но у Батона нет тапок, потому что он вор и ему надо все время ездить, бегать, скрываться, и тапки для такого дела совсем неподходящая обувь. А вот почему, интересно знать, у меня нет войлочных тапок?

Я, наверное, еще долго размышлял бы над всей этой ерундой, но официант принес еду. Он меня явно не уважал и не старался скрыть этого: воспитанный человек не станет в двенадцатом часу есть борщ. Но, во-первых, я вообще люблю борщ, а во-вторых, я точно знаю, что человек за обедом должен есть одно горячее жидкое блюдо. Это я прочитал в каком-то журнале, в разделе «Полезные советы».

Кто-то негромко сказал:

— Стас, а Стас?..

Не оборачиваясь, я уже знал, кто это стоит у меня за спиной и ласково смотрит в мой лопоухий затылок, и борщ стал горьким, а может, кислым или сладким, не знаю, не помню, просто он исчез, я забыл о нем, как забыл про некормленого Батона и неведомого мне владельца чемодана, потому что этот хрипловатый, низкий голос и ласково-неуверенное «А, Стас?» могли принадлежать только одному человеку на свете. Человеку, с которым мне совсем и никогда не нужен уют и обывательское спокойствие и не нужна квартира с мягким диваном, под которым стояли бы войлочные тапки, потому что, когда мы вместе, мне просто некогда думать обо всех этих глупостях, потому что до сих пор это единственный человек на всей земле, с которым я бы хотел быть всегда вместе, и ни годы, ни боль, ни множество других встреченных мной людей ничего не могут изменить и исправить. Так уж получилось, и, видно, ничего и никогда тут не изменить и не исправить.

Не оборачиваясь, я кивнул, проглотил ложку безвкусного, как горячая дистиллированная вода, борща и сказал негромко и бесцветно:

— Конечно, я. Кто же еще? Садись...

И даже не удивился исключительной глупости своего ответа — будто мы каждую ночь обязательно встречаемся в ресторане гостиницы «Ленинградская» и последний раз виделись как раз вчера. Нет, не удивился: эта женщина обладала редной* способностью заставлять меня вести себя так, как я никогда и ни с кем себя не веду.

Продолжение следует.

„ПОСЛЫ" ГДР

Новелла ЦВЕТКОВА.

Будущие «послы», а пока студенты «АБФ».

Адрес этого репортажа — город Галле. А точнее — Франкеплац, 1, дом 47. Здесь находится известный не только в ГДР, но и далеко за ее пределами знаменитый «АБФ». В Галле любой школьник растолкует вам, что эти три буквы означают «арбайтер унд бауерн факультет», то есть рабоче-крестьянский факультет, и тот, кто здесь учится, непременно со временем уезжает за границу продолжать свое образование. Ну а если вам доведется, как это случилось со мною, повстречать любителя популярной в ГДР телевизионной передачи «Всем сердцем», то вы непременно услышите одну любопытную историю из хроники «АБФ», которая произошла примерно год назад.

В тот вечер героем передачи, посвященной заслуженным гражданам республики, оказался студиендиректор рабоче-крестьянского факультета имени Вальтера Ульбрихта при университете в Галле, доктор Герхард Бюхнер. В телестудии, куда он был приглашен, его ожидал сюрприз. За обыкновенными школьными партами чинно сидели воспитанники доктора Бюхнера, ребята с «АБФ», которые только что получили аттестаты зрелости. Что же случилось? Как они здесь оказались? Оказывается, прежде чем разъехаться на учебу, «рабфаковцы» решили рассказать о своей жизни на факультете и перед лицом всей страны дать слово своему наставнику, что за каждую пятерку, полученную в сессию, они будут присылать ему из Советского Союза по одной книге редкого издания. Так о библиотеке доктора Бюхнера узнала вся республика. А в дни летних каникул участники этой телепередачи, теперь уже студенты советских институтов, отправились вместе с Герхардом Бюхнером в небольшой городок под Дрезденом, который называется Радебейль, и сдали в местный архив на хранение необычный документ. В нем говорилось, что 31 декабря 1999 года, в канун вступления человечества в третье тысячелетие, все они, воспитанники рабоче-крестьянского факультета университета Мартина Лютера в Галле, обещают встретиться вместе.

Так появился адрес этого репортажа. По пути в Галле моя спутница, бывшая «рабфаковка», а потом студентка Воронежского университета Линда Динельт рассказала о том, что многие, очень многие мальчишки и девчонки ГДР мечтают после одиннадцатого класса приехать в Галле на учебу. Почему? Странный вопрос для тех, кто твердо решил стать профессором кибернетики, выдающимся авиаконструктором, директором завода. Вы улыбаетесь, а ведь эти мальчишки и девчонки не такие уж фантазеры. Руководитель сектора в отделе науки ЦК СЕПГ Зигфрид Фёрстер, с которым я встречалась в Берлине, рассказывая о том, какое большое значение имели и имеют сегодня в развитии экономики, науки и культуры страны советские дипломы, полученные за эти годы воспитанниками рабоче-крестьянских факультетов, назвал среди них министра горнорудной промышленности и металлургии республики доктора Зингхубера, президента Академии педагогических наук профессора Нойнера, ректора Горной Академии профессора Роттера, декана математического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта профессора Франка и многих других.

И вот мы в Галле, тихом зеленом городке где еще в 1694 году прусский король Фридрих I в целях воспитания верноподданнейших служащих основал университет. В те давние времена педагог и профессор университета Август Франке, слывший большим филантропом, организовал здесь приют для детей-сирот, учительскую семинарию и латинскую (среднюю) школу, за что благодарные жители города назвали его именем школьный городок.

Но генеалогическое древо «АБФ», хоть и стоит оно на площади имени Франке, выросло совсем на иной почве. Вот послушайте, что рассказывает об этом коллега доктора Бюхнера, Карл Хайнц Шиллер:

— Вообще-то говоря, название «рабоче-крестьянский факультет» звучит архаично и теперь уже совсем для нас не подходит. Ведь «рабфаки» в нашей республике были созданы в пятидесятых годах, и целью их было дать за короткий срок детям рабочих и крестьян аттестаты зрелости. Через десяток лет «рабфаки» выполнили свою роль и прекратили свое существование. Теперь на всю страну, по существу, остался один-единственный рабоче-крестьянский факультет, здесь, в Галле. Только правильнее было бы его называть институтом для подготовки к учебе за рубежом. Девяносто процентов наших воспитанников едут учиться в Советский Союз, остальные — в Польшу, Болгарию, Венгрию.

Он отдал семнадцать лет жизни этому беспрецедентному в истории немецкого просвещения учебному заведению, и первых «рабфаковцев» студиендиректор Шиллер помнит по именам...

— Знаете, как называют наших студентов? «Послы» ГДР! Недавно я вернулся из Киева и Харькова: там учится сейчас большая группа наших «послов». И вот о чем подумалось... Двадцать лет назад, когда только начиналась история рабоче-крестьянского факультета имени Вальтера Ульбрихта, нынешний заместитель директора «АБФ», а тогда сотрудник посольства ГДР в Москве Фриц Кёбель встретил в Киеве единственного нашего студента — Клауса Апеля. А в этом году 850 молодых граждан ГДР начали учебу в четырнадцати советских вузах!

Ну а здесь, на Франкенплац, пока что пустовали аудитории. Новые «рабфаковцы» обычно перед началом учебного года проводят несколько недель в шестидесяти километрах от Галле, в подготовительном лагере. Среди других педагогов вместе с ними и Герхард Бюхнер, которого я хотела расспросить о его библиотеке. Но друзья доктора Бюхнера, с которыми мы встретились в деканате факультета, Карл Шиллер и Гельмут Кюн, конечно, были в курсе дела и сообщили мне, что за «пятерки» доктору Бюхнеру уже прислано почти семьдесят книг, а затем с улыбкой пригласили непременно приехать в Радебейль 31 декабря 1999 года, когда восьмидесятилетний доктор Бюхнер будет принимать отчет у своих воспитанников.

Галле готовится сейчас к большому празднику, который состоится здесь 28 октября и будет посвящен двадцатилетию со дня поездки первой группы молодежи из Германской Демократической Республики на учебу в Советский Союз. Здесь соберутся представители общественности страны, бывшие и нынешние «рабфаковцы», их немецкие и советские педагоги. И в канун этого события, вспоминая тех, кто получил здесь путевку в большую творческую жизнь, педагоги показывали нам снимки из жизни «АБФ» и по-домашнему, будто это были кадры из семейного альбома, рассказывали о каждой фотографии.

А потом на стол лег еще один снимок... Это стало традицией «АБФ». Каждую осень на вымощенной камнями площади за воротами Бухенвальда, там, где когда-то смерть выкликала из рядов заключенных очередную жертву фашизма, новые воспитанники рабоче-крестьянского факультета дают торжественную клятву: «...Клянемся хранить традиции рабочего класса и быть верными марксизму-ленинизму... клянемся укреплять дружбу с могучим Советским Союзом и со всеми социалистическими странами... Клянемся учиться на благо нашей республики, работать и бороться в защиту социализма против его врагов. Наша любовь, наша верность, наши силы — социалистической родине. Клянемся!»

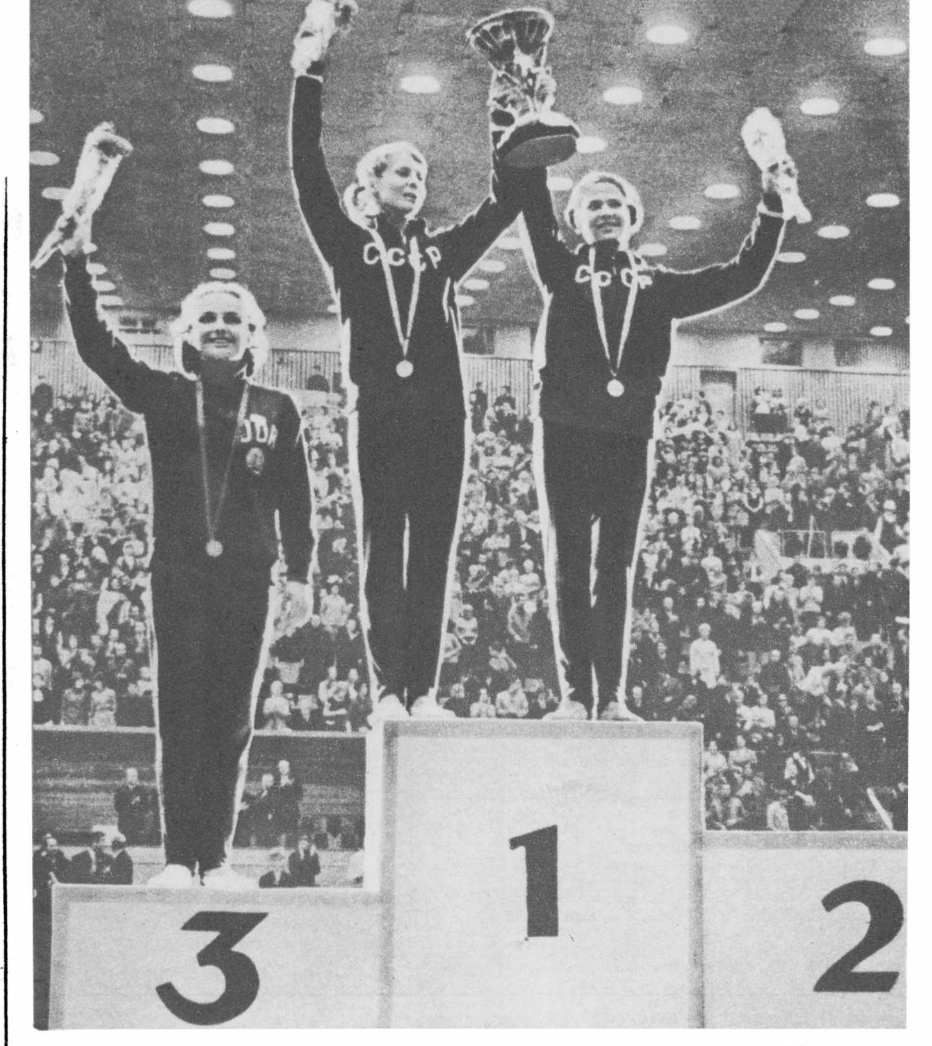
Многим из тех, кто 24 сентября 1971 года стоял на этой площади, повторяя слова клятвы, только исполнилось семнадцать.

Многих из тех, кто стоял здесь в апреле 1945 года, повторяя слова бухенвальдской клятвы «Наш лозунг — полное искоренение нацизма! Наша цель — построение нового мира, в котором царит мир и свобода», уже нет в живых. Годы, длиною в жизнь, легли между этими двумя клятвами, но они не разъединили, нет, они спаяли воедино два поколения — отцов и детей.

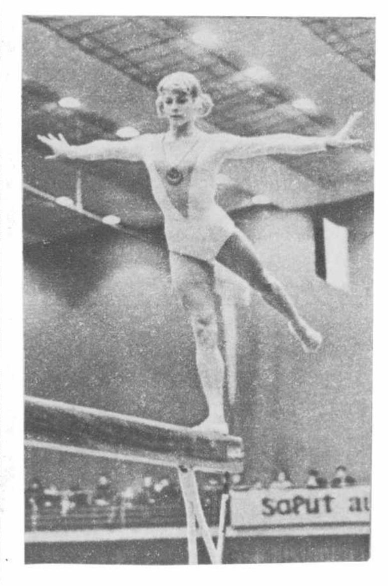
Сегодня эстафету воспитателей несут их воспитанники, ровесники Германской Демократической Республики, и среди них Гарольд Тиле, бывший «рабфаковец», а теперь «посол» ГДР в Киеве, который прислал в адрес «АБФ» такие строки:

«...Только что я прочитал книгу репортажей о Вьетнаме и весь под впечатлением прочитанного. Мир должен, должен остановить зверство американской военщины против вьетнамского народа! Какие же это мужественные люди... Книга была последним толчком для моего окончательного решения стать членом Социалистической единой партии Германии. Когда я еще учился в Галле, меня спрашивали, собираюсь ли я вступить в партию. Я думал об этом, но тогда еще не чувствовал себя достаточно зрелым для такого решения. Теперь же этот шаг — логическое продолжение моего жизненного пути, пути гражданина ГДР. Этот путь начался на «рабфаке» и продолжается здесь, в Киеве, где мы все с большим волнением и ответственностью представляем нашу страну...»

Галле — Берлин — Москва.

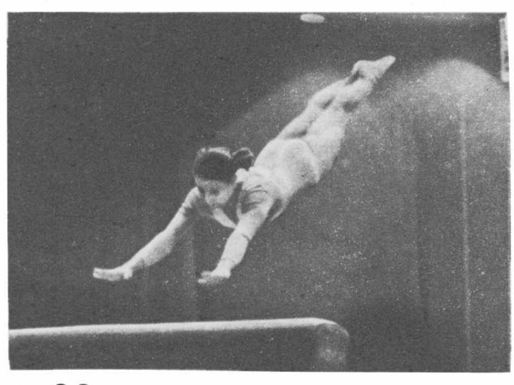

Редкий случай — сразу две чемпионки.

Тамара Лазакович была лучшей в упражнениях на брусьях и на бревне.

Опорный прыжок выполняет Людмила Турищева.

ПОБЕДНЫЙ ДУЭТ

Не скажешь, что нашим чемпионкам гимнастики всегда не везло. Однако Кубок Европы они не держали в руках 10 лет, хотя все эти годы на других чемпионских форумах выходили победительницами и становились призерами.

Кубок Европы, после того как в 1961 году его привезла Лариса Латынина, переезжал из Югославии в Чехословакию и ГДР. И вот 1971 год. Чемпионат Европы в Минске.

Право бороться за победу получили от Советского Союза двое — Людмила Турищева, студентка из Грозного, и учащаяся Витебского техникума физкультуры Тамара Лазакович. Первая — чемпионка мира, вторая — абсолютная чемпионка V Спартакиады народов СССР.

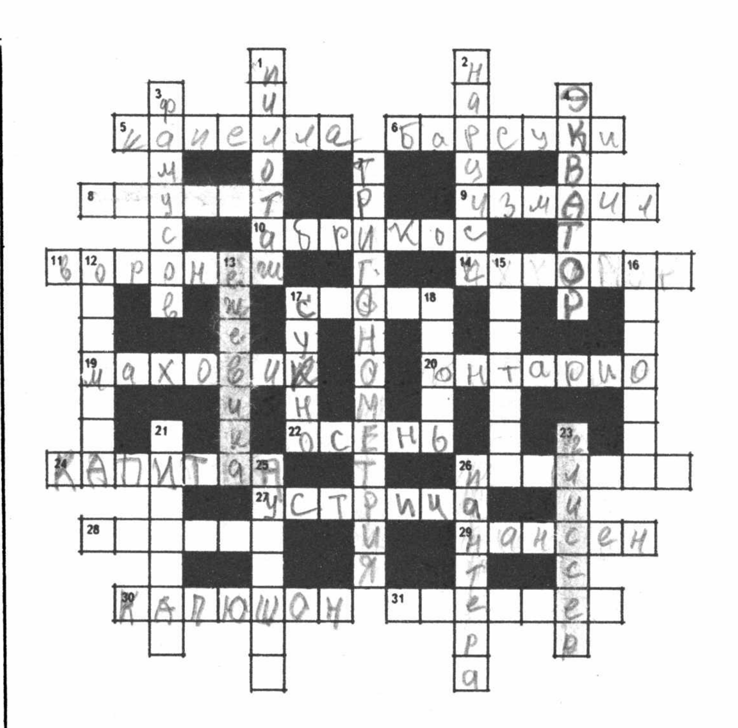
Спор за главные награды приобрел вскоре «домашний» характер — его вели Тамара и Люда. Они вели его уверенно и ровно. Помогали стены? Конечно! Но в своих стенах ответственность куда выше.

Неразлучные в команде, они набрали в многоборье по 38,85 балла, вдвоем поднялись на вершину пьедестала почета. Получили по золотой медали абсолютных чемпионов Европы. Кубок вручен Людмиле Турищевой за лучшее достижение в вольных упражнениях (9,9). Бронзовую медаль получила Эрика Цухольд (ГДР).

На следующий день снова все первые места у наших девушек!

Убедительная победа советской гимнастической школы.

А. ЩЕРБАКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Хор певчих. 6. Роман Л. Леонова. 8. Минерал синего цвета. 9. Город в Одесской области. 10. Южное плодовое дерево. 11. Областной центр в РСФСР. 14. Гриб. 17. Стихотворение В. Маяковского. 19. Колесо с массивным ободом, установленное на валу машины. 20. Река в Северной Америке. 22. Картина И. И. Левитана. 24. Старший в спортивной команде. 26. Самая яркая звезда в созвездии Близнецов. 27. Морской моллюск. 28. Духовой инструмент. 29. Норвежский исследователь Арктики. 30. Откидной головной убор. 31. Русский поэт XIX века.

По вертикали: 1. Искусство управления самолетом. 2. Цветок. 3. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 4. Условная линия, делящая землю на два полушария. 7. Раздел математики. 12. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 13. Ягода. 15. Порт в Италии. 16. Помещение для зимовки пчел. 17. Шерстяная ткань. 18. Часть стены, украшенная живописью. 21. Курорт в Литовской ССР. 23. Быстроходное судно. 25. Столица Мавритании. 26. Хищное животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 3. Котангенс. 5. Вафля. 6. Камея. 10. Стека. 11. Драва. 13. Каталог. 16. Золото. 17. Климов. 18. «Ведомости». 19. Роллан. 21. Фарфор. 25. Кларнет. 26. Такса. 28. Копра. 29. Марна. 30. Нетто. 31. Сыктывкар.

По вертикали: 1. Стилобат. 2. Бетатрон. 3. Коала. 4. Стенд. 7. Беппо. 8. Гравиметрия. 9. Лахти. 10. Сорокопут. 12. Антоновка. 14. Ровно. 15. «Скифы». 20. Литке. 22. Рампа. 23. Клубника. 24. Шевченко. 27. Аванс. 28. Катер.

На последней странице обложки: Минское спортивное кольцо. Здесь был разыгран традиционный Кубок по автогонкам между командами ГДР и СССР. Победителем стал неоднократный участник этих соревнований, известный немецкий спортсмен и конструктор гоночного автомобиля «Вартбург» Хейнц Мелькус.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/X-71 г. А 00633. Подп. к печ. 19/X-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1793. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1946.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

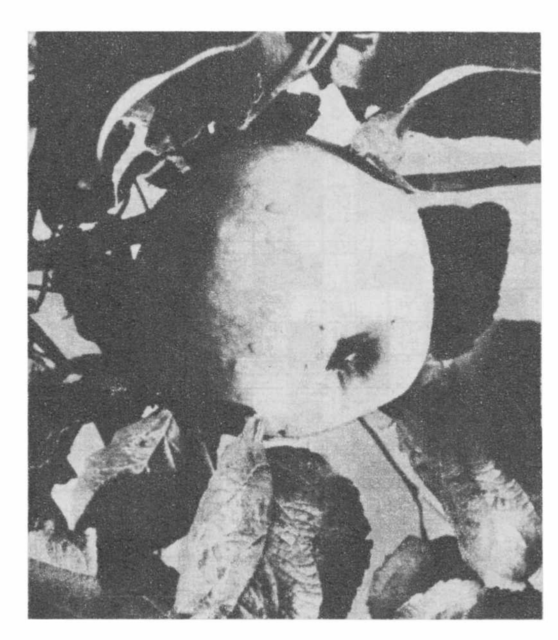

Фото А. БОЧИНИНА.

ЛЕБЕДЯНСКИЕ ЯБЛОКИ

От Липецка до совхоза «Агроном» шестьдесят километров с лишком. Сначала дорога идет полями. Машина долго бежит по асфальтовой ленте мимо ровных, антрацитово темнеющих пашен, и глаз скоро устает от их однообразия. Но вот весело зашумел, зашептал, заметался в ветвях ветер; вдоль дороги замелькали меднолистные клены, березки, тополя. А за ними, сколько хватает глаз,— яблони, пышные, ухоженные, с тщательно сформированными кронами. Золотятся и рдеют под неярким, но ласковым осенним солнцем литые шары плодов. Так вы попадаете в царство знаменитых липецких, лебедянских яблок.

Сады, сады, куда ни глянь. И совхозный поселок — ладные домики, рубленые да кирпичные — тоже утопает в их зелени, стоит островком, в самой середине яблоневого моря.

Вообще-то «Агроном» не одними яблоками живет. И пашни здесь имеются и животноводством занимаются. Но главная сила совхоза — это яблоки и ягодники. Более двух тысяч гектаров отведено под плодовые деревья. Каких только сортов здесь нет! Прославленная антоновка и пепин шафранный, осеннее полосатое, и коричное, и папировка. А в молодых посадках все больше новобранцы яблоневой рати: «суворовец», «мельба», «богатырь», «синап северный». Словом, в здешних садах представлено все яблоневое богатство средней полосы России.

«Агроном» — хозяйство богатое, развитое, ведется на крепкой научной основе. Местные садоводы давно подружились с наукой и держат постоянный контакт с сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института имени И. В. Мичурина. Да и сами совхозные работники — большие специалисты и своему делу кого угодно могут поучить. Многие из садоводов работают здесь почти всю свою сознательную жизнь. Около сорока лет возглавляет первое отделение совхоза Ефим Иванович Топильский. Четверть века «командует» пятым отделением Вера Арсентьевна Гребенникова. Так что есть уже в совхозе настоящие ветераны. И, как всегда и везде, содружество науки и опыта дает добрые результаты. За пять лет совхоз собрал и сдал государству 72 935 тонн плодов вместо 54 587 тонн, как полагалось по плану. Производительность труда повышается в «Агрономе» с каждым годом. Вот, например, в четвертом отделении, которым руководит кавалер ордена Ленина Наталия Александровна Жданова, средняя урожайность яблок за восьмое пятилетие составила 126 центнеров с гектара. А бригада Любови Федоровны Солодовой в этом же отделении стала победителем в соцсоревновании, сумев добиться еще более высоких результатов: с каждого из 61 гектара, закрепленного за коллективом, получали в пятилетку в среднем по 162 центнера ароматных, вкусных плодов.

Однако вырастить хороший урожай — только полдела. Нужно еще и убрать его без потерь. И нынче осенью, как и обычно, совхозный поселок безлюден. Все его население с рассветом подается в сады. К каждому дереву прислонена аккуратная стремяночка, на которой ловко и споро орудуют сборщики, только руки в ветвях мелькают. Но почему же здесь не видно ящичных гор, как это водится при уборке фруктов? В «Агрономе», как правило, обходятся без них. Яблоки сразу грузятся на специальные уборочные платформы. И когда наполнится 6—8 платформ, трактор тянет весь этот поезд к складу. Там яблоки тщательно рассортируют, уложат в ящички и отправят частью в магазины, частью в три собственных фруктохранилища. А весь нестандарт поступит в специальный совхозный цех для переработки. Двадцать видов вкусной продукции почти на миллион рублей производит цех — соки, повидло, компоты...

В этом году совхоз получил на круг по 103 центнера плодов с гектара. А задание — 80 центнеров. Убрать такой обильный урожай было нелегко. Своими силами и не справиться бы. Пришлось, как и в прошедшие годы, приглашать на помощь горожан. Временные рабочие едут в «Агроном» охотно: те, кто уже побывал здесь, рассказали друзьям и знакомым, что совхоз радушно привечает помощников. Ныне к совхозным садоводам приехали студентки Липецкого филиала Московского института стали и сплавов... Девушки остались довольны своей работой и гостеприимством хозяев.

— Никогда в жизни столько яблок не ели,— рассказывают студентки.— Ну и вкусные же! Особенно антоновка и, это — как его? — осеннее полосатое. Первый день так объелись фруктами, что в столовой на обед смотреть не хотелось...

— А не скучно вам здесь было?

— Сначала просто времени для скуки не оставалось: уставали с непривычки. Кончишь работу — и скорей в общежитие, отдохнуть. А потом попривыкли к работе и стали вечерами ходить в Дом культуры. Так что скучать не приходилось.

— Ну, а яблоки домой повезете?

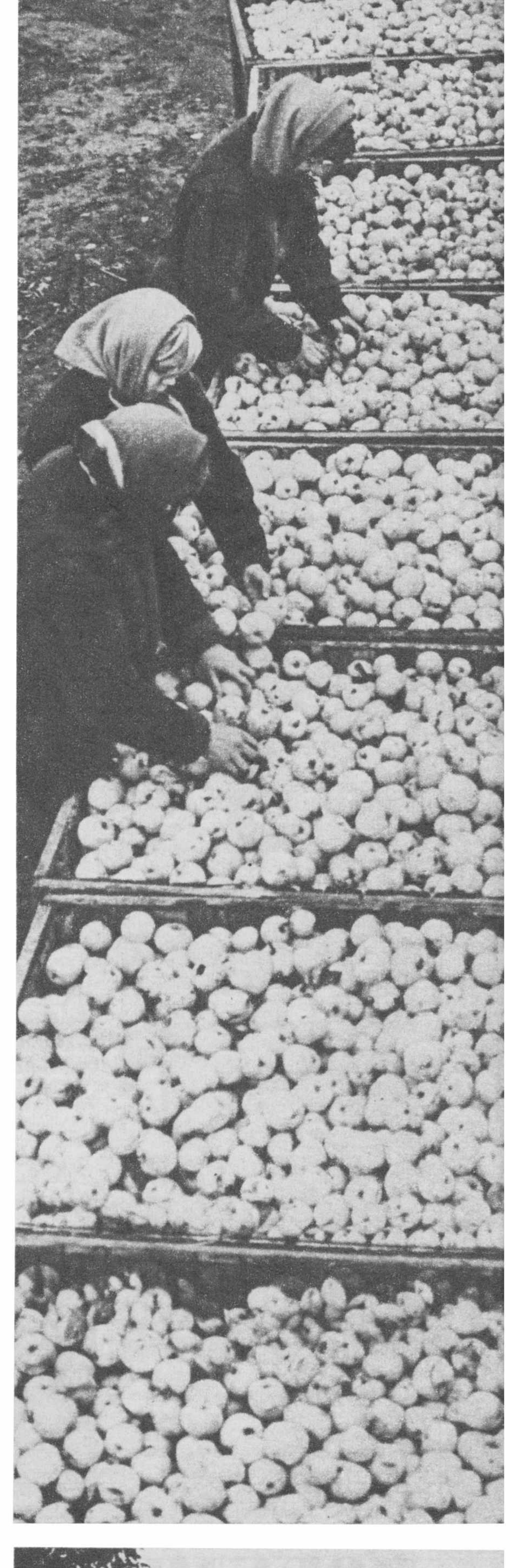
— Обязательно! Уже готовим. И яблоки повезем домой и деньги. Мы ведь тут неплохо зарабатывали, а за питание с нас брали всего по восемьдесят копеек в день.

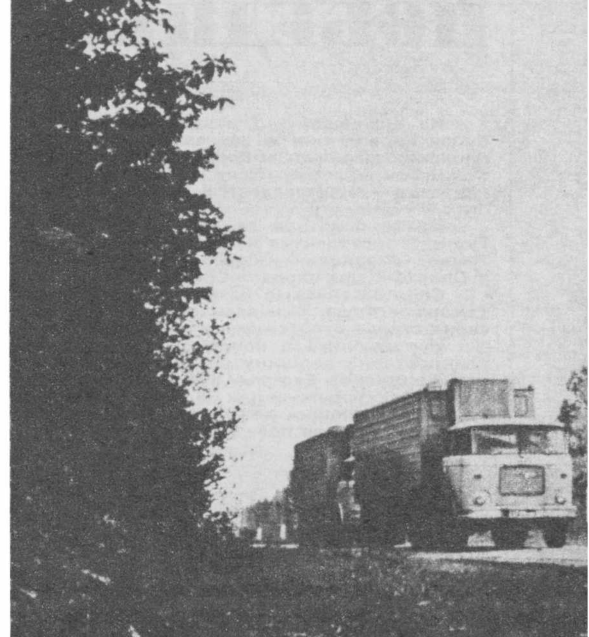
Девушки довольны совхозом, и совхоз доволен своими помощницами. Глядя, как споро работают студентки из Липецка, улыбается директор «Агронома», Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Октябрьской Революции Г. В. Копалин. «Хорошо, что девчатам у нас понравилось,— так или примерно так думает Герасим Васильевич.— Помощники нам и впредь понадобятся, даже больше, чем сейчас».

Это и понятно. На нынешнее пятилетие у совхоза планы солидные. К концу пятилетки «Агроном» собирается довести валовой сбор плодов и ягод до 25 тысяч тонн; надо увеличить емкость фруктохранилищ до 10 тысяч тонн и сдать в эксплуатацию целый консервный завод, который уже начали строить. Еще наметили прибавить площадь под ягодники, соорудить для их полива целую оросительную систему, механизировать платформы для обработки плодов.

...Скоро опустеют лебедянские сады, унесет с них ветер все листья, и уйдут отсюда рабочие. Но плоды их труда будут радовать людей и зимой. Однажды в студеный январский день свежий запах антоновки напомнит вам об ушедшем лете. И, кто знает, может, то наливное, янтарное яблочко попадет к нам на стол из липецких садов.

Н. ВЛАСОВА

Эх, яблочко, куда ты котишься!

Яблочный конвейер.

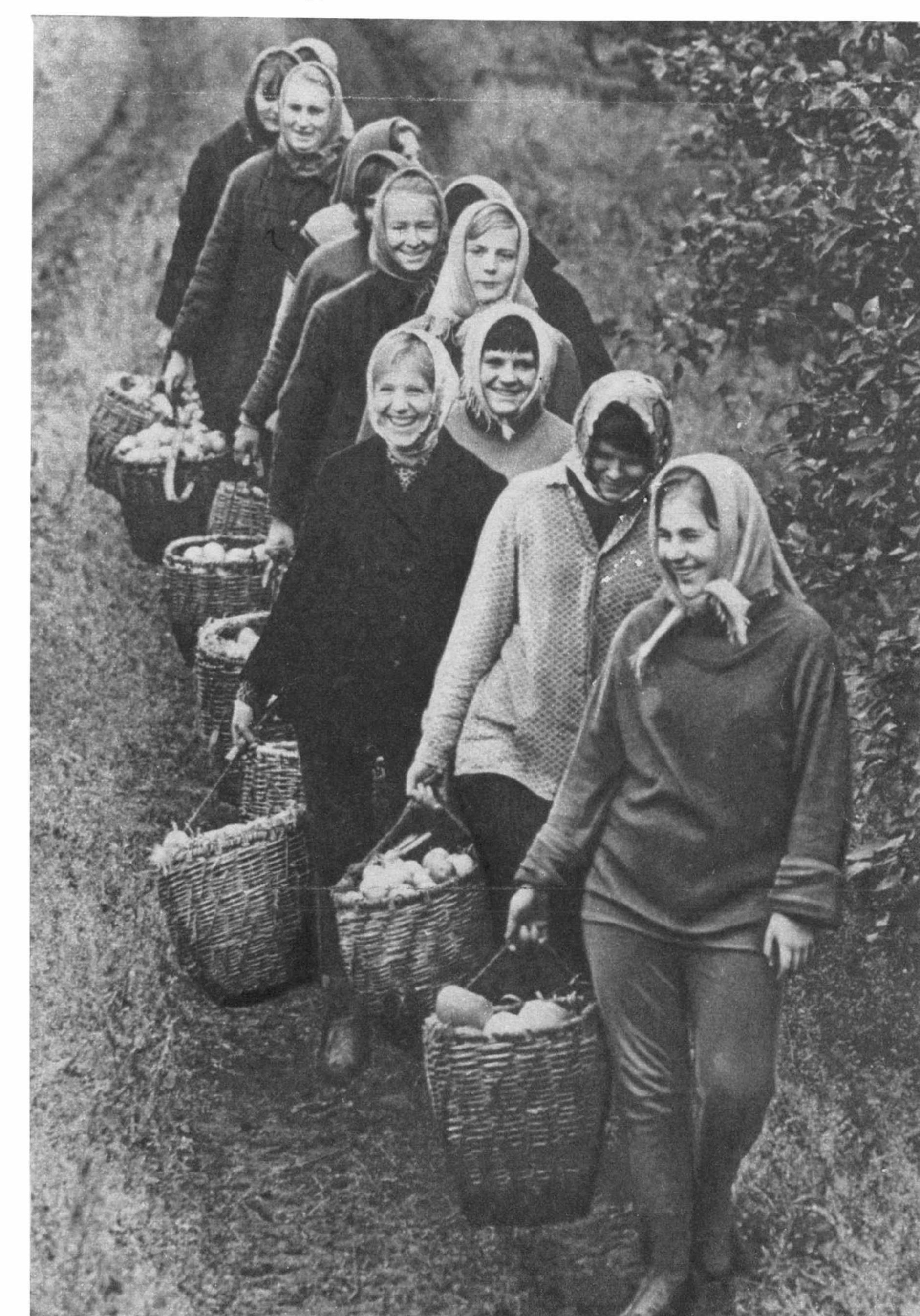

Перекур.

И яблоки проходят через ОТК.

Все рабочие совхоза с рассветом спешат в сады.

Индекс 70663.

